

**Международная академия методологии
государственного управления
МОО
Международное общественное движение
«Созидание общества социальной справедливости»
МОО**

АБРАМОВ В.Л.

И ПУТЬ
НЕИЗВЕДАН...

СТИХИ

Вып.12

Том 515(557)

Москва, 2020

Научное,
энциклопедическое
многотомное издание
«Человек и общество»
(1991 -2020)
Основатель, научный редактор
Комарова А.И.

Для государственных и негосударственных органов, общественных организаций и объединений, государственных деятелей, политиков, ученых, специалистов-практиков, преподавателей высших и других образовательных учреждений , аспирантов, студентов ..., а также широкого круга читателей, интересующихся вопросами утверждения правового государства, созидания истинно человеческого общества - общества социальной справедливости в России, Украине и в Мире

АБРАМОВ В.Л. И ПУТЬ НЕИЗВЕДАН... СТИХИ.
/ «Художественно-эстетический геном социума –
фактор созидания общества, достойного
настоящего и будущего». Вып.12. / Гл. ред.
Комарова А.И. Том 515(557). М., 2020.

©Международная академия
методологии государственного управления, МОО. 2020.
© Международное общественное движение
«Созидание общества социальной справедливости» МОО.
2020.

Настоящий Том 515(557). – это очередной выпуск 557 - томного Издания, который продолжает ДИАЛОГ – ОБРАЩЕНИЕ к социуму Планеты, государствам и народам - нашим современникам и будущим поколениям - созидателям ИСТИННО ЧЕЛОВЕЧНОГО ОБЩЕСТВА – ОБЩЕСТВА СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ.

Основной из принципов нашей активности: «Прогрессивные идеи должны работать – звучать, как колокола, тиражироваться – пока не станут инициировать действия государственно-управленческого, политического, научного... АВАНГАРДА общества, миллионов народных масс».

А.Комарова

Комарова Алина Ивановна – ректор Международной академии методологии государственного управления (МОО), председатель Международного антикоррупционного комитета (МОО), руководитель Международного общественного движения «Созидание общества социальной справедливости» (МОО), руководитель Международного общественного объединения «АНТИРАК» (МОО), академик Международной академии интегративной антропологии, академик Ноосферной общественной академии наук, доктор философских наук, юрист, профессор

Этот Том 515(557) Вып.12. одной из 50 рубрик
«Художественно-эстетический геном
социума – фактор созидания общества,
достойного настоящего и будущего»

Энциклопедического Интернет-Издания «ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО», научный руководитель Комарова А.И., которое действует с 1991 года (Москва-Киев):

с 2016 г. – Интернет-Издание.

На 11.09.2020. у нас более 1 299 000 читателей.

Напомним некоторые из публикаций этой рубрики Издания:

1. Художественно-эстетический геном социума – фактор созидания общества, достойного настоящего и будущего. Том 1. К., 1991.
2. Человек и духовность. Том 5. К., 1997.
3. Украина на пороге третьего тысячелетия: духовность и художественно-эстетическая культура. Том 14. К., 1999.
4. Украина на пороге третьего тысячелетия: духовность как основа консолидации общества. Том 15. К., 1999.
5. Духовность как основа консолидации общества. Том 16. К., 1999.
6. Духовность и художественно-эстетическая культура. Том 17. К., 2000.
7. <http://viperson.ru/articles/hudozhestvenno-esteticheskiy-genom-sotsiuma-faktor-sozidaniya-obschestva-dostoyrnogo-nastoyaschego-i-buduschego-kniga-sedmaya-tsymbalist-yu-i-gl-red-komarova-a-i-tom-85-127-m-2018> / Художественно-эстетический геном социума – фактор созидания общества, достойного настоящего и будущего. Книга седьмая: Цымбалист Ю.И. / Гл. ред. Комарова А.И. Том 85 (127). М., 2018.
8. <http://viperson.ru/articles/hudozhestvenno-esteticheskiy-genom-sotsiuma-faktor-sozidaniya-obschestva-dostoyrnogo-nastoyaschego-i-buduschego-kniga-vosmaya-tsymbalist-yu-i-tom-102-144> / Художественно-эстетический геном социума – фактор созидания общества, достойного настоящего и будущего. Книга восьмая: Цымбалист Ю.И. Том 102(144).
9. <http://viperson.ru/articles/istorii-pesen-dorog-vovny-v-m-kalabuhov-hudozhestvenno-esteticheskiy-genom-sotsiuma-faktor-sozidaniya-obschestva-dostoyrnogo-nastoyaschego-i-buduschego-gl-red-komarova-a-i-tom-454-496-vyp-9> / ИСТОРИИ ПЕСЕН ДОРОГ ВОЙНЫ. В.М.Калабухов / «Художественно-эстетический геном социума – фактор созидания общества, достойного настоящего и будущего». Гл. ред. Комарова А.И. Том 454 (496). Вып.9. М., 2020.
10. <http://viperson.ru/articles/vdohnovennie-krasota-polza-gribnov-sezon-v-m-kalabuhov-hudozhestvenno-esteticheskiy-genom-sotsiuma-faktor-sozidaniya-obschestva-dostoyrnogo-nastoyaschego-i-buduschego-gl-red-komarova-a-i-tom> / Вдохновение, красота, польза: грибной сезон. В.М.Калабухов / «Художественно-эстетический геном социума – фактор созидания общества, достойного настоящего и будущего». Гл. ред. Комарова А.И. Том 469(511). Вып.10. М., 2020.
11. <http://viperson.ru/articles/krasnoschek-svetlana-stepanovna-izvestnyy-dizayner-obschestvenno-politicheskiy-devatel-ch-1-hudozhestvenno-esteticheskiy-genom-sotsiuma-faktor-sozidaniya-obschestva-dostoyrnogo-nastoyaschego-i-buduschego> / КРАСНОЩЕК Светлана Степановна – известный дизайнер, общественно-политический деятель. Ч.1. / «Художественно-эстетический геном социума – фактор созидания общества, достойного настоящего и будущего». Гл. ред. Комарова А.И. Том 482(524). Вып.11. М.-К., 2020.

<http://viperson.ru/articles/komarova-a-i-o-44-htomnom-izdanii-nii-quot-problemy-cheloveka-quot-m-2017-O>.

* * *

АБРАМОВ В.Л. И ПУТЬ НЕИЗВЕДАН... СТИХИ. / «Художественно-эстетический геном социума – фактор созидания общества, достойного настоящего и будущего». Вып.12. / Гл. ред. Комарова А.И. Том 515(557). М.-К., 2020.

* * *

ВЛАДИМИР АБРАМОВ

И ПУТЬ НЕИЗВЕДАН...

СБОРНИК СТИХОТВОРЕНИЙ

ТУЛА

2014

АБРАМОВ В.Л.

И путь неизведан...Стихи. – Тула: «Гриф и К», 2014.-
250 с.

© Абрамов В.Л., 2014

СЛОВО О ДРУГЕ

Вторая половина шестидесятых. Четверо выпускников советских технических вузов оказываются в одной из бывших «шарашек» (отсюда в Володином предисловии «пребывание в различных кругах» с нелёгкой руки Александра Исевича).

Володя («Леонидыч») сразу выделяется своей многогранной неординарностью. Натура поэтическая, независимая, полная внутреннего достоинства – душа и совесть нашей молодёжной «кучки». Не счесть наших встреч до утра с володиным исполнением «Анны Снегиной», пением красивых песен под гитару... Такие же по эмоциональности ночи напролёт со спорами до хрипоты о судьбе Родины под щемящее «нет, ребята, всё не так, всё не так, ребята» другого Володи. Мы, наивные, тогда ещё веровали в спасение через возврат к «незамутнённым» ленинским принципам (слава Богу, не ведали тогда их истинной цены...). Похоже, менее всего разделял эти иллюзии Володя.

При всём при этом, мы не за страх, а за совесть делали своё дело «государственной важности», ни на миг не забывая, что такое Главный Противник, и Леонидыч отдавал этому все свои силы и недюжинный талант...

Но нет (и не было) пророков, особенно в нашем Отечестве. Незадолго до начала паскудной эпохи словоблудного разбазаривания и разграбления великой страны «Система» сожрала своего талантливое и преданное сына. Независимые научно-технические суждения Володи были избраны предлогом для шельмования.

И это мы, наивные, поняли позже: истинной причиной отторжения «Системой» Личности был «неправильный пятый пункт» в анкете жены Володи, её выезд в земли обетованные...

В сучьи девяностые, когда новые хозяева жизни рыжезвёздно-полосатой масти беспардонно дербанили Страну и поносили всё прошлое, особенно «бойцов невидимого фронта», мы редко виделись, но, как могли, помогали друг другу выжить...

В эти годы и стали догадываться – стихи какого «неизвестного поэта» иногда читал нам Леонидыч.

Когда довелось держать в руках первое издание стихов Володи Абрамова, постоянно одолевало щемящее чувство – будто касаюсь израненной души Друга, исключительно талантливой, но не признанной Страной поэта.

Уже годы, как Володя ушёл. Доктор «Время» не лечит, меня не покидает безысходное, морозное ощущение одиночества. Помните, об этом хорошо сказано у Володиного тёзки:

«Друг! Оставь покурить! - А в ответ - тишина...».

**Владимир Николаевич Ткач (Fareiro),
Председатель Совета директоров STT GROUP,
Ген. директор ЗАО «Группа Защиты - ЮТТА».**

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ...

Соглашусь с Владимиром Николаевичем: Его Вселенское Величество Время не лечит. Просто в Нём, подчиняясь Всевышнему, происходит всё, что должно или не должно произойти в нас, с нами, рядом с нами или далеко от нас. Мы не чувствуем прямого воздействия Времени на себе, лишь по внешним проявлениям способны видеть, какие изменения происходят в жизни.

Но я точно знаю: иногда случаются (что отнюдь не значит – случайно) события, воздействие которых на нас ощущается чуть ли не физически. Так произошло, когда Володя Ткач, мой молодой коллега по службе, при очередной нашей деловой встрече вдруг показал мне единственный оставшийся в природе сборник стихов Владимира Абрамова. Помню, как с первых же строк первого же прочитанного мной стихотворения (до «мурашек на коже») у меня возникло ощущение присутствия рядом автора, иллюзия моего участия в обсуждении всего, о чём Володя рассказывает. Но ведь точно о таком же своём чувстве поведал мне в начале встречи и В.Н.Ткач. Признаюсь: это был один из редких моментов откровений между мужиками, тем более – сотрудниками одной из бывших «шарашек», а на самом деле – мощного научно-производственного оборонного объединения, в руководстве которого мне выпала честь состоять в течение нескольких лет.

Взаимными откровениями стало всё: наше понимание поэтики, восхищение талантом коллеги, впервые прозвучавшими признаниями о нашем широком круге интересов в области культуры и искусства, наконец, предание гласности моих скромных способностей в области стихотворчества, музицирования и сочинительства музыкальных произведений. Всё это говорю для того, чтобы читатель поверил в искренность моей высочайшей оценки творчества Владимира Леонидовича Абрамова, его философских взглядов и рассуждений,

неравнодушного отношения к державе, патриотом которой он был и служил ей верой и правдой в самом точном смысле этих слов.

Искреннее совместное желание восстановить в среде ценителей высокого искусства память о столь неординарном, мыслящем человеке, поэте, гражданине выразилось в представлении уважаемым читателям настоящего издания стихов Владимира Абрамова. Он оставил о себе прекрасный след!..

Впрочем, история нашего Ведомства, а также история нашего НПО свидетельствуют в пользу справедливости тезиса о том, что все большие и полезные дела, все достойные поступки совершают люди, талантливые во всех отношениях, долго оставаясь неизвестными для общества по причине своей природной скромности. О них вспоминают в преддверии знаменательных дат. В данном случае представление нами полного сборника произведений Володи Абрамова по какому-то знаку Свыше происходит в канун 85-й годовщины нашей научно-производственной организации. Теперь и её ветераны, и молодые сотрудники получают ещё одну возможность удостовериться в огромном диапазоне способностей сослуживцев, вместе с которыми они защищают Отечество.

У меня и В.Н. Ткача есть искреннее пожелание коллегам: всё же находить пути и создавать условия для проявления всех способностей и талантов сотрудников во время их активной служебной деятельности, тогда будет происходить постоянное развитие интеллектуального потенциала защитников великой России.

И ещё. Мы оставили в неприкосновенности подлинные тексты всех произведений В.Л. Абрамова и предисловий к посмертному изданию сборника его стихов.

**Юрий Иванович Цымбалист,
полковник в отставке,
член Союза писателей России.**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это посмертный сборник стихов Владимира Леонидовича Абрамова. 14 сентября 2005 года, утренняя пробежка, острая сердечная недостаточность, мгновенная смерть. Поэтому и предисловие к этому сборнику не авторское.

Не любил Володя где-либо приводить свои биографические данные. Действительно, у него - как и у большинства людей его поколения (а родился он в 1941 году) - биография внешне не яркая. Зато личность была яркая. Природа щедро одарила его: футбол, походы, гитара, песни, споры, юмор, философия, работа, дружба, помощь людям и многое другое. Но особенно удавались стихи.

Писал их Володя давно, но в стол. Многие знавшие его десятилетиями с удивлением обнаружили несколько лет назад, что он пишет по-настоящему, а не балуется стихами, как многие. В значительной мере под напором друзей он издал в 2002 году первый сборник «Круги», а в 2004 - второй «И путь неизведан» (в который не вошло ни одно из стихотворений первого сборника), и тогда масштабы его поэзии стали отчетливо видны.

И мне, и многим, знавшим Абрамова, и не знакомым с ним представляется, что его стихи находятся на уровне лучших признанных отечественных поэтов. И по содержанию, и по слогу. Рад, что высказал ему эту оценку. Похоже, что Володе это было приятно, но и тени зазнайства не возникло. Высокие оценки с разных сторон, кажется, лишь добавляли ему настроения писать, повышая и без того фантастическую, граничащую с самоедством, требовательность к себе. Вот уж кто действительно выбрасывал «единого слова ради тысячи тонн словесной руды». В лучших традициях отечественной поэзии гражданственность здесь соседствует с разноплановой лирикой. Особо хотелось остановиться на двух вещах: «Обнажение» и «Мое поколение». Представляется,

что в них сильнее чем где-либо в российской поэзии (и даже в прозе или публицистике) высвечены многие глубинные процессы последних лет и десятилетий. Прочтите внимательно «Обнажение» и вы поймете, что не экономические пертурбации или т. п., а обнажение самых темных черт нашего человека на всех уровнях («залы и подвала»), выход их из закоулков души в двигатель поступков - самое большое зло последних лет. Причины этого - 70 лет социализма, бездарный выход из него, масштабный атеизм или что-то еще и их пропорции - должны стать предметом будущего социально-психологического анализа, но само явление описано впечатляюще ярко, с разных сторон и мастерски. Экономика поправится, а с выплеснувшейся мразью нашим потомкам придется бороться еще много десятилетий, загоняя зверя обратно в логово.

Прежде чем читать в первый или очередной раз «Мое поколение», освежите в памяти лермонтовскую «Думу». Как говорится, переключка веков (по-видимому, не случайно эту вещь Абрамов поместил во втором сборнике сразу за стихотворением «Лермонтов» - тоже очень впечатляющем). Там речь идет о поколении бездействующих, а здесь - о поколении безмыслящих, причем это безмыслие высвечивается в различных ракурсах (схватывать явление с многих сторон - типичный прием Абрамова): усыпление мифом, желание в «мирах ютиться, где все решат за нас самих, где все само собой решится», поиск виновников, торговля достоинством и т.д.

Что касается слога, то это область профессионалов. А впрочем, почему? Если простым людям демократического общества доверяется оценивать на выборах управленческие способности кандидатов в президенты или решать на референдумах важнейшие вопросы жизни страны, то почему нам негоже оценивать форму стихов? К тому же пусть профессионалы знают, что нравится непрофессионалам - ведь нас

гораздо больше. Поражает в стихах Володи огромный словарный запас автора (в оперативной памяти - так-то вроде бы все слова известны, но они где-то в закоулках мозга, а не в постоянном использовании), разнообразные стиль и размер стихов, мастерское преодоление поэтических трудностей. Возьмите опять-таки «Обнажение». Оно из коротких строчек, а такие рифмовать куда труднее; ничего - стих льется свободно и непринужденно. Стихи Абрамова предельно насыщены мыслями. Поэтому пить из этого сосуда надо не залпом, а маленькими глотками. Можно посоветовать читать даже не в первый раз по 3-5 стихотворений подряд, не более. Иначе трудно. А как следствие может возникнуть непонимание, за ним раздражение, возможно, неосознанные поиски недостатков - чтобы не читать далее. Например, обвинение в морализаторстве. Это, конечно, есть, но оно вольно или невольно присутствует во все века у лучших наших поэтов: не в традициях отечественной поэзии затушевывать отношение автора. Возьмите и здесь, например, далее политически нейтральную вещь «Метель». Многие ели «мирно спят, укрыв друг друга» на ветру, но симпатии автора - пусть в явном виде и не изложенные - на стороне одинокой молодой ели, противостоящей разбушевавшейся стихии.

Этот сборник включает в себя все произведения первых двух, причем в том же порядке, в каком их расположил автор. Полностью сохранены и авторские предисловия к ним - они, по-моему, не менее интересны, чем стихи. Третья часть данного сборника состоит из стихотворений, которые не входят ни в один из первых двух, и которые Абрамов предназначал для третьего сборника. Подготовлены к публикации эти стихи были уже после его смерти; они, естественно, различной степени законченности. Отражая это обстоятельство, составители данного сборника позволили себе дать третьей части название «Неоконченная строка...» и поставить в конце ее стихотворение «Русский конь», пронизанное ощущени-

ем глубокой неопределенности сегодняшнего этапа истории нашей страны («Разбег к прыжку? Куда ж на этот раз?»).

Цитируя Паскаля, Володя писал в предисловии к сборнику 2004 года: «Людей учат чему угодно, только не порядочности, между тем всего более они стараются блеснуть порядочностью». Стихи Абрамова учат - причем ненавязчиво - порядочности. Как впрочем и гражданственности, вдумчивому отношению к жизни, приоритету духовного и еще многому-многому другому.

Е. Гутцайт

Из сборника

«КРУГИ»

2002 год

Владимир Леонидович Абрамов

«Как представить себя, предваряя первую публикацию? Не писать же автобиографию, пусть самую краткую? Родился, учился, женился... Дело пустое и неблагодарное. Ничего примечательного. Тем более - особенного. И уж тем более - выдающегося. Жизнь на разных «кругах». Должно быть, как у большинства. И где у какого «круга» начало - зачастую не разгадать. Почему художника влекут законы мироздания? Почему физики пишут стихи?... Может быть, что-то зародилось ещё в далёкие послевоенные годы среди старых столичных улиц и переулков тихого Замоскворечья? Может, что-то перепало по наследству? Например, от отца, который писал с фронта письма в стихах? Может - что вероятнее - преклонение перед величием человеческого гения и творцов культуры и отзыв души в знак их благословенной памяти? Кто наберётся смелости утверждать доподлинно? И важно ли это? Не важнее ли обретение порядка в душе как нечто такого, что входит в нас в той мере, в какой мы сами к нему стремимся, ибо мир откликается нам, как эхо, и возвращает обратно то, что мы ему посылаем? «Небеса спускаются к земле в ответ на горные взлёты человеческого духа» (память сохранила только блеск метафоры, но не имя её автора). Не эти ли взлёты слагают Судьбу?

Если в жизни властвует борьба, то в первую очередь - с самим собой. Неспроста предупреждение: не искушай самого себя. Во всех его конкретных проявлениях: например - «не бери чужого» или «не приближайся к месту, где дурно пахнет». Это как заповеди. Помогающие и спасающие.

Первая книга - она и твоя, и уже не твоя. Потревожит ли кого какое слово? Скользнёт ли оно по поверхности или зацепит что-то в глубине? Взволнует или оставит равнодушным? И каков будет суд? Пусть он будет строгим и даже суровым. Только бы - без злобы и несправедливости».

Автор

КРУГИ

Под прикрытием Небес
Души смертных обитают,
Сверху - ангел, снизу - бес
Их под сень свою сзывают.
Своеволием дыша,
Окрылённая гордыней,
Кружит каждая душа
Меж соблазном и святыней.

То, прельстясь какой игрой
Или призрачную властью,
Обожжёт себя порой
Демонической страстью.
Иль, поддавшись на обман,
Вспыхнув быстрою мечтою,
Устремится сквозь туман
За надеждою пустою.

То, устав, постигнет вдруг
Средь волнений и дерзаний,
Тщетность всех своих потуг
И бесплодность упований.
Иль в уныние впадёт,
В неотвязчивую скуку,
Ощущая горький гнёт
И безвыходную муку.

То внезапно ввысь взлетит,
Где без ложного покроя
Свет божественный разлит
Средь отрадного покоя.
Где, разя любой недуг
Властной силой неземною,
Веет вольный Дух вокруг
Очищающей волною...

В череде страстей и смут,
Действий путных или праздных,
Ищут души свой приют
На кругах разнообразных.
И любой свершённый путь
Оставляет след незримый,
Чтоб ему когда-нибудь
Стать судьбой неотвратимой.

НОЧЬ

Звуки денные размылись,
Растворились в тишине,
И в безмолвии открылись
Звёзды в чёрной глубине.

Бездны кроткое дыханье
Веет призрачной волной,
Будто с целым мирозданьем
Слит я силой неземной.

Нет меня: ни мысли брэнной,
Ни томящих сердце мук,
Лишь один покой блаженный
Разливается вокруг.

Нет ни страха, ни волненья,
Ни желаний, ни мечты,
Только детское смиренье
Пред величьем темноты.

И как тень, неуловимо,
Из божественных небес
Входит дух в меня незримо,
Чтоб я ожил и воскрес.

* * *

Когда рожденья наступает час,
И мы вступаем на земной порог,
Есть три родителя у каждого из нас:
Два первых - мать, отец. А третий - Бог.

Когда любовь как пламень вспыхнет вдруг,
И счастьем упоит всемиловитый рок,
Есть три свидетеля сердечных сладких мук:
Два первых - он, она. А третий - Бог.

Когда в ночной тиши восторгом слез
Являет муза тайну нежных строк,
Есть три вершителя волшебных дивных грёз:
Два первых - ночь, поэт. А третий - Бог.

* * *

Когда бы мы в минуту откровенья
На жизнь свою взглянули без прикрас,
И в каждом бы из нас
Блеснула молния прозренья,
Что б увидали мы в душе своей?
Какие б жуткие виденья
Теньями промелькнувших дней
Явились нам как наважденья!
Какой нас охватил бы тленья смрад
В глухой неведомой тревоге,
Что, каменея на пороге
Разверстых в подземелье врат,
Мы содрогнулись бы от страха пробужденья,
И пред могильной стоя пустотой,
Вдруг чувство мерзкого презренья
Нас окатило бы холодною волной!

О, Боже мой!
С какую страстной силой

В своей поспешности ретивой
Мы отравляем свой родник,
Что бьёт живительною влагой!
С какою лёгкою отвагой,
Чтоб насладиться краткий миг,
Вершим мы над собой беспечный суд,
И в свой божественный сосуд
Вливаем сладкий яд,
Прельстясь его благоуханьем!
С каким восторженным дерзаньем,
Привольно ослепляя взгляд,
Мы гасим огонь в себе бесценный!...
Но светлый луч благословенный
Слетает с гордого чела,
И нас охватывает мгла...

* * *

Ещё ликует пир, ещё вино искрится,
Ещё согласие державствует в рядах,
Ещё озарены восторженные лица,
И пыл победы на устах,
Но час уже пробил. И предрешён исход.
Бессильны призраки пред властью рока.
Так обречённо с дерева подгнивший плод
На землю падает до срока.
Так неизбежно легкий челн,
В морскую угодив пучину,
Находит средь кипящих волн
Свою печальную кончину.
Всё только впереди: усталости налёт,
Следы угасшего безумного веселья,
Обетов и зарок гнёт,
И тягостное смутное похмелье.
Всё впереди: и немочи отсвет,
И горечь жалких обретений,
И осознание ничтожности побед,
И пробуждение от сновидений.

СТРАННИК

Мы благодушно принимаем
Манящий к свету чей-то зов
И по чужим следам ступаем,
Чтя притягательных богов.

Но, одолев глухие дали,
Те, что влекли в цветущий рай,
Вдруг понимаем, что попали
В чужой и сумеречный край.

Как в жизни часто так бывает,
Что в жажде цель скорей найти,
Нас без борьбы одолевает
Соблазн короткого пути.

В нём нам рисуется отрада,
Доступность дали, чистый свет,
В нём - оболыщенье и услада
От лёгкой славы и побед.

И только странник неприметный
В любую пору: в снег и в зной,
Влекомый думою заветной
Бредёт окольную тропой.

Его зовёт своя дорога,
Где ни следов нет, ни примет,
Где нет уютного порога,
И нет спасения от бед.

Там шум молвы людской не слышен,
Не манит злата перезвон,
И тайное дыханье свыше
Его благословляет сон.

Там только голос мироздания
Открыт душе его сполна,
Где сладость светлого свиданья
Ему дарует тишина.

В его тропе - своё значенье,
Там славы громкой не снискать,
В ней - и страданье, и сомненье,
Но в ней - и свет, и благодать.

СВОБОДА И ЧЕСТЬ

То ль кичится людская природа,
То ли силы нечистой месть:
Воздвигается слово - свобода,
Низвергается слово - честь.

В каждом веке свои есть приметы,
Но никак нет величия там,
Где в забвеньи благие заветы,
И нет места достойным словам.

Схоже странному сну иль виденью,
Как из дальнего прошлого весть,
Вдруг мелькнёт иногда зыбкой тенью
Старомодное слово - честь.

Это слово в дни оные чтили,
Дорожить им - давали обет,
С ним не раз на костёр восходили,
Презирая хулу и навет.

Этим словом на смерть иль во славу
Звал набатный неистовый зов,

Постоять за родную державу,
Постоять за отеческий кров.

На изветы, обманы, засады,
На коварство, на зависть и лесть,
Презирая чины и награды,
Восставала всегда чья-то честь.

Уронить честь - слыл^о за измену,
И не раз, выбирая ответ,
Назначали ей высшую цену,
Приставляя к виску пистолет.

Честь не просто забытое слово,
Честь подобна ферменту в крови,
Он сродни возбудителю зова
К проявлению добра и любви.

Он - закваска душевного пыла
Средь страданий иль сладостных грез,
Чтобы сердце в груди не остыло
И не впало бы в анабиоз.

Искушениям в жизни раздольно,
Но они отличают лишь тех,
Кто свободно иль даже невольно
Повторяет иудин грех...

Не понять, что ж за кровь у народа,
Иль по жилам течёт что невесть,
Если гордому слову - свобода
Не приравнено слово - честь?

Кровь дурная рождает безликость,
И тогда, без оглядки на страх,

Лишь корысть, самодурство и дикость
Торжествуют в своих правах.

И тогда нет иного исхода,
Как изведать достойную месть:
Ибо там только в силе Свобода,
Где царит с нею рядом Честь.

* * *

Я - маленькая капля, послушная волнам,
Вокруг меня бушует огромный океан,
Он яростно рокочет, безумствует порой
И, будто бы играя, смеётся надо мной.
То вознесёт на гребень, то в бездну сбросит вдруг,
Иль втянет ненароком меня в бурлящий круг.
Он грозен и опасен, могуч, неукротим,
И маленькая капля бессильна перед ним.
Но как бы ни бросало безжалостной волной
Есть то, что не доступно стихии роковой,
Есть то, что непокорно ни бурям, ни ветрам,
Ни грозovým раскатам, ни яростным штормам,
Что выше и сильнее всех океанских сил,
Что может быть подвластно лишь сумраку могил.

Есть маленькая капля, послушная волнам,
Вокруг неё бушует огромный океан,
Её не слышен голос и неприметен след,
Но в ней есть зов свободы и молчаливый свет.
Куда б ни заносило её в пучине вод,
У ней несокрушимый и верный есть оплот;
Какие бы невзгоды ни веяли извне,
Не меркнет луч желанный в заветной глубине,
И свет его струится отрадною волной,
И океан не властен над каплею одной.

МОЙ ДВОЙНИК

Во мне живёт неведомый двойник,
Хранитель мой и спутник неизменный,
Но неприметен его тайный лик,
Беззвучен его голос сокровенный.

Он слит со мной. В любые дни
Мы по одной идём земной дороге,
И знает он все радости мои
И все мои печали и тревоги.

Когда себя то защищая, то стыдя,
Пытаюсь я ценить свой труд смиренный,
Он самый беспристрастный судия
И мой единственный свидетель достоверный.

Каким бы случаем ни означался день,
Куда б ни занесло житейскою волною,
Всегда он рядом, словно тень,
Навеки обручённая со мною.

Ему известно, чем взволнован я,
Чем горд иль почему мрачнее тучи,
И кажется порою, что меня
Никто как он не понимает лучше.

И если глаз укрыт мглой пелены,
А наваждений след зудит маняще,
Он отзывается из тайной глубины
И беспокойнее, и чаще.

Его присутствие я чувствую в себе
То болью сердца, то немой мольбою,
Как будто двое нас в одной судьбе,
И каждый со своей судьбою.

Он - мой двойник. Но кажется порой,
Что как бы ни были сродни годами,
Разделены мы мрачной пустотой,
И пропасть пролегла меж нами.

Когда сквозь судорогу торопливых дней
Ловлю я на себе предвестия недуга,
То ощущаю всё острее и больней
Как далеки мы друг от друга.

Он там. Я - здесь. На этом берегу.
Один рубеж, в котором жизнь двоится,
Но тянет меня к берегу тому,
Чтоб с ним навек я смог соединиться.

Тогда готов я отказаться от всего,
Лишиться своего и зрения и слуха,
Чтоб видеть только то, что видит глаз его,
Чтоб слышать только то, что слышит его ухо.

* * *

Люблю свой дом, где я родился,
Где знал безоблачные сны,
Где мир впервые мне открылся
Из колыбельной глубины.
Где с каждой утренней зарёю
Мне улыбалось всё вокруг,
Как будто ангел над землёю
Тепла и света веял дух.

Люблю свой двор, где детство зрело,
Где правил уличный устав,
И голосисто рать звенела
Средь незатейливых забав,
Где расправляла удаль плечи,

Где был мой фронт, а также тыл,
Откуда юности навстречу
Как от причала я отплыл.

Люблю свой город, где сплеталась
Живая нить моей судьбы,
Где сердце страстью загоралось
В пылу влечений и борьбы,
Где от любви душа светлела,
Где и страдал, и верил я,
Где скоротечно пролетела
Вся жизнь мятежная моя.

Люблю страну свою, в которой
Я видел свет и видел тьму,
В ней есть бескрайние просторы,
Что сродны сердцу моему.
В ней, как во мне, стихий боренья,
Своя беда, своя вина,
В ней духа взлёты и паденья,
И пустота, и глубина.
Её судьбу я не предвижу,
О лёгкой доле не молю,
Я так в ней много ненавижу,
Но все же преданно люблю.

* * *

Лишь утро чуть забрезжит за окном -
Ко мне уж гость. Без спроса и без стука
Бесцеремонно он заходит в дом,
И я в ответ - ни звука.

Привольны действия его: где хочет
Разгуливает он, садится на кровать,

Торопит, чтобы я отверзнул очи -
Пора вставать.

Я рад ему, хоть он - неумолим,
Хоть и порой уставшим я бываю
Иль хворью вдруг какой томим,
Но всё ж ему - внимаю.

И я встаю. С улыбкою приветной
Его почтительно встречаю и зову:
Входи, мой гость, мой луч рассветный,
С тобой я вновь живу!

НЕЗАМЫСЛОВАТАЯ ПЕСНЯ

Сияние венца
Подобно звону злата,
И будто нет конца,
И будто нет заката,
Но каждому сполна
Отмерила планида:
Где первая вина,
Там первая обида.

Уложены в седле
Надёжные доспехи,
И путь - по колее,
И - различимы вехи.
Но оступиться в щель
Порой довольно мига:
Где первая дуэль,
Там первая интрига.

Заряжен пистолет,
Обещаны награды,

И не затоптан след,
И не страшны преграды,
Но близится черта,
Опасная для плена:
Где первая тщета,
Там первая измена.

Пристёгнут амулет,
Надёжный знак успеха,
И нет плохих примет,
И не чужда утеха,
Но ждёт порой беда,
Неведомая доля:
Где первая вражда,
Там первая неволя.

Дарована без слез
Беспечная свобода,
И нет ничьих угроз,
И не томит невзгода,
Но шпоры - в стремяна,
Когда пробудят зверя:
Где первая война,
Там первая потеря.

Сияют как огни
Единственные очи,
И безоглядны дни,
И незабвенны ночи,
Но отыграет кровь,
Заточит сердце скука:
Где первая любовь,
Там первая разлука.

Разносится окрест
Звучание парада,

И не заметен крест,
И не видна ограда,
Но отгремит «ура»,
Прорвётся гул набата:
Где первая игра,
Там первая расплата.

Мерещится звезда
В голубизне простора,
И нет ни в чём стыда,
И нет ни в чём укора,
Но скалится судьба,
Когда снята одежда:
Где первая мольба,
Там первая надежда.

ОБНАЖЕНИЕ

Умолчать - не властен,
Видно, накипело:
Обнажились страсти,
Обнажилось тело,
Обнажилась воля,
Обнажились речи,
Обнажилось поле
Для кровавой сечи.

Обнажились споры,
Обнажились свары,
Обнажились ссоры,
Распри и пожары,
Обнажились боги,
Обнажились взгляды,

Обнажились тоги,
Маски и наряды.

Обнажились мессы,
Обнажились души,
Обнажились бесы,
Маги и кликуши,
Обнажились нравы,
Обнажилась пена,
Расточились лавы
Плесени и тлена.

Обнажились троны,
Обнажились склепы,
Обнажились зоны,
Норы и вертепы,
Обнажились беды,
Обнажились слезы,
Обнажились бреды,
Хвори и неврозы.

Обнажились ложи,
Саны и лампасы,
Обнажились рожи,
Корчи и гримасы,
Обнажилось чванство
Сытых и вельможных,
Обнажилось хамство
Мелких и ничтожных.

Обнажилось скотство
Залы и подвала,
Обнажилось сродство
Власти и кинжала,

Обнажилось племя
Алчных и проворных,
Обнажилось бремя
Кротких и покорных.

Обнажились кланы
Дюжих и незримых,
Обнажились станы
Всех непримиримых,
Словно рана кровью,
Корчась и стеная,
Обнажилась болью
Воя страна родная.

Бедная Россия!
В тягостной судьбе
Сколько раз стихия
Была по тебе,
Корчевала сушу,
Разливала водь,
Обнажая душу,
Оголяя плоть.

И опять в позоре
Ты застыла в мгле,
Снова бродит горе
По твоей земле,
Снова также льётся
Скорбный перезвон,
Снова раздаётся
Стон со всех сторон.

Как ухваткой спрута,
Со следами ран,
Вновь сдавила смута

Твой могучий стан,
И, как прежде, снова
С думой о судьбе
Ты стоишь без крова
В полной наготе...

* * *

Есть тайна бытия. Постигнуть не дано
Её ни дерзкому уму, ни чувству.
Она подвластна лишь искусству,
Что открывает в горний мир окно.

Неповторим тот благодатный миг,
Когда отрадное дыхание свободы
Вдруг раздвигает тьмы глухие своды,
И вечность обнажает лик.

Тогда блаженство наполняет грудь,
Даря восторг от сокровенной встречи,
Незримый свет нисходит издалече,
Чтобы спасения означить путь,

Тогда с незрячих глаз спадает пелена,
Тогда другой, неведомый простор
Объемлет изумлённый взор,
И наступает пробуждение от сна...

Есть тайна бытия. Пред ней - порог.
Лишь тот рискует оторваться от земного,
Кто жаждет созерцания благого
И называет эту тайну - Бог.

ПОЭТ

Кому слышны слова поэта?
Чей ум взволнуют и пленят?
Огнём сердечного привета
Кого они воспламят?
Кому близки его смятенья,
Порывы чувств и мысли взлёт?
Кого на подвиг вдохновенья
Своей он лирой воззовёт?
Его ли глас в пустыне ночи
Вдруг сонный разум пробудит,
Иль чьи-то сомкнутые очи
Лучом рассветным оживит?
Кого будить? Нужна ли лира
Тем, кто, избрав порока круг,
В угаре жизненного пира
Не различит волшебный звук?
Зачем тревожить сон унылый
И музой сладостной пленять?
Иль взор их мертвенно-остылый
Зачем без нужды озарять?
Их не разбудит зов священный,
Не опалит пожар зари,
И в сердце огонь благословенный
Не возгорится от любви.
Для них, смиренных неволи,
Рабов наживы и утех,
Нет ничего дороже боле,
Чем власть, богатство и успех.
Не жди, поэт, их пробужденья,
Себя надеждой не томи,
Печатью гордого презренья
Не омрачай святые дни.

Не тешь себя мечтой напрасной,
Вверяйся думам в тишине
И над толпою безучастной
Пари в небесной вышине ...
Блажен, кому дано судьбой
Увидеть лики совершенства,
Кому являлися порой
Минуты тайного блаженства.
Блажен, кто в жизни пережил
Любви счастливые мгновенья,
Кто верность сердцу сохранил
И принял смерть от умиленья!

* * *

Как жить на этом берегу,
Где нет ни веры, ни спасенья,
Где только страсти и волненья
Царят в бессмысленном кругу?

Как жить на этом берегу,
Томясь мучительной тоскою,
Дыша надеждою одною -
Перед Судьбой не быть в долгу?

Туда, на берег тот, другой,
Что скрыт завесою туманной,
Зовёт таинственно-желанный
Призывный голос неземной.

То голос Неба, Духа зов,
Он грудь восторгом наполняет,
Порывы сердца усмиряет
И будит от глубоких снов...

Два разных мира - здесь и там:
В одном - безверье и гордыня,
В другом - надежда и святыня,
И путь к Божественным вратам.

Найти ли сил умерить страх,
Чтобы ступить на мост скользкий,
Над чёрной бездною висящий,
И в Вечность сделать первый шаг?!

* * *

Мы каждый день, хоть понемногу,
Грешим без страха и стыда,
В чём ни самим себе, ни Богу
Не признаёмся никогда.

Грешим легко, без принужденья,
Не видя в том ни зла, ни бед,
И не тревожит тень сомненья,
И не страшит судьбы ответ.

Но как клинок неумолимо
В сырой земле съедает ржа,
Так постепенно и незримо
В нас разрушается душа.

А жизнь проходит чередою,
И мы, верша свои дела,
Лишь богатеем пустотою,
Где нет ни света, ни тепла...

Так, ствол порой узришь могучий
В лесной прохладной тишине,
Но тронь его - лишь тлен сыпучий
В его сокрытой глубине.

Не так ли в нас? Но, как и прежде,
Заветам сердца вопреки,
Мы продолжаем жить в надежде,
Что нет карающей руки.

Опять грешим, пусть и немного,
Не видя в том ни бед, ни зла,
И не оцениваем строго
Свои поступки и дела.

И невдомёк нам, что когда-то,
Без всяких скидок или льгот,
Придёт неожиданная расплата,
И каждый грех предъявит счёт.

* * *

Средь ритмов будничных радений
Закованы мой ум и плоть,
И мощь естественных велений
Они не в силах побороть.

Бесперебойно, безучастно,
Как в механическом строю,
Верша законы самовластно
Сцепляют ритмы жизнь мою.

Но есть несхожие послы,
Земной стихии тайный враг,
Когда божественные силы
Шлют повелительный свой знак.

Тот знак - иного назначения:
В безлاديце душевных смут
Он словно зов для избавленья
От бремени житейских пут.

Из темноты в просторы света,
К свободе кротко он влечёт,
Где у судьбы своя отмета,
И свой у времени отсчёт...

Живу мечтою сокровенной,
Чтоб жребий щедрый дал мне шанс
С живыми ритмами Вселенной
Войти в созвучный резонанс.

* * *

Я иду в толпе гудящей среди бела дня,
Но меня никто не видит, будто нет меня.

Сотни, тысячи прохожих, бесконечный ряд,
Все - одно лицо, в котором равнодушный взгляд.

Все в раздумьях и заботах, малых и больших,
До меня им нету дела, как до всех других.

У кого в лице обида, у кого - недуг,
Но никто не удивится никому вокруг.

Пожилые и подростки, жёны и мужья,
Все торопятся куда-то, всем не до меня.

То, что лишний я - бесспорно, если б только так,
Но я чувствую порою - я им даже враг,

Что ни к времени, ни к месту мне пришлось идти,
Что торчу я как преграда на чужом пути,

Что мешаюсь я повсюду, всех собой тесня,
И что лучше, если б вовсе не было меня...

Каждый день, в жару и стужу, летом и зимой,
Ходят люди-невидимки по земле родной.

Ходят люди как в пустыне - никаких примет,
Лишь колючий знойный ветер замечает след.

Всё тоскливо и уныло: нет ни тёплых слов,
Ни улыбки, ни приветных добрых голосов,

Ни напутственного взгляда, ни радушных
встреч,
Ни сочувствия, ни веры, ни надёжных плеч,

Нет ни мыслей, ни свершений, нету чувств
благих,
И плывут одни лишь тени без людей самих.

Заползают они всюду как зловещий знак,
И ни света нет, ни жизни, только общий мрак...

Я брожу в толпе как призрак среди бела дня,
Может кто-нибудь заметит всё-таки меня.

ЛЖЕПРОРОКИ

Порой не впрок нам все уроки,
И мы не помним впопыхах,
Что среди нас живут пророки
В великих книгах и стихах.

Простые вещие страницы,
Те, что даруют небеса,
В них проступают чьи-то лица
И слышны чьи-то голоса.

В них оживают чьи-то тени,
Тревожный воскрешая зов,
В них свет надежд и откровений,
Что льётся к нам из всех веков.

Бессмертны мудрости приметы.
Они - в прозреньях и мечтах.
Живут священные заветы
В великих книгах и стихах.

Но нам милее лжепророки,
Те, что не в книгах - наяву,
Кто изливает слов потоки
И снищёт громкую молву.

Они мелькают вереницей,
Как сонмы призраков в бреду,
И на ходу меняют лица,
И мыслят тоже на ходу.

То, вознося на щит свободу,
То, рассыпая всем права,
Они тасуют как колоду
Свои расхожие слова.

Но под личиной их воззваний,
Что на слуху и на виду,
Нет ни святынь, ни покаяний,
Нет ни молитвы, ни табу.

Не чуждые любой поживы,
Они, лукавя простотой,
Лишь на словах благочестивы
Перед внимающей толпой.

Рабов корысти и расчёта -
Их лишь одно томит в плену:
Какая выпадет им квота
На политическом кону.

Неотвратим соблазн свободы,
Когда витии восстают,
Когда тщеславию в угоду
Её покорно предают,

Не счесть обличей фарисейства,
И зачастую не видна
Ни тень презренного плебейства,
Ни маска низкого лгуна.

Постыдно в пафосе юродство,
Где вместо жизни - идеал,
Где умирает благородство,
Но остаётся ритуал.

Постичь ли им, пророкам страсти,
Жрецам интриг и клеветы,
Что дух свободы выше власти
И выше всякой суеты?!

Они глухи к святым виденьям,
Их страх томит в ночной тиши
Перед неведомым смятеньем,
Пред зовом собственной души.

Но не сродни свобода страху,
Она - свой жребий и свой суд:
Её или несут на плаху,
Иль на алтарь любви кладут.

Неотвратима злая воля,
Где толпы демонов снуют,
И нет спасения, доколе
Их за пророков признают...

Мы все - контуженое племя,
Принявшее одно лицо,
На нас сошли густые тени,
Сомкнувши плотное кольцо.

Мы все больны одной приметой,
Заразой нынешних веков:
В нас - дефицит иммунитета
На лицемеров и плутов.

Найти ли средство исцеленья,
Что светом оживит чело,
Когда, дрожа от нетерпенья,
Мы ищем там, где нет его?

А рядом, вечно одиноки,
Пылясь в ряду среди прочих книг,
Нас ждут великие пророки,
Чтобы открыть свой ясный лик,

Чтоб одарить нас откровеньем,
Обжечь живительной волной,
Чтоб разогнать глухие тени
Над обезумевшей главой.

* * *

Когда Господь, слепив творенье,
Вдохнул в плоть дух, а в жилы - кровь,
Он даровал от умиленья
Свободу, Разум и Любовь.

Се Человек. На всё он гожий.
В нём совершенству нет конца.
В нём отражён весь образ Божий
И все достоинства Творца.

И лишь в одном он так беспечен:
Чтобы от образа Того,
Кто всемогущ и бесконечен,
Дойти к подобию Его.

* * *

Мои стихи - моя молитва.
У ней свой час и свой обряд.
В ней - чувств созвучная палитра
И величавый тайный лад.

В ней - неприметное дыханье,
Неуловимый зов зари,
В ней есть незримое сиянье,
Что излучается внутри.

Она - счастливых грёз предтеча,
В ней голос вечности звучит,
Она как сладостная встреча,
Что грудь волнует и томит.

Она - душевная отрада,
Пьянящий колдовской отвар,
Она - небесная награда,
Доставшаяся в чудный дар.

Мои стихи - моя молитва,
Моя печаль, моя любовь.
Она со мной в едином слита,
Как неразлучны плоть и кровь.

Она зовёт не для забавы,
Не для восторженных утех,
Ни ради прихоти иль славы:
Я в ней замаливаю грех.

* * *

Заколдованный круг сопряжений:
Мыслей, действий, повинностей, встреч,
Будто ритмы обрядных движений
Отбивает недремлющий меч.

В каждом взмахе - слепая понука,
В каждом посвисте - завязь тенет,
Стережёт круговая порука
Там и тут безрассудный обет.

Равнодушному ритму внимая,
Опьянённая праздной гульбой,
Колобродит фортуна шальная
И пленяет своей ворожкой.

Ни просвета, ни вольного вздоха,
Не понять, где резон, где конец,
Что ни взмах - то предвестье подвоха,
Что ни шаг - то невзгоды рубец.

И не видно в пылу ликований
Как ютятся среди пышных одежд,
То ли призраки смутных терзаний,
То ли тени бесплодных надежд.

Не находится вдоволь запала,
В чём безвыходный круг уязвим:
Расцепиться в тисках ритуала,
Расцепиться с собою самим.

* * *

В.С.

Ни предсказать, ни угадать,
Ни вымолить себе мгновений,

Когда в тиши уединений
Нисходит в сердце благодать.

Вот так порой меж хмурых туч,
Закрывших синь глухой преградой,
Мелькнёт вдруг тихою отрадой
Приветливый хрустальный луч.

Он ясных далей не сулит,
И в день ненастный не согреет,
Но мимолётный сон навеет
И душу словно оживит...

Благословенны эти сны!
Они, незримый мир являя,
Юдоль земную просветляя,
Нам во спасение даны.

Без них, чем доле, то больней,
Как обескрыленная птица,
Обречена душа томиться
В кругу сомнений и теней.

Без них и плоть обречена,
Чтоб усмирить свои стихии,
Где правят демоны-витии,
Соблазнов сея семена.

Какая жалкая судьба:
Влачить свой жребий до могилы
Без благодатной тайной силы
С одним смирением раба.

Неотвратим измены след,
Когда пустой тщете в угоду

Легко сдают свою свободу
Для мнимых целей и побед.

Тогда хоронятся мечты,
И все дороги к восхожденью
Застелены густою тенью,
Скрывая облик высоты ...

Лови мгновения, мой друг!
Их свет живительно-волшебный,
Как дар случайный и бесценный,
Преображает всё вокруг.

Лови мгновения свои,
И с чувством радостных волнений
Сольются тайны вдохновений,
И озарений, и любви.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Где-то громче и вольней,
 где смиреннее и глуше,
Раздаются чьи-то вскрики
 роковой немоготы,
Будто бродят по земле
 неприкаянные души
И друг друга окликают
 среди общей глухоты.

При потворстве лжи и тьмы,
 под покровом заблуждений,
Пред бессильною потугой
 одолеть слепой недуг

Ворожат в своей игре
сонмы гнусных привидений,
Расставляя всюду сети
и смыкая тесный круг.

Где для призрачных надежд,
где для сонного покоя
Есть надёжная защита,
есть незыблемый оплот,
Там в привольном торжестве
без борения, без боя
Ритуалы и привычки
свой вершат круговорот.

Не предвидеть никому,
даже если кто в зените,
Даже если кто поверил
в тайный умысел Творца,
Как вплетаются в судьбу
многочисленные нити,
У которых не отыщешь
ни начала, ни конца.

Чем дремотнее простор,
чем теней он больше множит,
Чем кичливей и притворней
освящён любой обряд,
Тем особенно живей
будоражит и тревожит
Чьё-то искреннее слово
или чей-то светлый взгляд.

Как будто двое нас: я - здесь,
Он - там. И полшага меж нами,
И кажется - сейчас его глазами
Смотрю со стороны, какой я есть.

Одно лицо. Во всём - неотличим,
Образчик копии без фальши и изъяна,
Но есть незримое присутствие обмана,
И пропасть пролегла меж мной и им.

Когда при встрече утренней зари
Светлеет мир, и час восторга краток,
Что может этот внешний отпечаток
Явить другим, что у меня внутри?

Когда среди суеты бесцветных дней
Вдруг демон мерзкий облик свой являет,
Кто по лицу прочтёт, как грудь сжимает,
Какие страсти закипают в ней?

Кому-то руку жму при встрече второпях,
Но, подчинив себя навязчивому взору,
Изображаю интерес к пустому разговору,
Поймёт ли тот, что я в других краях?

Как передать в счастливый сладкий миг,
Когда стихия чувств тебе подвластна,
К каким мирам душа тогда причастна,
И что ей до того, что грезит лик?!...

Всего каких-то полшага. Пред мной
Мое подобие в любой своей примете,
Таким кажусь я всем в подлунном свете,
Но разве это я? Лишь образ мой!

ПОТОМКИ ПИЛАТА

Он сидел неподвижно в тени колоннады,
Разомлевший, бессильный, словно в тягостном сне.
Ни желаний, ни чувств. Кроме горькой досады,
Что опять нет покоя в этой мерзкой стране.

Боль ломала затылок. Остудяла, томила,
Слышен был гул толпы за террасой садов...
Что ей Рима Священного слава и сила?
Что ей гордость побед и величье богов?

Снова город бурлит. Так бывало и прежде.
Снова слухи гуляют, носят всюду молву,
Будто вдруг объявился какой-то мятежник,
Будто он подстрекает и смущает толпу.

Сколько разных смутьянов, охочих до вздора,
Этих всяких пророков, возжелавших учить?...
Вот он здесь. Перед ним. Ждёт его приговора.
Но болит голова, и нет сил говорить.

То ли дерзкий бунтарь, то ли просто бродяга?
Чем, какой болтовнёю смог толпу он привлечь?
Видно, вправду, опасен: чинил беспорядок,
Власть хулил, даже храм обещался поджечь.

Край рабов и плебеев, застывших в гордыне,
Это дикое, подлое, это злое гольё.
Сколько лет он томится в этой душной пустыне?
Он - Пилат, римский всадник Золотое Копьё!

О, презренная чернь, так враждебная к власти!
На доносы да смуты лишь вольна и годна...
Голова разрывалась, распадалась на части,
И глаза застилала, словно дым, пелена.

Этот жалкий босяк, без приюта, без рода,
Соблазнявший таких же - без кола и двора,
Что он знает о том, что такое свобода?
Что он бредит о царстве любви и добра?

В чём добро? Есть плебей, но есть знатный сенатор,
Есть патриций достойный, но есть иудей.
Нету истины выше. И сам император
Среди доблестных римлян всех знатней и мудрей.

Ненавистный народ, непокорное племя.
Что его усмирит, как не бич или меч?...
Голова раскололась, Будто кол вбили в темя,
И одно лишь желанье: забыться и лечь.

Суд окончен. Подав знак тому, кто был рядом,
На согласие своё приговор утвердить,
Он поднялся, повёл затуманенным взглядом
И воды попросил, чтобы руки умыть...

Сколько разных людей в череде поколений,
Ожидая похвал или лестных наград,
Без борьбы, без страданий, без тени сомнений
Повторят в жизни то же, что сделал Пилат.

Сколько тех, кто влекомые падким желаньем,
Не изведав стыда, не познавши любви,
Растоптав чью-то честь безразличным молчаньем,
Умывать будут руки и лица свои.

Сколько тех игемонов, упивавшихся славой,
Прожигавших среди лести и интриг свои дни,
Кто одним лишь намёком с улыбкой лукавой
Проливал реки крови, оставаясь в тени.

Сколько тех, приходивших друг другу на смену,
Так в безликости схожих и в корысти своей,
Кто, прельстясь горстью драхм, в обмен за измену
Отдавал на распятые своих верных друзей.

Сколько тех, замороженных верой слепую,
На лакейский хомут подтверждающих спрос,
Кто, зажмутив глаза, равнодушной рукою
Ставил подпись свою на смертельный донос.

Сколько тех, расточавших посулы любые,
Пустословьем достигших возжеланных высот,
Кто под видом борьбы за идеи святые
Предавал, презирая, свой безмолвный народ.

Сколько этих потомков? Прямых и случайных,
Безымянных и тех, с кого слепки сняты,
Кто во здравом уме или в помыслах тайных
Сохранил на века родовые черты?

Сколько их? Умывающих вовремя руки,
Укрывающих в маске выраженья лица?
Есть ли лучше ответ, чем родившийся в муке:
Несть числа им для счёта, и нет им конца!

СЛУШАЯ БАХА

Земные образы размылись,
Угасли как в блаженном сне,
И бездны тайные открылись
В необозримой глубине.

Разноголосных труб звучанье
Под властью чьих-то рук и ног
Слилось с дыханьем мирозданья
В один божественный поток.

Под сенью Духа и клавира
Нерасторжимою волной
Сошлись лицом к лицу два мира:
Небесный мир и мир земной.

И будто вечности отсветы
Пленяют изумлённый взор,
Стирая времени приметы
И раздвигая вширь простор.

То блики смутных озарений,
Ожив в душевной глубине,
Являют образы видений
Подобно призракам во сне.

Нет ни страстей, ни чувств случайных,
Ни мысли, заточённой в круг:
Лишь промысел созвучий тайных
Преображает всё вокруг.

Смешалось прошлое с грядущим,
Со злом - добро, со светом - тень,
Всё равно пред единым Сущим:
И жизнь как смерть, и ночь как день...

Бессмертен час, когда прозреньё
Дарует счастье, чтоб суметь
В том очистительном виденьё
Воскреснуть или умереть.

Тогда стирается былое,
Тогда стихает шум земной,
И лишь смирение благое
Внимает сладостный покой...

Непостижим поток нетленный,
Тот несравненный светлый дар,
Когда звучит как зов Вселенной
Шестиголосный ричеркар!

РОМАНС

Нет, не забыть тот горький час разлуки,
Тот роковой неизъяснимый вздор,
Твои бессильные, безжизненные руки
И немигающий застывший взор.

Куда ушла былой поры отрада?
Что в сладких снах недоставало нам?
Зачем нелепая случайная преграда
Нас развела по разным сторонам ?

Нет, не постичь, как той глухой порою
Сломил безумный нас угарный бред,
Как будто ветер шальной бессмысленной игрою
Вдруг загасил огня живого свет.

В какой же час для нас умолкли музы?
Зачем безбожно без усилий, без борьбы,
Мы рассекли свои единственные узы
На две запутанных и горестных судьбы?

* * *

Порой, когда слепой тоскою
Теснится грудь в глухом кольце,
И тень печатью роковою
Лежит зловеще на лице,

Вдруг чей-то глас, как грозный зуммер,
Прорвётся, душу бередя:
«Быть может, ты давно уж умер,
А числишь всё в живых себя?»

Спасенья зов! Судьбы отмета!
Не для того ль она дана,
Чтоб оживить лучами света
От изнуряющего сна?

Не для того ли, чтоб кручиной
Не затемнять открытый лик,
Чтобы прижизненной кончиной
Не заглушить живой родник?...

Покуда длятся наши дни
Под провидения покровом,
Не позабыть бы, что они
Должны сверяться с тайным зовом.

ПОСЛЕДНЯЯ РЕЧЬ СОКРАТА

Афиняне! Из века в новый век
гуляет праздно меж людей хула.
Вольна она! В отместку ли,
из зависти, иль просто для потехи,
Снует без страха и стыда
и, будто дымчатая мгла,
Легко вползает без помех
в любые щели и прорехи.

Всесильна и живуча клевета!
Немало лет уж минуло с тех пор,
Когда, снося укор
ревнителю старинного обряда,
Стоял вот также пред судом
мудрейший муж Анаксагор,
Спасая честь и жизнь свою
от обвинения и яда.

Но много ль этих гордецов,
кого сомнение тревожит?
Иль тех, кого сподобил Бог
в свои заглядывать глубины?
Им, притким судьям, невдомёк,
что быть свободным тот лишь может,
Кто, одолев врагов в себе,
избавил душу от чужбины.

О, если бы радетелям за нравы
был слышен голос их заветный,
Открылся б мир иной им, где ни ложь,
ни изворотливость, ни польза не в чести,
Тогда и вняли бы они,
как жалок и смешон удел их тщетный,
Насколько с благотворными делами
их разошлись несхожие пути.

Торгуют словом там и тут сполна.
Всё годно, чтоб продать до строчки.
Один продал, другой купил.
У каждого свой выбор, вкус и цвет.
Вот только риску здесь поболее
глотка вина из грязной бочки,
И различит несведущий едва ли,
что приобрёл он: в пользу иль во вред.

Познание Познанию - рознь.
Но всяк таит надежду:
Кто - чтоб стяжать успех,
кто - чтоб сразить врагов,
А мне довольно и того,
чтоб отличить самодовольного невежду
От простодушных, искренних,
доверчивых, наивных простаков.

Соблазном и грехом пронизан свет.
Но в нас есть дар, что всех сокровищ стоит.
Поди-ка проберись к нему,
когда риторика вовсю преуспевает.
Но всех мудрей лишь тот,
кто наобум не пустословит,
И даймон мой, как божий глас,
меня об этом предупреждает.

Издравле мудрецов терзалась мысль:
о звездах, о пространстве, о причине,
То бытиё - единое, то - нет.
То преходящее, то в вечности оно.
Премного знания плодов.
Но всё ж томится ум в кручине:
А что ж такое человек?
И что ему познать дано?

Бесцельно оправдание, когда
пред правдой предпочтительны нападки.
Но я - слуга Афин! И мне
Отечество милей, чем предков прах.
Как воин надобен ему,
не отступающий в смертельной схватке,
Так повитуха быть должна,
чтоб не иссяк наш род в веках.

Такие ж роды принимал и я.
Но не у жён, а у мужей незрелых.
В беременной душе есть тоже плод.
Плод истины. Но как его достать?
Найдётся ль много знатоков
в подобном ремесле умелых,
Кто б научил без пустозвонства,
как самого себя познать?

Для спящих я как шмель:
 чтоб жалить их то спереди, то сзади.
Коль казнь мне суждена - в убыток вам:
 жизнь проведёте в мгле и пустоте.
А если в чём и защищаюсь я,
 то уж совсем не для себя, а вас лишь ради,
Чтоб не утратили вы дара,
 что Бог вам дал в безмездной доброте.

Афиняне! На истинном пути
 ни страха нет, и нет смятений,
Коль жив я - жив и Бог.
 И быть так посему...
Но уходить пора: мне - смерть принять,
 вам - жить средь сновидений,
А уж чей жребий наилучший -
 о том не ведомо, должно быть, никому.

* * *

Бывают редкие мгновенья:
Когда сквозь тьму густых завес,
Из мрачной пропасти забвенья
Возносит будто в высь небес.

Когда нежданное прозреньё,
Как милостивое искупленьё,
Средь суетности роковой
Ниспослано тебе судьбой.

Тогда порыв страстей стихает
Под властью силы неземной,
Блаженство душу наполняет
Лучистой тайною волной.

Тогда вдруг сердце замирает,
Мир лик свой вечный открывает,
Всё умолкает в тишине,
И Бог спускается ко мне.

* * *

Есть на всем роковая печать -
Что случилось, тому нет возврата:
Прошлый день не воротится вспять,
Не исчезнет, как призрак, утрата,
Не воспрянет увядший цветок,
Не воскреснут минувшие годы,
И сверкающий горный поток
Не вернёт унесённые воды.
Не займётся вновь пламя любви,
Что угасло когда-то в раздоре,
Не вернутся назад корабли,
Упокоившись в бурном море.
Что случилось - того не вернуть.
Лишь по руслу стекают реки.
За собою оставленный путь
Зачеркнуть не удастся вовеки.
Но порою - подступит вдруг срок:
Будто кто поманит оглянуться,
И к развилкам своих дорог
Призовёт для чего-то вернуться.
Каждый путь - не прямая черта:
Есть извилины, есть перепады,
И кого-то пленяет мечта,
А кого-то - успех и награды.
Но на всяком безвестном пути
В достиженьи своих устремлений
Зачастую не обойти

Перекрёстков и разветвлений.
И хоть всяких распутий не счесть,
А подчас и не видно прохода,
В них есть выбор, а значит, в них есть
Для иных направлений свобода.
Если выбор, то значит - ответ,
Ведь ломая порой смело копи,
Мы, спеша на манящий свет,
Попадаем в болотные топи.
Кто - по совести, кто-то - за страх,
Кто - по умыслу, кто-то - по вере,
Но один опрометчивый шаг
К невозвратной ведёт потере.
Отдаётся всегда сполна
Тем, кто с курса свернул куда-то,
Потому что всему есть цена,
Потому что за все есть оплата...
Что случилось - того не вернуть,
Но коль скоро тревожат итоги,
Нужно помнить, куда держишь путь,
Со своей чтоб не сбиться дороги.
Не по чьей-то отмашке - судьба,
И не случай - всему причина,
И судили всегда не раба,
А судили его господина.
Дух свободы крепчает в борьбе,
Есть у них родовое сходство,
Чтоб поставить диагноз себе
Нужно мужество и благородство.
И лишь там высший суд не конец,
И не страшно судейское ложе,
Где ответчик - он сам и истец,
А правдивость всего им дороже,

ОДА СПОНТАННОСТИ

Она вольна как ветер игривый,
Как первый луч нетерпеливый,
Как брызги волн у сонных скал,
Когда резвится пенный вал.
Она - загадочная странность:
Спонтанность!

Ей нет помех, ей нет препонов.
Всегда соперница законов,
Она, свершая тайный зов,
Срывая с мёртвых форм покров,
Являет миру как сюрприз
Свой торжествующий каприз.

Она не ведает границ:
С ней связан вольный бег частиц,
Причуды дивные певца,
Порыв учёного жреца,
Согласных звуков торжество
И нежных красок волшебство.

Она, царица всей Вселенной,
Своей стихией дерзновенной
Скрепляет узами родства
Два равноправных естества,
Два полюса в одном звене:
То - что внутри, и то - что вне.

Ей нет начала, нет причины.
Из недр космической пучины,
Когда фантомов плотный ряд
Воображение теснят,
Она сквозь призрачную мглу
Шлёт постижения стрелу.

Тогда из россыпи мгновений,
В бреду расплывчатых видений,
Барьер смиряя роковой,
Всплывает образ вдруг живой,
И вслед, отвергнув свой тайник,
Смысл обнажает сущий лик.

Она ведет и Мысль, и Лиру.
Не будь её, не знать бы миру
Ни перлов тонкого Востока,
Ни пышной прелести барокко,
Всего того, в чем есть отсвет
Непредсказуемых примет.

Средь тайн - её нет тайны боле.
Она в своей свободной воле
Вершит величественный круг,
Творя гармонию вокруг.
Она - божественная данность:
Спонтанность!

* * *

Мы в двух мирах живём:
Один объемлет нас стихийною волною.
Другой укрыт своею глубиною,
И никому не ведомо, что в нём.

Там бьёт родник живой,
Сверкая лучезарной красотой,
Но беззащитен он порою
Пред внешней силой роковой.

Так, гордо в вышине
Качает древний дуб ветвистою главою,

Не ведая, что под собою
Жизнь не смолкает в тишине.

Не то же ли и мы?
Ютясь под кроною судьбы благословенной
Томимся в этой жизни брэнной,
Что ждaть, не зная - света или тьмы?

Стираются похожие года,
Мы отступаем перед грозным Роком,
И нас несёт стремительным потоком
Без всякого заметного следа.

И чахнет наш исток,
Что освящён для неземного блага,
И чуть сочит живительная влага,
Питая увядающий росток.

Удастся ли поток сдержaть
И уцелеть в волне его бурлящей?
Сумеет ли в глухой таёжной чаще
Цветок едва приметный устоять?

ХРИСТОС

Толпа брела безропотно за Ним,
Тянулся след от ног босых и кровоточин,
Там каждый был иль злой судьбой гоним,
Иль жизнью бесприютной озабочен.

Тот кроткий голос волновал и звал
Манящей тайной провозвестий,
В нём свет надежды дерзостной сиял
На близкое спасение от бедствий.

Средь каменистых скал, в пустынной тишине,
На берегу реки иль в сумраке пещеры,
Загадочно, как в неотвязном сне,
Звучала весть о новом царстве веры.

Толпа алкала благостный удел,
Но никому в ней незаметно было,
Как взор Его день ото дня тускнел,
И, словно тень, печаль лицо темнила.

И думал Он: несчастный бедный люд!
Он мнит, что боль страданий искупится,
Ему мерещится грядущий высший суд,
Где справедливость воцарится.

Не внять им, заблудившимся, того,
Что не воздвигнуть никогда земного града,
Где для кого-то, хоть для одного,
Сошлось бы в жизни всё, как надо.

Пастух у них в чести. Святая простота:
Не обретётся благоденствие, покуда
Они стремиться будут в просторные врата
И требовать упрямо: «Чуда! Чуда!»

Неистребимы горести и страсти.
Таков сей мир. А в нём - и тьма, и свет.
Есть лишь одно у каждого во власти:
Власть над собой. Другого просто нет.

Не предсказали ли священные скрижали,
Являя Слово в мир из уст Творца,
Что счастье долга выше мук печали,
Что дар свободы есть знамение венца?

Как не родит терновник винограда,
Как с древа чахлого не снять пригодный плод,
Так сердцу не изжить в себе разлада,
Коль света истины оно не обретёт.

Блажен лишь тот, кто в поступи смиренной
Сберёт тот свет до смертного одра,
Кому открылось, что без щедрости душевной
Нет ни любви, ни правды, ни добра...

Спешил к Нему народ из разных мест,
Кто ждал спасения, кто - чуда, кто - опеки...
Он одурачил всех, когда взошёл на крест,
И смерть приняв, бессмертным стал навеки.

* * *

Если б разом все люди умолкли
И вокруг разлилась тишина,
Если б канули в Лету все лишние толки,
Чем так жизнь бесконечно полна,

Если б стихли все ссоры и споры,
Оборвалась пустая молва,
И исчезли никчёмные все разговоры,
Где витают пустые слова,

То тогда в наступившем покое,
Словно чистый нектар пригубя,
Обновилось бы верою море людское
И услышал бы каждый себя...

Сколько шума от криков похожих,
Будто все заплутались в глуши,
Но никто докричаться не может
До своей и чужой души.

Намолчаться бы в полную волю,
Онеметь пусть на краткий миг,
Чтобы хоть на ничтожную долю
Сохранить человеческий лик!

* * *

Прощальный луч в сирени туч мелькнул,
Мгла поглотила холм высокий,
Крик перелётный в роще потонул,
Встревоженный и одинокий.
У водной глади старый вяз застыл,
Исчез приволья вид узорный,
И над земным покоем месяц всплыл,
Безмолвной темени дозорный.

Открылись звёзды в чёрной вышине,
Вселенной обнажённой очи,
Прохлада разлилась, и в тишине
Всё покорилось тайне ночи.
Незримый свет вдруг душу озарил,
Пронзив её немую глубину,
И нет ни помысла, ни смелости, ни сил,
Чтоб потревожить эту тишину.

ДЕВИЧИЙ РАСПЕВ

Нет печали горше
В сердце у меня:
Не встречает больше
Милый у плетня,
Не зовёт под вечер
Резвая гармонь,
Не ласкает плечи
Тёплая ладонь.

Не кричат кукушки
В предзакатный час,
Не глядят подружки
С завистью на нас,
Не дрожит травинка
У него в зубах,
Искра - золотинка
Не горит в глазах.

Не шумит над речкой
Одинокий дуб,
Не стучит сердечко
От горячих губ,
Не клянётся милый
Быть навек со мной,
Будто синь закрыло
Серой пеленой.

Не услышит ива
Наши голоса,
Не вспорхнёт пугливо
Птица из куста,
Не росит дорожка,
Не блестит вода,
Зарастает стёжка
Наша навсегда...

Что же с милым случилось,
Что забыл плетень,
Может быть, забралась
В душу его тень?
Может быть, обида
Вкралась как змея?
Или так, для вида,
Чтоб томилась я?

Может быть, озлился
На девичью честь?
Может отрешился
И другая есть?
Может, грудь кольнула
Чья-то ворожба?
Или повернула
К горести судьба?...

Облетит калина,
Отгремит гроза,
Отживёт кручина,
Высохнет слеза,
Месяц из тумана
Выплывет венцом,
Рана от обмана
Стянется рубцом.

* * *

Не вернуться к родному порогу,
Не вернуться к началу пути:
Зарастает бурьяном дорога,
По которой был должен пройти.

Там, в истоках стихии свободной,
Где лишь теплился пыл для борьбы,
Чуть мерцал свет звезды путеводной
И чуть слышен был голос судьбы.

Покорясь зову смутных влечений,
Ощущая живительный сок,
Пробуждался под сенью знамений
Умиленный невинный росток.

Устремлённая в звёздные дали,
В ладном ритме привольно дыша,
Без смятений, без тусклой печали
Раскрывалась, светлея, душа.

И казалось: в безоблачном мире
Лишь любовь ее будет венчать,
И что будут на жизненном пире
Только дивные песни звучать.

Но как в плотном осеннем тумане
Не узреть пред собой высоту,
Так в соблазнах и в самообмане
Не сберечь своих сил полноту.

В череде поворотов и склонов
Затерялись в мелькании дней:
Слабый звук - среди пустых перезвонов,
Слабый свет - среди миражных огней.

В этой смуте сияний и грома
Перепуталось в связке одной:
Утомлённого сердца истома
С жаждой пламенной жизни иной.

Только нету вернее подмоги,
Чтоб желанный покой обрести,
Как сыскать след забытой дороги,
По которой был должен пройти.

* * *

Как мы обидчивы порою,
В себе, не чувствуя разлад,
Как слепо тешимся игрою:
Кто больше прав иль виноват!

Как мы порой самолюбивы,
Как не привычны уступать,
И не бываем терпеливы,
И не торопимся прощать!

Как мы в обидах лицемерны,
Лукавя не за стыд и страх,
Как раздражаемся чрезмерно
В своих поступках и словах!

Как в нас неистова гордыня!
Как в незатейливом быту
Мы зачастую, сердцем стыня,
Постыдно ищем правоту!

Обиды копятя незримо,
Нас наполняя всё сильней,
И, словно груз, неумолимо
Сгибают тяжестью своей.

Придёт ли время для прозренья?
Удастся ль силы обрести,
Чтобы дойти до снисхожденья,
Чтоб до прощенья возрасти?!

* * *

В.Б.

Когда подступит час, отмеренный судьбиной,
Когда былого призраки гурьбой
Расплывчатой туманною картиной
Предстанут в памяти живой,
Тогда средь них вдруг выплывут мгновенья,
Как слабый свет в ночной глуши,
И оживут счастливые виденья,

Которым ты внимал в тиши.
В них есть величие, в них - отблески свободы,
Что тщетно ты ловил среди утех,
Когда разменивал свои молодые годы
Так щедро на пустой успех.
В них вещей смысл, дарующий познание,
И тайный свет, что душу смог согреть,
В них лик открытый мироздания,
Который ты сумел прозреть.
Тогда поймёшь, что выше обретенья
За свой мелькнувший век ты не сыскал,
И жил лишь в эти краткие мгновенья,
А в остальное время - просто пребывал.

* * *

Мыслить задним умом - это свойство у нас родовое,
Но застынешь невольно, на правителей глядя с тоской,
Когда слышишь нередко изречение их ходовое,
Что они, мол, не думали, что столкнутся с проблемой такой.

Лица власти! Что в них угадаешь? Какую примету
Отличит взгляд наивный? Пред чем он замрёт?
Лишь внимаешь в кручине роковому ответу,
Что они, мол, не думали, что возникнет такой поворот.

У бездумья есть спесь, есть томящая вера в благое,
Но когда гаснет пыл, и становится видным итог,
Снова слышишь привычное и такое беспечно-пустое,
Что они, мол, не думали, что возможен подобный подвох.

Так подумайте, чёрт вас возьми, господа!
Лучше скромная честь, чем лихая бравада.
Или власть - это место, попавши куда,
Ни о чём больше думать не надо?!

Я взираю окрест: сколь возни на дороге к чертогу,
Сколько алчущих славы, обольщенных победным венцом,
Кто из них, облачившись во властную тогу,
Станет мыслить отныне только задним умом?!

* * *

Когда порою в час заветный
Мне ангел знаки подаёт,
И голос кроткий и приветный
Из глубины меня зовёт,
Когда в тиши уединенья,
Вверяясь думам и мечтам,
Вдруг тайный трепет вдохновенья
Меня возносит к небесам,

Тогда душа свой пыл смиряет,
Вновь обретаю веру я,
И свет волшебный озаряет
Бескрайний облик бытия,
Тогда одним объят желаньем,
Одною страстью удручён:
Чтоб этим сказочным сияньем
Я был зажжён и ослеплён.

ЗАВЕЩАНИЕ

Есть в своеволии - причуды:
Вдруг померещится порой,
Что после смерти пересуды
Поволокуются за тобой.

Тогда, чтоб избежать в них вздора,
Чтоб не цеплялся всякий бред,
В себе не чувствуешь укора
За невзыскательный завет:

Хочу, когда зайдёт заря,
Когда означит смерть разлуку,
Чтоб не свелась бы жизнь моя
В биографическую скуку.

Что может формулярный свод
О том поведать, что не знает:
Кто ж был на самом деле тот,
Кого собой он представляет?

Какой подробнейший аннал
Сумеет высветить из пыли,
Чем он дышал, о чём мечтал,
Какие тайны в сердце жили?

Зажгла ль его, сверкнув, звезда?
Иль путь был словно тяжкий волок?
Ведь биография всегда
Есть сущей жизни грубый сколок.

Но есть иная вещь, где свет
Не застыт дьявольские тени,
Где отпечатан внятней след
Душевных мук и вдохновений.

В картинах, книгах ли, стихах,
Везде, где рвался дух из тщеты,
Лишь там найдёшь во всех веках
Живого образа приметы.

И коль случится, что порой
Вдруг тень моя кого коснётся,
Пускай откроет стих любой,
И в нём глас вольный отзовется.

* * *

Не отклоняйте рук любимой,
Не прячьте отчуждённых глаз,
Когда тоской неодолимой
Удручены вы в горький час.

Не отвергайте впопыхах,
Как снисходительную жалость
Любую чувственную малость
В прикосновенье иль в словах.

Не хмурьтесь из пустых обид,
Не излучайте мёртвый холод,
И не выдумывайте повод,
Чтоб оправдать угрюмый вид.

Не замыкайтесь в пустоте,
Хандрой безжалостно играя,
Себя порой воображая
Как мученика на кресте.

Не заглушайте сердца стук,
Когда размолвки тень витает,
Ведь равнодушие бывает
Порой страшней любых разлук.

Не забывайте ни на миг,
В свою уверовав судьбину,
Что счастье - только на двоих,
И нет его наполовину.

Храните бережно тепло,
Что вас когда-то обогрело,
Что с милых губ и рук слетело
И душу страстью обожгло.

Цените благости свои,
Те, что как дар судьба вручила,
И сохрани вас Бог в любви,
Какой так щедро осветила.

РОССИЯ

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать -
В Россию можно только верить.*
Ф.И. Тютчев

Всё в Ней намешано сполна без меры:
Мятежный дух, тяжёлый гнёт,
Капризы чувств, упорство веры,
Раскаты смут и мысли взлет.

Взглянуть ли в глубь веков иль в недалече,
Понять какой ли смысл иль чью-то роль:
Всё перепутано в клубке противоречий,
В слепой игре случайностей и воля.

Не отличить иной раз средств от цели,
Где роковой был иль ничтожный час,
Как будто в историческом прицеле
Все мушки сбиты, и бессилен глаз.

Под разным флагом и под разным цветом
Всплывают призраки намерений благих,
Где равнодушие одних к родным заветам
Сменяет ненависть к чужому у других.

Как свет и тень всегда сродни друг другу,
Так средь событий и поступков череды

Найдёшь и светлый ум, и подвиг, и заслугу,
Найдёшь и демонов, и Каина следы...

Когда-то в утешение, а может для забавы,
Иль в оправдание беспечности любой,
Посетовал поэт, что нет другой державы
С такой непредсказуемой судьбой.

Как древний сфинкс с коварною повадкой,
Внушавший ужас от грозящих смертных мук,
Она своею вечною загадкой
Страшит и изумляет всех вокруг.

И усыпляем мы себя, смиряя волю,
Из века в новый век, не ведая конца,
Что, дескать, рок Ей обозначил долю,
Что в этом тайный умысел Творца.

И будто тешимся химерой воздаяний,
Всегда готовые в поспешности списать,
Плоды своих уродливых деяний
На ту Её особенную статью.

Доколе ж пить нектар из горькой чаши,
Чтоб весть поэта ясно осознать,
Что статья Её - достоинство есть наше,
Нельзя которое порочить и марать?

Ужель лишь ради умысла благого
Потребно выглотать сполна отвар дурной,
Чтоб пробудиться от беспомысленства тупого
И отрезветь от азиатчины хмельной?

Бесплодна вера в мощь большого роя,
Когда в предвестии минуты роковой

Висит угроза «вечного покоя»
Над каждой безрассудной головой.

Смешная блажь: в защите от напасти
Себя надеждой утолять слепой,
Иль уповать на тех, кто жаждет власти
И не скупится на посул любой.

Отвратна обольстителей порода,
Кто извлекать готов прибыток из всего,
Ведь им, как правило, нет дела до народа
Иль не доходят просто руки до него.

Не ждать просвета там, где неумело,
Не отвечая за вину грядущих бед,
Берутся в пол-ума за полудело
Или вершат в полсилы полубред.

Нет достоверней ничего, чем право
Жить собственным умом, своей судьбой,
Чтоб не бежала впереди неё ни слава,
Ни предрассудок, ни соблазн любой.

И нет вернее и надёжнее оплота
Там, где сумели в полной мере осознать,
Что не Отечество должно им что-то,
А что они могли б Отечеству отдать...

Конечно, чтоб вершить святое дело
Потребна воля, честь и благодать,
Тем более, что чем массивней тело,
Его всегда трудней передвигать.

Но тем и выше долг, и выше цель стремлений,
Тем и дороже покорение вершин,

Что меркой для достигнутых свершений
Тогда послужит собственный аршин.

* * *

Уходят невозвратно дни,
Как листья в осень опадают,
И тени смутные одни
Печалью душу наполняют.
Рассвет зачнёт лучом сиять,
Надежды трепетной примета,
Но вот закат уж - и опять
Нет даже слабого просвета.
Как путник, сбившийся с пути,
Превозмогающий тревогу,
Лишь уповает обрести
Себе случайную подмогу,
Так кажется: когда-нибудь
Душевный этот сон прервётся,
И боль, что истязает грудь,
Сама собою рассосётся.
И в этом мареве борьбы
Себя коришь не за усталость,
Не за превратности судьбы,
А лишь за собственную слабость:
За слабость воли в час иной,
Когда, потворствуя порокам,
Сдаёшься выходке дурной,
Наперекор своим зарокам;
За слабость гордого ума,
Когда он призраками скован,
И мир весь - будто бы тюрьма,
Где ты случайно замурован;
За слабость неподдельных чувств

В намеренном самообмане,
Когда бесстрастен ты и пуст
Как в летаргическом тумане.
А день сменяется другим,
Так листья отлетают в осень,
И всё томишь себя одним:
Когда ж в груди наступит просинь...
Но в этой тягостной мечте
Нельзя беспечно забываться:
Ведь свято место в пустоте
Не может долго оставаться.
И если в нём вдруг свет угас,
И огонь чуть тлеет под золою,
Оно немедля, в тот же час.
Заполнится глухою мглою.
Тогда, как дым, блаженство жизни
Рассеется в бездушном зле,
И пир земной схож будет тризне
С унылой тенью на челе.

* * *

Г. С.

Сменился век. Неотвратимо,
Как тьму рассеивает свет,
Так он, где явно, где незримо
Чертит узор своих примет.

Ломая древние оплоты,
Равно как и отшедший век,
Он лишь ускорил обороты,
Чтоб не смирать свой вольный бег.

И в этом мире, где всё бrenно,
Где ритмом кроткий дух пленён,

Ты так во всём не современна,
Что будто из других времён.

Из тех, где средь напрасной тщеты,
Держа свою достойно стать,
Хранить наказы и заветы
За долг радели почитать.

Где в мыслях не было юродства,
Где чувства полнили мечты,
И стыд был знаком благородства,
А честь - приметой красоты.

Где сердце трепетно терзалось
В кругу порочном зла и лжи,
Где бескорыстие сверялось
С движеньем собственной души.

Торит грядущий век дорогу
И нравам, и делам иным,
Но есть, кто верен, слава Богу,
Понятиям вневременным.

И потому, склонясь смиренно,
Скажу, чувств нежных не тая:
Я горд, что ты - не современна,
Но современница моя.

ТРИПТИХ

1

Когда-нибудь... Когда-нибудь
Решиться надо. Да, решиться
В себя бесстрашно заглянуть,
Чтобы от спячки пробудиться.

Чтобы как щепы по волнам
Не плыть без цели и без света,
И не взирать по сторонам,
Ища насущного ответа.

Пора решиться, коль печаль
Снедает разум, сердце точит,
И затуманенную даль
Для избавления пророчит...

2

Правдивый бой - жестокий бой.
Лишь - ты. С решимостью одною.
Враги в отпоре пред тобой
Сомкнутся грозною стеною.

Туда, сквозь этот плотный строй
Привычных образов и знаний,
Обрядных связей, теней рой,
Ходячих знаков и преданий,

Туда чрез них есть только путь,
Откуда брезжит свет сквозь щели.
И - не сробеть, не повернуть,
Не отступить от дерзкой цели...

3

Безбрежен, величав простор
В объятьях кротких дуновений,
Там не смутит спокойный взор
Мираж пленительных видений.

В душе торжественный покой,
Оковы прошлого разбиты,
Порывы с думою благой
В созвучной целостности слиты.

Заря прозрачна и чиста,
Нет гнёта ложного покрова,
И жизнь, как с нового листа,
Твою судьбу писать готова ...

P. S.

Меняет мир свои одежды,
Но боль всё так же давит грудь,
И лишь томительней надежды:
Когда-нибудь... Когда-нибудь...

* * *

Когда утихнут и умолкнут звуки дня,
Смиренно отступив пред тьмою,
И ночь своею властью немою
Царит, земной покой храня,
Когда луна вершит свой вечный круг,
Средь дымных облаков играя,
И дух вселенский, над землёй витая,
Величием объёмлет всё вокруг,
Тогда в чарующей алмазной темноте
Покой желанный наступает,
И мир гармонию являет
В своей безмерной полноте.
Тогда среди таинственной тиши
Приходит безмятежная отрада,
И нет ни розни, ни разлада
Во всех движениях души.

* * *

В приметах времени есть роковой урок:
Когда влачатся дни в глухом недуге,
То слит с последствием исток
В одном нерасторжимом круге...

Царит уныние со скукой и хандрой
В сопутствии безумства алчных рвений,
И тени тешатся нелепою игрой
Страстей слепых и заблуждений.

Насмешке едкой вторит злой укор,
Томится сердце: чье - в досаде, чье - в обиде,
И предстаёт порой совсем пустяшный вздор
В преувеличенно-отвратном виде.

Но меланхолия - тавро извечных бед,
Как туча грозная над благостным покоем,
И к ней, подобно мотылькам на свет,
Летят несчастья дружным роем.

И замкнут круг. И сомкнута стена.
Нет выхода и сил для избавленья,
И, словно в западне, душа обречена
На безнадежные мученья.

ШЕРЕМЕТЬЕВО

Где-то город остывает
вдали,
Здесь не молкнет оживлённый
поток,
Ввысь уходят чередой
корабли,
Рейс - на запад, следом рейс -
на восток.

На табло - на вкус любой -
города,
Путь прочерчен в поднебесьи -
ко всем,

Будто жизнь включила новый
отсчёт,
Подведя под всем минувшим
черту.

Нету судей: одобрять-
упрекать,
Дознаваться до искомых
причин,
Каждый волен для себя
выбирать,
Каждый сам своей судьбы
властелин.

У мечты всегда прозрачный
рассвет,
У надежды - расписной
вестовой,
Отражается заманчивый
след,
Словно отсвет в небесах
заревой.

Нелегко подчас порывы
унять,
Взор от красочных огней
отвести,
Может, нужно всё сперва
потерять,
Чтоб потом, что потерял,
обрести...

На бетонной полосе -
самолёт,
Над бетонной полосой -
звезда,

Вот взревели все моторы
на взлёт,
Ещё миг - потом отрыв...
навсегда.

* * *

Есть в жизни грустный и сомнительный закон:
Вассал всегда бесправней, чем барон,
Глупец всегда счастливей мудреца,
Чистосердечный уязвимей подлеца,
Поэт доступнее для пули, чем тиран,
Пигмей проворней и ловчей, чем великан,
Наглее правды ложь и клевета,
Стыдливей пошлости святая простота.
Но есть другой закон. Для смертного незримо
Чинит он строгий суд неумолимо.
И хоть над всем слепой довлеет рок,
А над добром господствует порок,
Он, брэнной жизненной игре наперекор,
Вершит свой исторический отбор,
Отсеивая то, что тленно и мгновенно,
И оставляя то, что вечно и бесценно,
Не разбирая ни чинов, ни званий,
Рассеивая прах бессмысленных деяний,
Не донося до будущих времён
Не только их следов, но и самих имён.
И потому: всё достославное на свете не умрёт,
И время подвиг благородный не сотрёт,
И мысль великая в веках не устареет,
И рукопись поэта не сгорит и не истлеет.

ЖИВАЯ ВЕРА

*Но и там, почти у гроба,
Верю я, придёт пора -
Силу подлости и злобы
Одолееет дух добра.*

Б. Пастернак

Верят многие в приметы,
Верят в сказочные сны,
Верят в добрые советы
И в преданья старины.

Верят в карты и в гаданье,
Верят в бога, в чудеса,
Верят в чьё-то предсказанье
И в умерших голоса.

Верят в знаки, в привиденья,
В леших верят, в домовых,
Верят также в совпаденья
Встреч и фактов роковых.

Верят в звёзды, в талисманы,
В привороты верят, в сглаз,
Верят в будущие планы
Иль в какой-нибудь указ.

Верят в светлые идеи,
Верят в правильный закон,
Верят в хитрые затеи
Под бравурный перезвон.

Верят в разум очень свято,
Умным верят в том числе,

Верят даже, что когда-то
Рай наступит на земле.

Верят тихо, сумасбродно,
Бескорыстно иль в заклад,
Верят кто во что угодно
Там и здесь. И стар, и млад...

Много веры. Слишком даже.
Не утратить бы среди вер
Ту одну, где крайне важен
Только личный глазомер.

Много веры, мало воли.
Не сумеешь бы утратить
Веру в то, что своей доли
Никому нельзя вверить.

Нет судьбы с другими схожей,
Как нет равных лиц и рук,
И нет искуса дороже,
Чем познание тайных мук.

Велика ли веры сладость,
Величав ли веры свет,
Если ею, хоть на малость,
Нерв сердечный не задет?

Различим ли трепет зова,
Озаряющего путь,
Если нет огня живого
Что терзает болью грудь?

Не изведать своей меры,
Не открыть в себя врата,

Если вместо истой веры
Лишь обман и пустота...

А тому, кто очень хочет
В рай купить себе билет,
Нужно знать: там, между прочим,
Нераспаятым места нет.

БЛАГОГОВЕНИЕ

Пушкин, Тютчев, Фет, Полонский - как утёсы-исполины,
Недоступные громады посреди высоких гор,
Свет живительной волною озаряет те вершины,
Открывая безграничный неизведанный простор.

Редкий путник одинокий, одолев свою тревогу,
Бросив край земных терзаний и докучливых забот,
Меж уступов и расщелин к ним отважится в дорогу,
Чтоб с их склонов прикоснуться к миру сказочных высот.

Там, в прозрачности стихии, у небес раскрыты своды,
Веет сладостным дыханьем и разлит покой вокруг,
Там могучие вершины защищают от невзгоды
И спасают от печали и глухих бесплодных мук.

Те великие утёсы - золотой букет созвучий,
Разный облик, но единый величавый стройный лад,
Дух свободный, взор открытый, голос чистый и певучий
Дарят нам рассвет крылатый и пленительный закат...

Меж пространствами столетий есть невидимая дверца,
И меня от них, любимых, жалит судорожный ток,
Потому что все их мысли, чувства, боль и стоны сердца
Вознеслись когда-то в вечность, а не канули в песок.

ГИГИЕНА

Голубь в луже мылся,
Бодр и прыгуч,
На воде искрился
Золотистый луч.

Не таясь, без страха,
Под машинный гон,
Совершала птаха
Водный моцион.

То вся встрепенётся,
То взъерошит грудь,
То вдруг окунётся
С головою в муть.

А вокруг, играя,
Сбившись в тесный круг,
Ворковала стая
Братьев и подруг.

Кроткий голубь сизый,
Божье существо,
Как святые ризы
Перья у него,

Точно диву схоже,
Будто стройный лад,
Так богат и сложен
Весь его наряд.

Тёмно-серый, синий,
Чёрный, голубой,
Как белесый иней,
Как морской прибор.

Здравый иль недужный
Носит ризы те,
Но держать их нужно
В должной чистоте...

Мы - природы дети
Как любая тля,
И пред ней в ответе
Как блюдем себя.

Как храним умело
Всё своё добро,
Как содержим тело
И его нутро.

Не увидеть света,
Не взойти росткам,
Если нет обета
Очищать свой храм,

Чтоб не приставала
Всяческая мразь,
Чтоб с души слетала
Липнувшая грязь.

НИЦШЕ

Скиталец вечный по земле, охотник до смертельных
приключений,
Теснимый холодом, нуждой, болезнями и мрачной пустотой,
Мятежный дух, неистовый боец, страданий и свободы
гений,
Он просиял по небосклону пустынной огненной звездой.

Всегда один: вне времени и мира, влекомый лихорадочной
борьбой,
Без веры и друзей, с самим собой деля очаг и кров,
Ни на короткий миг не упротил пощады он перед своей
судьбою
И никогда не отступил в виду опасности и станица врагов.

Не жаждя славы и успеха, по притязанию заносчивой
гордыни,
В безудержном пылу, возвысив чёрный флаг над головой,
Обрушил он всю силу страсти на укреплённые святыни,
Сметая все устои на пути и разрушая признанный покой.

Безумец иль герой? Творца огонь живой иль бред
страданий?
Паденье в пустоту иль высших сил покров?
Но кто смог демону в глаза однажды заглянуть без
колебаний,
Тот ослепил себя навеки и оглушил для бранных слов.

Одна святая цель: вперёд - на поиск истинного света,
К Познанию сущей полноты, где обречён любой расчёт и торг,
Где покорению высот присуща лишь одна примета -
Мгновения свободного полёта и упоительный восторг.

Где трусость одержала верх - там для достоинства
утеряна опора,
Лишь доблести дано вершить неравный честный бой,
Лишь смелому бойцу недостижимый простор открыт для
взора
В оплату за любовь, за безмятежный сон и за покой.

Искать, а не владеть. Терять себя и снова находить.
Стремиться лишь туда, где неизвестность замыкает двери.
Преследовать любую тень, схватить её и тут же отпустить,
Чтобы изведать смертный риск до глубины и в полной мере.

Играть - так до конца. Терпеть лишения - так до
изнеможенья.
Зреть в пропасть - чтоб до дна. Переоценивать - до самых до
основ.
Любить свою судьбу - до сладострастного самоуничтоженья,
И падать в вечный мрак - с улыбкой мудреца, повергшего
богов...

Бессмертны те, чьи лики тайный свет и пламя озарили,
Кто, презирая страх, решился тяжкий жребий свой избрать,
В ком ярость творческих страстей была сродни душевной силе,
А дерзновенный дух свободы снискал для сердца благодать.

Пред яркою звездой пространства и века смиряются легко,
И снова вопиет пророк, сжимая пальцы рук до хруста:
«Не от чего свободен ты, скажи, а для чего?»
И грустно, озираясь, ждёт ответ, он - Ницше-Заратустра.

* * *

Мне в судьбе не перепало: ни военной тяжкой доли,
Ни походной снежной стужи, ни всклоченных полей,
Ни свинцового осколка, ни селений дымной голи,
Ни мучительного стога фронтовых госпиталей.

Мне в судьбе не перепало: ни солдатского удела,
Ни тифозных привидений, ни окопных мёртвых снов,
Ни блокады, ни осьмушки, ни шального артобстрела,
Ни разлуки, ни чужбины, ни победных орден.

Мне в судьбе не перепало: ни клейма врага народа,
Ни допросов, ни конвоя, ни баланды, ни тюрьмы,
Ни барачного зловонья, ни утех блатного сброда,
Ни вагонов по этапу, ни колымской чёрной тьмы.

Что прошло - то не вернется. Что сбылось - то миновало.
Жизнь по-своему сложилась: где - в ладу, а где - в борьбе.
Но я чувствую порою: сколь того не доставало,
Что как раз не перепало мне в начертанной судьбе.

Из сборника

**«И ПУТЬ
НЕИЗВЕДАН...»**

2004 год

Блез Паскаль: «Людей учат чему угодно, только не порядочности, между тем всего более они стараются блеснуть порядочностью, а не учёностью, то есть как раз тем, чему их никогда не учили». Сегодня, спустя триста лет, великий математик-мыслитель может и уточнил бы: «уже и не стараются». Стихия приобретательства и материального довольства, этого фетиша «цивилизованного» мира, всеядно поработает даже тех, для кого ещё недавно слова «мыслить и страдать» не были пустым звуком. До поэзии ли тут?

И всё же. В этом всевластном разрушающем потоке времени есть и «встречное» движение, в котором человеческая душа, совершая усилия, возвышается над обстоятельствами, создавая свой мир, явственный и осмысленный. Иной мир. И также есть тайные пути Слова, проникающего в самые сокровенные уголки человеческого существа, где рождается вера в нечто высшее, духовное. «Нам не дано предугадать...».

«Наше будущее тяжелее нашего прошлого и пустее настоящего» (В. Ключевский). Вряд ли найдётся такой писатель или поэт, кто тешит себя иллюзией своим пером преобразовать мир. Может быть, кто-то из них надеется хотя бы уберечь его от полной пустоты?!

Автор

ГРЕХОПАДЕНИЕ

*...И выслал его Господь Бог
из сада Едемского...*

Бытие 3.23.

Не тело бунт греховный учинило,
Не плотью посрамлён был райский век:
Гордыня своеволие явила -
И в мир был выброшен до срока человек.

Всё, всё предвидел хитроумный искуситель,
На том соблазне и расчёт построил свой,
Что не претерпит, не попустит Вседержитель
От лучшей твари непокорности такой.

Но Сам-то? Сам-то? Не достало снисхожденья?
Иль милосердной было кары не найти?
Уж коль был Замысел премудрого творенья,
Достойно ль всё бросать на полпути?

Не тоже ли: предречь лихую долю
Юнцу незрелому, лишив его отца,
Что выпустить до времени на волю
Не оперившегося слабого птенца?

Какая застить взор должна завеса,
Иль гневом нужно воспалить себя каким,
Чтоб равной мерой наказать и злого беса,
И тварь наивную, опутанную им?!

Неужто стал избранник так не мил,
Что Бог, карая, ни на миг не усомнился?
Ведь Сам же сотворил, к тому ж благословил,
И Сам же, не колеблясь, отстранился?!

Иль, вправду, свято верил, что изгнанием
Мятежный дух удастся усмирить?
Иль был одним лишь одержим желаньем
От посягательств древо жизни оградить?

На что ж надеялся непостижимый Сущий,
Какой предвидел человеческий удел,
Когда, вердикт приняв, у входа в сад цветущий
Меч огнедышащий поставить повелел?

Быть может, льстил себе, что сын осиротелый,
Имея дар, преобразит им мир земной?..
Но шаткий разум - тот же плод незрелый,
Лишь и годится для оскомины одной!

Иль чаял: озарит свет истины дорогу,
А свет любви - покорное чело?..
Но если выбор дан - служить себе иль Богу,
То, значит, можно возлюбить и грех, и зло?!

Иль полагал, что страх - залог спасенья?
Что он пробудит тварь от призрачного сна?..
Но может ли душа не знать смятенья,
Когда она так глубоко уязвлена?..

Нет, не питал Господь, похоже, упований,
И обречён на скорбь был грешный род
В тот самый час, как с древа знаний
Был сорван и вкушён запретный плод.

Отменный замысел проклятье увенчало.
Тварь оступилась, и воздал Творец...
Великой тайною окутано Начало,
Великой тайною окутан и Конец.

Не заглянуть в исток грехопадения,
Где меж двух древ его затерян след,
Но как Отцу без сына нет успокоенья,
Так сыну без Отца спасенья нет.

Так и стоят они лицом к лицу веками,
Разъединённые незримо межой:
Адам - пред замкнутыми Божьими вратами,
Бог - пред закрытой человеческой душой.

МЕТЕЛЬ

Завывает, завывает
Буйная метель,
На опушке засыпает
Молодую ель.

Рядом сестры вековые,
Выстроившись в ряд,
Будто тени гробовые
На сугробах спят.

Пыль колючая летает
Завертью густой,
Крылья елей укрывает
Пышной сединой.

Не встревожит лик денницы
Тот покой могил,
Их пушистые ресницы
Снег заледенил.

Завывает, свищет выюга,
Длит свою игру,
Мирно спят, укрыв друг друга,
Ели на ветру.

Лишь одна, что одиноко
В стороне растёт,
Со стихией грозной рока
Равный спор ведёт.

Ветер злой её качает,
Шквальной гнёт волной,
Будто мощь свою сверяет
С силой молодой.

То неистово завоет,
Разнесёт свой крик,
То вдруг горестно заноеет
И замрёт на миг.

То её всю перекосит
Под свою свирель,
То вдруг белый ворох бросит
В молодую ель.

Иль резвится, не желая
Свой порыв унять?
Иль ту ель, к земле сгибая,
Хочет испытать?

И качается, и гнётся
Молодая ель,
И бушует, и смеётся
Белая метель.

ЧТО-ТО СЛУЧИЛОСЬ

Что-то случилось. С нами. Со всеми.
Нету ли воли, ума или сил,
Чтобы из мертвенной выбраться теми,
Дабы всеильный нас рок не сломил?

Что-то нарушено. В корне. В основе.
Хочется мыслить - да мысль не поймать.
Хочется мысль свою выразить в слове,
Да вот никак нужных слов не сыскать.

Хочется верного доброго дела.
Без надругательств, без боли, без мук.
Да вот творим только мы неумело,
И ускользает оно из-под рук.

Хочется мира. Без ссор, без разлада.
Без неприязни, без драк и вражды.
Да вот не можем сомкнуться как надо,
Чтобы согласными стали ряды.

Хочется правды. Без тайн, без тумана.
Той, что не вторит пустой ворожке.
Да вот отвыкли среди лжи и обмана
Верить кому-нибудь, даже себе.

Хочется радости. Света и лада.
Чтоб не мутил угнетающий мрак.
Да вот всосалась под сердце досада
И не разделаться с нею никак.

Что-то случилось... Что-то случилось...
Хочется быть - да не быть суждено.

То ли всё племя впотьмах заблудилось?
То ли совсем одичало оно?

Или природа стихией восстала,
Дабы любой навсегда смог постичь,
Что лишь хотений одних всё же мало,
Если решился кто цели достичь?

Дабы напомнить, той сути помимо,
Что вечный мрак прочит вечный покой,
Ибо в природе всё - необратимо,
И омертвелый - уже не живой.

* * *

Так уж есть: не прервать злополучного круга,
Такова уж, как видно, земная юдоль,
Что идут неотступно по следу друг друга:
За любовью - разлука, за разлукою - боль.

Укрываясь в тени, под истёртым нарядом,
Повторяясь несчётно без конца вновь и вновь,
Тем же вечным своим равнодушным обрядом
Боль венчает разлуку, а разлука - любовь.

И кружатся по свету неразлучные пары,
Оставляя на судьбах только тени свои,
Так беспечно вольны, так диковинно стары:
Боль - как тень от разлуки, ну а та - от любви.

И не видно черты, где когда-то истаёт
Жгучий пламень душевных нескончаемых мук,
Потому что, увы, никогда не бывает
Ни разлуки без боли, ни любви без разлук.

* * *

За гордыней побед
Скрыт предательский след,
На успехах - рубцы от обмана,
От привычного сна
На глазах пелена,
Как белёсая завесь тумана.

Но с неведомых круч
В громе сумрачных туч
Вдруг ненастьем, как дымом, повеет,
И тоска закуёт,
Сердце болью сожмёт,
И душа мёртвым льдом занемет.

Так бывает стократ,
Если в сердце разлад,
Если спутаны чувства страстями,
За добычей слепой
Ходят тени толпой
И становятся ей водырями.

Что за верный устой,
Если блажью пустой
Кто-то жалкую прыть утоляет,
Что за смелая роль,
Коль вблизи чья-то боль
Твой дремотный покой охраняет?

Кто ползёт на авось
Словно червь, вкривь и вкось,
Кто напасть вымеряет врагами,
Тот всё даром берёт,

Чьё-то счастье крадет,
И свой путь устилает долгами.

У бездушной вины
Нет надёжной стены,
Ей не смыть, даже кровью, позора,
За измену судьбе,
Даже в правой борьбе,
Не уйти от меча приговора.

От немой духоты
Увядают цветы,
Чахнут вольные светлые реки,
А надежды лучи
Вязнут в едкой ночи,
И любовь угасает навеки.

* * *

*Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит...*

А.С. Пушкин

Малюет грубая рука узоры
По старому холсту, труд мастера поправ,
И исчезают с полотна просторы,
И запахи цветов, и шум дубрав.

Без жалости, без дрожи и смятений
Чинит бездушный суд холодный изувер,
Замазывая то, что создал гений,
На свой уродливый безжизненный манер.

Ему, притупленному до всего иного,
С язвительным умом и сердцем гордеца,
Постичь ли чувство вдохновения благого,
Что наполняло грудь художника-творца?

Когда в пустынный час, окрест взирая,
Вдыхая тишину с чарующей тоской,
Он созерцал красу родного края
И оживлял её искусною рукой...

Беда, когда заезжий критик и ценитель,
Взяв в руки кисть, перо или резец,
Берётся подправлять старинную обитель,
Лишь уповая на привычный образец.

И меркнет красота от дерзкого вторженья,
И испаряется дыхание творца,
Но мне вид тихого родимого селенья
Милей роскошного, но чуждого дворца.

Милей родная даль с дремотной тишиною,
Милей лесной убор в спокойной красоте,
И краски старые, согретые душою,
Милей узоров новых на холсте.

* * *

Совсем не тем я удивлён,
Что зло повсюду сеет тленье,
Что мир враждой, как язвой, поражён,
И нет надежд на исцеленье.

Не тем, что процветает всюду ложь,
Что расплзается бесстыдство, как отрава,
Что благоденствие не ставится ни в грош,
Зато в цене сомнительная слава.

А удивлён я тем, что вопреки всему,
Наперекор всей этой поросли разменной,
Не погрузился мир земной ещё во тьму,
И не угас наш островок Вселенной.

Что, несмотря на стоны, боль и кровь,
Ещё не потерялась всем во милость,
И рыцарская честь, и светлая любовь,
И правда, и добро, и справедливость.

И как бы силы зла ни замышляли месть
Всему тому, что вожделеет к свету,
Всё это, как ни странно, в жизни есть,
Хоть никаких причин, чтоб это было, нету.

* * *

И пошатнулись древние Афины,
И закачался весь античный мир,
Когда сошлись иные властелины
На свой безумный и зловещий пир.

Где правил дух и билась мысль живая,
Где в тишине творил художник и поэт,
И созерцал философ, постигая
Высоких истин тонкий свет,

Там воцарился ум бездушный и надменный,
Жестокий нрав, беспутство и порок,

Как будто над землёй благословенной
Завис слепой неотвратимый рок...

Глухое, мрачное, разнузданное время,
Коль восстаёт к господству гнусный бес,
И водружает варварское племя
Одну лишь ценность: свой корыстный интерес.

Тогда бледнеет несравненный образ грека,
Испепеляется божественный елей,
И на руинах «золотого века»
Возводится убогий мавзолей.

ПРОРОК

«Тот, сотворивший твердь и сушу,
Из вод - моря, из мрака - свет,
Всем гадам даровавший душу,
И птицам, и зверям вослед;
Тот, сотворивший человека
Владычить правдой на земле,
Кто дал закон, чтоб не во мгле
Он жил от века и до века, -
Тот Голос пред тобой являет,
Десницей грозною влагает
Свои слова в уста твои:
Иди, пророк, и возгласи,
Сверши, исполни волю Божью,
На свитке гневном вознеси
Мой меч над мерзостью и ложью.
Возвысь свой голос, разбуди
Мужей порочных, жён неверных,
Огонь возжги в своей груди,

Чтоб опалить им лик презренных.
Скажи: повергну в тьму денницу,
Изрину душный чёрный дым,
Когда простру свою десницу
Над миром грешным и больным.
И сокрушу людей гордыню,
И землю превращу в пустыню.
Иди бесстрашно, не таясь,
Не усмирай свой пыл пророка,
Чтоб обличать позор и грязь,
Всю низость блуда и порока.
Поймёшь ты скоро, в первый час,
Каким ты жребием отмечен,
Когда узришь, как мой наказ
Толпой безумной будет встречен.
Они в тебя начнут плевать,
Метать угрозы, оскорбленья,
И будут злобно вслед бросать
Проклятья, желчи и камня.
Они начнут чрево вещать,
Манить к кумирам, к истуканам,
То шептунами совращать,
То прикрываться чьим-то саном.
Не верь им! В них проснётся страх,
Ложь прегрешенье не излечит,
К чему молитва на устах,
Коль сердце ей противоречит?!
Иди! Сомненья побори,
Смирись пред злобой и укором,
Буди глухих, слепых пали
Священным непреклонным зовом.
Неси тот светоч до конца,
Неустрасимым будь и истым,
И жги холодные сердца
Огнём божественным и чистым!»

ЗАВИСТЬ

Она тенью скользит, озирается,
Поначалу как гостя несмелая,
Это зависть от сна пробуждается
То ли чёрная, то ли белая.

Заползает, как червь, в душу грешную,
Может - чтоб не дремала, покорная?
Иль сулит ей тоску безутешную
Зависть белая, зависть чёрная?

Знает точно углы свои тайные,
Ждёт-пождёт, словно заиндевелая,
Сторожит свои жертвы случайные
Зависть чёрная, зависть белая.

А дождавшись - жестокая, дикая,
На охоту изрядно проворная,
Закипает, каналья двулика,
То ли белая, то ли чёрная.

Где она - по добру, где - без ведома,
Где - бесстыжая, где - незрелая,
Что выискивает - ей лишь ведомо,
Зависть чёрная, зависть белая.

На господство свое дюже скорая,
Но порой цвет меняет, вздорная,
И не всяк различит, где которая:
Зависть белая, зависть чёрная.

Не всегда у досады томительной
Обретается сила умелая,

И грызёт сердце страстью мучительной
Зависть чёрная, зависть белая.

И смущает, тревожит навязшая,
И ревнивая, и затаённая,
И враждебная, и щемящая,
Зависть белая, зависть чёрная.

ПРИИДИТЕ...

*Приидите володеть и
княжить над нами...
Из летописи*

Приидите... Чтоб дать нам возрасти.
Из леса ль, из степи, иль из другого края,
Чтоб мы могли надежду обрести
Достойно жить, себя не презирая.

Приидите... Не взять, не покорить,
А чтоб нас отучить ценить всё полумерой,
Чтобы внушить нам отчий дом любить
И укрепить наш дух святою верой.

Приидите... Вершить и володеть,
Чтоб жили мы без стона и испуга,
Чтоб мы с достоинством могли вперёд
смотреть
И ненавидеть отучились бы друг друга.

Приидите... С мечом иль без него,
Чтоб выжечь кумовство и пустословье,
Чтоб не считали в нашей жизни никого
За низкое и рабское сословье.

Приидите... Спасти и защитить
От нашей слабой, неумелой власти,
Чтоб каждый мог к другим благоволить,
Оберегая их от горя и напасти.

Приидите... Сгребите всякий хлам,
Откройте наши сомкнутые вежды,
Чтоб, приступая даже к маленьким делам,
Мы облачались бы лишь в белые одежды.

* * *

Не утонул бы в тех глазах смиренно,
Не задохнулся бы в потоке спешных слов,
И выстоял, должно быть, непременно,
Да был он не готов, был не готов.

Она его как будто сторожила,
Та роковая меткая стрела,
Вдруг засвистела, грудь его пронзила,
И цель свою нашла, и цель нашла.

Он обречён был с первого мгновенья,
Когда, как в омут, провалился его взгляд,
И губы обожгло нектаром исцеленья,
А выпил сладкий яд, змеиный яд.

И был ещё в душе какой-то проблеск малый:
Вдруг тень мелькнула где-то в глубине,
И он рванулся, безнадежно запоздалый,
Но был уж в западне, был в западне.

АРТИСТ

*Что ему Гекуба?
В. Шекспир*

Сегодня он последний раз на сцене.
Подмостки - его жребий и судьба.
Всю жизнь служил он Мельпомене
С усердием слуги и кротостью раба.

Весь век свой он, смиренный данник Музы,
Взыскательной судьи добра и зла,
Приняв её божественные узы,
Хранил, как мог, заветы ремесла.

Последний выход! Здесь знакомо всё до боли,
На каждой половице след оставлен им,
Здесь родились и жили его роли,
И он в них жил, меняя нрав и грим.

Причудлива фортуна лицедея -
Вмещать в себя иную плоть и кровь:
И пылкость рыцаря, и замыслы злодея,
И смертную вражду, и нежную любовь, -

Уметь вживаться в чуждое убранство,
Менять обличия, манеры, свой настрой,
Смещая время и пространство
Лукавой тайною игрой.

Здесь жизнь его прошла. Театр - его обитель.
Здесь был его Олимп: священный стан и храм,
Здесь встречи с ним с надеждою ждал зритель,
И этой встречи ждал с надеждою он сам.

И с каждой ролью - будто всё сначала,
И каждый выход - будто в первый раз,
Когда из темени заполненного зала
Устремлены на сцену сотни глаз.

Всё было здесь - в полукольце арены,
Она свидетель всех крушений и удач,
Она безжалостна на немочь и измены,
Как к обречённой жертве холоден палач.

Она предательства не сносит никакого
И обнажает жалом рампы до конца
Любой неточный шаг, неискреннее слово,
Любое с фальшью выражение лица.

Она приемлет лишь такое воплощенье,
Такое упоение игрой,
Где мастерство, талант и вдохновенье
Неразделимо слиты меж собой.

Тогда-то наступает это чудо,
Когда приходят будто силой волшебства, -
С небес ли, изнутри, иль знает Бог откуда -
Неповторимые минуты торжества.

Тогда в волненьи замирает в зале зритель,
Душа свергает гнёт земных оков,
И надо всем, как чародей и повелитель,
Царит Артист, поверенный богов...

Он это испытал. Нечасто, но так было.
Извилист к лаврам путь в томленьях и борьбе.
Его душа познала трепет пыла
И сладость взлётов в переменчивой судьбе.

Как много раз, без искры самомненья,
Он ощущал над тишиною гробовой,
Как маятник душевного волненья
На высшей точке ход задерживает свой.

Как много раз, успехом окрылённый,
Причастным залом вызываемый на бис,
Он - обессиленный, разбитый, изнурённый,
С счастливым сердцем выходил из-за кулис.

Он это испытал. Минуты те - как вехи,
Из них слагается и слава, и успех,
Не для одной же, ведь, забавы и утехы
Подмостки оглашают плач и смех.

Непостижимы те всеильные причины,
Что держат зал как в заколдованных тисках,
И, отмыкая сокровенные глубины,
Неволят пережить и грусть, и боль, и страх.

Тогда на сцене оживают небылицы,
Тогда, с игрой искусной слившись до конца,
Идут с героями на поиск синей птицы
И жаждут мщенья за Гамлета-отца...

Сегодня он последний раз на сцене.
Прощальный выход под привычный рампы свет,
Здесь где-то бродят всех его героев тени,
С кем он сроднился за десятки лет.

Всему - свой срок. И новое стирает
Следы минувшего без всякого суда.
Любой спектакль живёт и умирает,
Не повторяясь уже больше никогда.

Придут другие. И другие роли
Здесь оживут лукавством нового творца,
И будет продолжаться так, доколе
Театр способен волновать и жечь сердца.

И будет за труды высокой мерой
Отмечен его будущий собрат,
Служа, как он, всей правдою и верой,
Как славный муж и преданный солдат.

УРОКИ ИСТОРИИ

*Победитель оставляет
побеждённому только
глаза, чтобы было чем
плакать.*

О. Бисмарк

Мы даже плакать разучились,
Забывшись в смуте и тщете,
С постыдной участью смирились
В позоре жить и нищете.

Мы даже гордость потеряли,
Приняв безвольный, жалкий вид,
Себя в покорности распяли
Для посмеяний и обид.

Мы даже память притупили,
Стерев анналы добела,
И славу предков очернили,
Предав забвенью их дела...

Есть боль любого поражения,
Любой погибельной борьбы,

Но в ней - начало обретенья
Своей осмысленной судьбы.

Нет поражений без потери,
И нету впредь путей других,
Как пробудиться к новой вере
В достоинство себя самих.

Лишь там возможны обретенья,
И там путь к цели озарён,
Где демон страха и сомненья
Упорной воле подчинён.

Лишь там неведома кручина,
Непроходимых нет преград,
Где есть служенье не для чина
И где есть долг не для наград.

Лишь там, стерпев лихие годы,
Под гнётом боли и стыда,
Взрастут и новой жизни всходы
Плодами духа и труда...

Печальна участь всех заблудших,
Не сокрушивших спесь и лень,
Где наилучшие из лучших
Оттиснуты в густую тень.

Ведь только им по воле рока
Дан жребий, чтобы до конца
Смыть след унынья и порока
И верой пробудить сердца.

Они уводят с мрачной тризны
Родное племя за собой,

Для благоденствия Отчизны
Рискуя собственной судьбой.

Рискуя даже жизнью всей
Не увидеть просвет желанный,
Как не увидел Моисей
Своей земли обетованной.

К СУДЬБЕ

Ты меня не гони, не гони
По ухабам житейских дорог,
Властной силой своей не плени,
Чтоб снести все удары я смог.

Ты меня не томи, не томи
Пустотой жалких мнений и встреч,
Прихоть праздную в сердце уйми,
Чтоб от призрачных снов уберечь.

Ты меня не мути, не мути
Сладким зельем лукавых надежд,
Не заманивай сбиться с пути
Ярким блеском нарядных одежд.

Ты меня не вяжи, не вяжи
Паутиной бесплодных побед,
Перед взором не засти межи,
За которой кончается свет.

Ты меня пощади, пощади,
Не дари мне ни пуль, ни наград,
От зловещей тоски огради
И не требуй души под заклад.

ПРИВИДЕНИЕ

Она не шла - таким воздушным не бывает шаг,
Она плыла, парила над перроном,
И развевался лёгкий шарф её как флаг,
И рассыпался воздух перед нею с томным звоном.

Чуть колыхался её тонкий гибкий стан
Пружинистой натянутой струною,
И будто лёгкий обольстительный туман
За ней стелился расходящейся волною.

Одна, без спутника, в прицеле многих глаз,
Она казалась здесь каким-то странным дивом,
Как будто ветер случайный в этот час
Её занёс сюда слепым порывом.

В привычном ритме жил большой вокзал,
И в этом гуле бесконечного движенья
Один лишь подиум перронный различал
Из сотен ног её прикосновенья.

Она куда-то уплывала тихо вдаль,
Мелькнул приметный шарф, накинутый на плечи,
Иль уносила после проводов печаль,
Иль радость берегла для скорой встречи?

Она исчезла, проскользнув в толпе как тень,
Как привидение, блеснув своим убором,
Так в сказочном дыму лесной олень
Вдруг промелькнёт перед застывшим взором.

Она исчезла. И хоть прежним был перрон
И ничего вокруг как будто не случилось,
Остался тайный след её, и тот певучий звон,
И что-то здесь незримо изменилось.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Страсти бушуют, страсти,
Зуд позывает к бою,
Власти хочется, власти,
Хотя бы ценой любой.

Пышат свирепостью, пышат,
Вяжут резоны тугие,
Не слышат друг друга, не слышат,
Будто совсем глухие.

Бросают обиды, бросают,
Чванятся правдой святою,
Кусают чужих, кусают
Упрёками и клеветою.

Жмутся в отары, жмутся,
Пригожие ладят уборы,
Грызутся до крови, грызутся,
Словно собачьи своры.

Вещают ревниво, вещают,
Горы сулят благие,
Страшают нещадно, страшают,
И эти, и те, и другие.

Не в силах уняться, не в силах,
Стоят супротив стеною,
Ярость беснуется в жилах,
Застя глаза пеленою.

Участь решается, участь,
Кого призывать к ответу?

Дремучесть кругом, дремучесть,
Трудно пробиться свету.

Косит уныние, косит
Сирых в лихой круговерти,
Разносит повсюду, разносит
Смрад подступающей смерти.

К ПОЭТУ

Когда, поэт, на общий суд
Выносишь ты своё творенье,
Не обольщайся, что твой труд
Родит восторг и умиление.

Уйми надежды тщетный пыл,
Не сетуй, усмирив гордыню,
Что твой волнующий посыл
Найдёт безмолвную пустыню.

Тебе ль, илоту грустных дум,
Не знать правдивого ответа:
Сколь редко чей-то гордый ум
Тревожит страстный зов поэта.

Будь твёрд! Напрасно не томи
Себя кручиною подложной,
Урочный жребий не гневи
Обидой мелкой и ничтожной.

С душой своей лишь будь в ладу,
Твори и созерцай в уладу,
Презрев сомнительную мзду,
Хвалу любую и награду.

Ужель, поправ высокий Суд,
Приемлешь ты пустую славу
От тех, кто твой оценит труд
Лишь скуки ради иль в забаву?

Зачем тебе внимать молве,
Ловить безжизненные тени,
Коль, что в хуле, что в похвале
Печать бесстрастия и лени?

Понять ли им когда-нибудь,
Не пережившим тайны света,
Не опалившим жаром грудь,
Стихии огненной поэта?

Так, пепелище обходя,
Глядя на почерневший камень,
Постигнуть до конца нельзя,
Какой здесь бился ярый пламень!

Иди, поэт, прямой тропой,
К себе не требуя вниманья,
Довольствуясь своей судьбой,
Без всякой жажды воздаянья.

Живи достойно и дерзай,
Не искушай себя успехом,
И никогда не угождай
Ни власти, ни толпы утехам!

НОВЫЙ ВАВИЛОН

Шикарные авто. Проспекты и мосты.
Арены, площади. Витрины, мода.
Повсюду знаки и приметы красоты,
Повсюду стиль и вкус. Комфорт, свобода.

Отели, парки. Небоскрёбов строгий вид.
Концертные дома, вокзалы, рестораны.
Повсюду свет ночных огней разлит,
Повсюду яркие рекламные экраны.

Кругом искусные плоды ума и рук,
Над всем дух благоденствия витает,
Техническая мощь, всесилие наук
Фантазии любые затмевает.

Диковины везде: для быта, для труда,
Для воинских побед, для жизни пира,
Покорены и высь, и глубь. И суша, и вода.
И даль, и близь. И явь, и тайны мира.

Земное чудо! Будто волшебством
Объято всё вокруг в раю счастливом,
Нельзя не поразиться этим торжеством,
Нельзя не обомлеть пред этим дивом.

И сколько надо мужества и сил
К сопротивлению, защите и отпору,
Чтоб усмирить в себе восторга пыл
И не прельститься замороженному взору,

Чтоб не принять весь этот блеск за образец,
Не соблазниться обоготворить Ваала,
Чтоб не увидеть здесь творения венец
И не почтить за воплощенье идеала.

* * *

Над кем кружится чёрный ворон?
Кого страшает его крик?
К какой добыче взор прикован,
Урочный поджидая миг?

Кружится ворон. Ищет пищи.
На чьей-то тризне ждёт утех.
Недужный телом, духом нищий -
Его пожива и успех.

Кружится ворон. Ждёт кончины.
И там, и здесь: где - плач, где - стон,
То обернётся вокруг лощины,
То на поля вернётся он.

Кружится ворон. Жаждет смерти.
Томящий чует зуд когтей.
Кольцо сжимает круговерти
Над жертвой немощной своей.

Кружится ворон. Хочет крови.
Победный предвкушает день.
Над кем-то в неутешном горе
Скользит зловеще его тень.

Не над тобой ли кружит ворон?
Уж не к тебе ль спустилась мгла,
И взор безжалостный прикован,
И льнут простёртые крыла?

ПАМЯТИ ФЕТА

Тоскливо

Взирать на разлады безумного жалкого мира.
Лишь изредка луч промелькнёт из-за туч сиротливо.
И Музы молчат, и чуть слышно звучит где-то Лира.
Тоскливо.

Обидно,

Что кроткое сердце безжалостной воле подвластно.
Друзей ли встречаешь - бывшего огня в них не видно.
Под тенью унылой лишь теплится взор безучастный.
Обидно.

Позорно,

Когда выставляют заместо живого подмены,
А чуждый убор на себя примеряют покорно.
Где разум кичится, там скрытно гнездятся измены.
Позорно.

Мгновенно

Бегут наши дни, посыпая бывшее золою,
И гаснут надежды, что жили в груди сокровенно.
Оглянешься вдаль - жизнь промчалась капризной
волною
Мгновенно.

Извечно

Стремление духа к желанной свободе и свету.
И путь неизведан, и гор череда бесконечна.
Но Голос зовёт, и вершины взывают к ответу
Извечно!

УТЕРЯННАЯ ОБИТЕЛЬ

Я живу, не зная, где живу,
Где свой век смиренно коротаю:
Всё ли то, что вижу - наяву?
Всё ли то, что слышу - понимаю?

Отличить смогу ль - добро от зла?
Честный зов - от гнусного навета?
Будто скрытые кривые зеркала
Отражают тени вместо света.

В этом сумраке, унылом и дурном,
Не управиться с докучливой кручиной:
То ли я чужой в краю родном,
То ли край родимый стал чужбиной.

И всё чаще, как в виденьях сна,
Грезится другая мне обитель,
Та неведомая дивная страна,
Где один-единственный я житель.

Грезится блаженная земля,
Милый кров под сению благою,
Та потерянная родина моя,
Не сравнимая с любой другою.

Та страна - иная. В ней царит
Вечный дух немого созерцанья.
Там и я - другой: в единстве слит
С тайною стихией мирозданья.

Знаю я: напрасная нужда -
Прошное искать без адресата,

Потому что я там не был никогда,
В том краю, что потерял когда-то.

Знаю я: не высмотреть следа,
Где лишь призраки да тени на примете,
Но хочу вернуться вновь туда,
В ту страну, которой нет на свете.

ДИАЛОГ

Он сказал: я ухожу,
Наш корабль разбился.
А она: ты, я гляжу,
Очень утомился.

Он сказал: так жить нельзя,
Лучше - на погосте.
А она: твои друзья
Нас позвали в гости.

Он сказал: уж восемь лет
И - одна лишь мука.
А она: поешь омлет,
Он, как любишь - с луком.

Он сказал: ошиблись мы,
Нет меж нами лада.
А она: нам до зимы
Расплатиться б надо.

Он сказал: что зря толочь!
Всё давно истлело.
А она: немного дочь
Наша приболела.

Он сказал: ты как слепец,
Может, снимешь шоры?
А она: звонил отец,
Нам купили шторы.

Он сказал: где нет тепла,
Там близка пучина.
А она: вчера была
Наша годовщина.

Он сказал: я - как ишак,
И в награду - раны.
А она:ними пиджак,
Я зашью карманы.

Он сказал: себя хоть тещь
Иль не тещь - всё тоже.
А она: ну хоть поешь,
Ты голодный всё же.

Он сказал: нет больше сил,
Разговор - дурацкий.
А она: ты что решил
Делать с кандидатской?

Он сказал: я ждал всё, ждал,
Думал - обойдётся.
А она: ты б не кричал,
А то дочь проснётся.

Он сказал: всё, не могу,
Жизнь пришла к расколу,
А она: я забегу
Завтра утром в школу.

Он сказал: видать, плохой
Я для жизни брачной.
А она: ты стал худой,
Прям совсем прозрачный.

Он сказал: я не смеюсь,
Кончим в одночасье.
А она: я так боюсь
Умереть от счастья.

СЛОВА

Слова - словно капли волшебной воды:
Они точат камни и поят сады,
Они могут слиться в бурливый поток,
Иль кануть бесследно, как в зыбкий песок,
Они жизнь спасти могут в зное сухом,
И паром обжечь, и сковать мёртвым льдом.

Слова - словно нити на разный подбор,
Из них ленты шьют и сплетают узор,
Из них можно делать ковры и холсты,
А можно тугие бичи и кнуты,
Они могут преть в запылённых мотках,
А могут греть плечи в пуховых платках.

Слова - словно бисер, рассыпанный в ряд,
Что форма, что цвет - на любой вкус и взгляд,
Он может быть рыхлым как снежная хлопь,
А может звенеть как свинцовая дробь,
Он может быть смутен, а может быть чист,
Нанизанный в кружево бус и монист.

Слова - как микробы: всегда и везде,
И в пыльном дыму, и в стерильной среде,
В толпе, на трибуне, в учёном кругу,
В признаниях другу, в отпоре врагу,
Они могут вызвать брожение в умах,
И могут дорогу нащупать впотьмах.

Слова - словно жизни земной семена,
Они прорастают во все времена,
Из них могут вдруг появиться на свет
И гимны Ригведы, и Ветхий Завет,
Из них, одолев гнёт невзгод и нужды,
Взрасти могут мудрости вечной плоды.

Слова - словно тени души и ума,
От них льётся свет и сгущается тьма,
Они заполняют собою эфир,
Из них можно выстроить сказочный мир,
С их помощью можно и нить, и дерзать,
И всё опровергнуть, и всё доказать.

Слова - наши песни, наш крест и наш лик,
Мы с ними живём каждый шаг, каждый миг,
Язык наш - как молох, сиречь жернова,
На нём без конца копошатся слова,
Они - наша сладость и наша напасть,
Они - наша слабость и высшая власть...

От душного марева блекнет трава,
И нет хуже слов, чем пустые слова,
Когда за туманом бессмысленных слов
Внутри нет живых, непритворных основ,
Когда вместо мысли и чувств дорогих
Одно только мыслеподобие в них.

* * *

По нашим кладбищам гуляет смех,
Разносит ветер отголоски меж крестами,
Там во дворцах и замках празднуют успех
И мечут банк над пепелищем и костями.

На наших кладбищах разверзнут прах,
На каждый жертвенный покой - тариф и квоты,
По списку - головы для новых плах,
По преискуранту - заказные эшафоты.

При наших кладбищах - громады стен,
У караулов - нерушимые доспехи,
Сгоняют рыцарей на паперти арен,
И травят их цепными псами для потехи.

Чрез наши кладбища сочится боль,
Скликает колокол останки истой веры,
Внизу ютится вся отверженная голь,
Вверху пируют короли и флибустьеры.

Над нашим кладбищем - туман и дым,
Сгустились тучи для разгула тёмной силы,
Взывают мёртвые ко всем живым,
А все живые роют новые могилы.

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ДОСТОИНСТВО

Человеческое достоинство!
Невозможно прожить без него.
Это самое странное воинство,
Но взамен ему нет ничего.

Не разжиться им просто по случаю,
Не займы одолжить, не купить,
Не сыскать как находку везучую
И в наследство не получить.

Человеческое достоинство!
Не суметь устоять без него.
Это самое сильное воинство,
И сильней его нет ничего.
Не дождутся победы гонители,
Не прельстит изворотливый бес,
И коварные злые хулители
Не отпразднуют свой перевес.

Человеческое достоинство!
Не содеять добра без него.
Это самое честное воинство,
И честней его нет ничего.
Как бы зло ни плело всюду горести,
Как бы ложь ни таилась в тени,
Безоружны они против совести,
И бессильны пред правдой они.

Человеческое достоинство!
Не постичь красоты без него.
Это самое светлое воинство,
И светлей его нет ничего.
Где есть место для боли и милости,
Где течёт благородная кровь,
Там вражда уступает терпимости,
И сердца озаряет любовь.

Человеческое достоинство!
Не изведать судьбы без него.

Это самое главное воинство,
И главней его нет ничего.
Нету выше и чище радения,
Нет верней, благодатней труда,
Как беречь этот дар провидения
И, не дай Бог, утратить когда!

МОЙ СОБЕСЕДНИК

Он не друг, не конфидент,
Не седой учитель,
Не судья, не оппонент,
Не ума властитель.

Не провидец, не святой,
И не исповедник,
Этот странный спутник мой -
Призрак-собеседник.

Где он? Кто он? Почему
Властной воле ровно,
Доверяюсь я ему
Так беспрекословно?

И хоть рядом есть друзья,
Вовсе не случайные,
Заменить ничем нельзя
Эти встречи тайные...

В час, когда я в тишине
Отрешён от мира,
И звучит как в чудном сне
Мне напевно Лира,

Когда грудь щемит тоской
В трепетном волненьи,
И божественный покой
Дарит упоенье,

В этот час тогда меня
Светлый дух смиряет,
И из бездны бытия
Он себя являет.

Мы одни в тот редкий час:
Нет страданий дольных,
Нет вокруг ушей и глаз,
Чуждых и сторонних.

Нет бесплодной суеты,
Нет суда пустого,
Стёрты времени черты
И следы земного.

Ложный снят с души покров,
Всё объято светом,
И не нужно даже слов
В разговоре этом.

И не нужно никаких
Знаков для общенья,
Так всё ясно и без них
В чуде единенья!...

Мы - в отрадной тишине,
В благодати света,
Я ли в нём, иль он во мне -
Нет на то ответа.

Молчаливый диалог -
Странный и таинственный.
Я и он. Меж нами - Бог,
Слушатель единственный.

* * *

Без человека мир - и пуст, и нем, и глух,
Бескрасочен, безлик, беззвучен,
Один таинственный неуловимый дух
С пустынной бездной неразлучен.

В нём нет ни веры, ни добра, ни зла,
Ни образцового, ни низкого явления,
Нет ни безумства, ни душевного тепла,
Ни рокового, ни чудесного мгновенья.

А если добр он, то - нашей добротой,
А если болен он, то только нашей болью,
И коль прекрасен он - лишь нашей красотой,
Увенчанной согласьем и любовью.

ЭЛЬСИНОР

*Какая-то в державе
датской гниль.*

В. Шекспир

Холодный, варварский, угрюмый Эльсинор!
Прибежище безумия и скотства,
Куда ни обратишь смущённый взор,
Иль злодеяние увидишь, иль уродство.

За благородною личиною скрыта ложь,
За девственной фатой - следы порока,
Под полою плаща припрятан нож
Или отравя беленного сока.

Расчётом, алчностью пропитана среда,
Заражен воздух злобой и обманом,
Чины мздоимствуют без меры и стыда,
Холопы оглушаются дурманом.

В каретах разъезжают палачи,
Самодовольно властвуют вельможи,
В судах притворствуют законов толмачи,
Вердикты вынося торговцу схоже.

Ростовщики сидят на серебре,
Снуют повсюду беззастенчиво пролазы,
Плетут сановники интриги при дворе,
Диктуя королевские указы.

При кошельках ютится голь и лесть,
При силе - зависть и бездушие вандала,
Взывают призраки отмстить за кровь и честь,
Бродя в ночи у городского вала.

Нет нивы для свободного ума,
Нет благородству и достоинству простора.
Одна глухая гробовая тьма
Висит над преисподней Эльсинора!

* * *

Мог любить - не любил,
Мог дарить - не дарил,
Так скупцу щедрым быть не пристало,
На себя примерял,
Под себя подгонял,
А судьба, между тем, не дремала.

Был любим - не ценил,
Был богат - не хранил,
Верность часто подобна террору,
Свой приют не берёт,
Свой порог не стерёт,
А судьба нить пряла о ту пору.

Как умел - так рядил,
Как привык - так судил,
Думал, видно, что счастье - не бремя,
Тихий стон - досаждал,
Крик души - раздражал,
А судьба счёт вела в это время.

Слёз чужих - не глотал,
Боль вокруг - не видал,
Только точит волна даже скалы,
Что хотел - отстоял,
Что имел - растерял,
А судьба всё строчила анналы.

Нет дорог без следа,
Нет вины без суда,
Недостачей вернулся избыток,
Позади - нагота,
Впереди - пустота,
А судьба уж свернула свой свиток.

ПАСХА

-1-

Утро. Вёдро. Купола
Золотятся над заливом,
И звучат колокола
Звоном тихим, сиротливым.

По дороге, что ведёт
К церкви, скрытой за домами,
Лентой тянется народ
С небольшими узелками.

У ворот тройным перстом
Под иконою над входом
Осняется крестом,
Поклоняясь перед Богом.

За оградой - будто рой:
Гул вокруг, повсюду лица,
Нескончаемой толпой
Двор церковный шевелится.

Всё течёт, струит, журчит.
На конце людского створа
Длинный белый стол стоит
Чуть поодаль от притвора.

Плотный ряд вокруг стола.
В лицах свет и умиление
От весеннего тепла,
От счастливого волнения.

Стол наряжен. Крашен вид:
Меж зажжёнными свечами -

Лес пасхальных пирамид
С яйцами и куличами.

Там и тут - повсюду снедь,
Вьются стайки зорких птичек,
Полыхает ярко медь
Разукрашенных яичек.

Животворные лучи
Из бездонной льются дали,
Золотятся куличи
На молочном покрывале.

Дьякон с рыжей бородой
Вдоль стола чинит раденье,
Окропляя снедь водой
Для святого разговенья.

Синевой небесный свод
Распахнулся над столицей,
И всё тянется народ
Бесконечной вереницей.

И всё также купола
Брежжат золотом над склоном,
И звучат колокола
Заунывным тихим звоном.

-2-

Ночь спустилась. Отгудел
Шумный город за домами,
Двор церковный опустел
И затих пред торжествами.

Все внутри. Заполнен храм,
Тесно в зале и притворе,
Только шёпот по рядам
Шевелит людское море.

В храме сумрак. Тишина.
Нетерпеньем полны лица,
Уж в алтарь занесена
Грбовая Плащаница.

Смолк на колокольне звон.
Все в одном дыханьи слиты,
Ещё пуст святой амвон,
И врата в алтарь закрыты.

Полночь близится. И вот,
Ждущим словно в воздаянье,
Из-за царственных ворот
Пенья слышится звучанье.

Оживленье в алтаре,
Песнопение крепчает:
«Воскресение Твое!..»
Храм стихира оглашает.

Причт выходит из ворот
И, сойдя чредой с амвона,
Начинает крестный ход,
Чину следуя канона.

Песнь несётся к небесам,
Льются колокола звоны,
Медленно плывут сквозь храм
Крест, хоругви и иконы.

Шествие течёт во двор,
Храм обходит со свечами
И, вернувшись вновь в притвор,
Застывает пред дверями.

Во всю мощь гремит тропарь.
Вход открыт. Толпа внимает,
Радостных огней янтарь
Всех входящих озаряет.

Храм сияет. Свет разлит.
Взоры полны умиления.
Празднично над всем парит
Весть Святого Воскресенья.

Причт одет в светлейший сан,
Зажжены повсюду свечи,
Каждый принят, каждый зван
В эту ночь для светлой встречи.

Будто ангелы с небес,
Слыша зов, спустились днеси,
Там и тут: «Христос воскрес»,
И «Воистину воскрес».

И звучит, как гимн, канон,
И поют все дружно хором,
И ликует перезвон
Надо всем земным простором.

-3-

И сокрушён был вековой закон,
И попораны нечестие и злоба,
Когда, отверзнув камни, Он
Восстал Спасителем из гроба.

Сошедший в ад - повергнул ад!
Как Агнец кровь излил, приняв мученья,
Чтоб отворить врата в Небесный Град
Для вечной жизни и спасенья.

Как в древности, когда исход сверша,
Сыны Израиля избегли рабской доли,
Так ныне каждая смятенная душа
Исходит из греха, как из неволи.

Обильна трапеза! На ней незванных нет,
Всем место уготовано для крова.
Божественной любовью согрет
Любой, взалкавший праведного Слова.

Кто принял мзду Его - отринул плен.
Вкусил «тельца» на пире веры и надежды,
Чтобы стряхнуть с себя весь прах и тлен,
Как обветшалые ненужные одежды,

Чтобы избавиться от тягостных оков,
Очистить плоть и дух от наважденья,
Чтоб усмирить в себе угодливых врагов
Для подвига любви и возрожденья,

Чтоб принести себя, как плод, на торжество,
Взойдя на жертвище благопристойно,
Чтоб сотворенное по образу Его
Святому Образу воздать достойно.

ПРОЩАНИЕ

Вот и час наступил роковой,
Время мчится как горные реки,
Я сегодня с родною страной
Расстаюсь, может статься, навеки.

Есть обряд в расставаньи любом:
Пожелания, слёзы, поклоны,
Уже зрится оставленный дом,
Уже мнятся чужие перроны.

Толчя, как в дыму - голова,
Поцелуй, цветы, ожиданье,
И последние в спешке слова,
И руки взмах в окно на прощанье...

Эта участь теперь не моя,
Не меня кто-то в путь провожает,
Уезжаю, ведь, нынче не я,
А страна от меня уезжает.

Уезжает она от меня,
Столько лет с нею вместе мы жили,
И трудились для светлого дня,
И смеялись, и вместе тужили.

И встречали весенний рассвет,
И холодный закат провожали,
И несли вместе крест наших бед,
И за общим столом пировали.

Уезжает она от меня,
То, что было - ей стало негоже,

Не нужны ей такие как я,
И не нужно всё прошлое тоже.

Уезжает она от меня
К новым далям на поиски счастья,
Уезжает, бывшее кляня,
За невзгоды свои и ненастья.

Ей мерещится пышный приют,
Мнутся всюду палаты и троны,
Где молитвы себе воздают
И чужие звучат перезвоны.

Уезжает, оставив рубец,
Разгулявшись на собственной тризне,
Всё изгадив, измазав вконец,
Что не нужно в её новой жизни.

Уезжает, взяв мягкий билет,
Всё изъев из всех дыр и прогалин,
Оставляя кровавый свой след
У погостов и жалких развалин.

Оставляя болезни и боль,
Неурядицы, злобу и стоны,
Оставляя разруху и голь
Да глухие вертепы-притоны.

Оставляя везде смрад и вонь,
Страх у слабого, ненависть в нищем,
Догорает зловещий огонь
Над разграбленным пепелищем...

Мы теперь с ней совсем не родня,
Разве можно любить, унижая?

Уезжает она от меня,
Потому что мне стала чужая.

Бог судья ей! Где бесы живут,
Где свои они метят границы,
Там цветы на лугах не растут,
И не вьют гнёзда вольные птицы.

Пусть ликует мышинная спесь,
Что амбар растащила проворно,
Кто-то должен остаться, ведь, здесь,
Чтоб спасти уцелевшие зёрна.

Я такой не один. Много тех,
Кто остаться решился на месте,
Кто за грязный дешёвый успех
Никогда не продаст своей чести.

Ну и пусть уезжает страна,
Кто ответит: кому из нас горше?
Может, меньше она нам нужна,
Может, мы ей нужны много больше?!

УСПЕХ

*Ось зрения не совпадает
с осью вещей!*

Г. Торо

Летят по рельсам поезда быстрее птицы,
Любыми курсами, из разных адресов,
Теперь от Петербурга до столицы
Промчатся можно по земле за пять часов.

Наш торопливый век! Он гонит нас и гонит,
Над головами занеся тугую плеть,
И мы летим как скаковые кони,
Боясь куда-то опоздать иль не успеть.

Летим в грядущее! Как будто убегаем
Из настоящего, из нынешнего дня,
И своевластно себе время подчиняем,
Всё новое восторженно ценя.

Не умиряя никакой себя уздою,
Знать не желая ни сомнений, ни помех.
Мы лишь одной обольщены звездой -
Той, что сулит удачу и успех...

Где искушение - там есть всегда расплата.
В пылу безудержном не различим урон:
В приобретении любом есть и утрата,
В любой победе - погребальный перезвон.

Где мнится рай - вдруг обнажится преисподня,
Где идеала ждешь - найдешь лишь гниль и хлам.
Раздвоен мир меж завтра и сегодня,
Уже не здесь ты, но ещё - не там.

Зажатые в тисках круговорота,
Где перемешаны и лики, и межи,
Мы зачастую за действительное что-то,
Не различая, принимаем миражи.

И забываем - чем резвей бежим, тем боле -
Взор устремив в неведомую даль,
Что в нашей жизни, в каждой тайной доле,
Ещё есть для отсчёта вертикаль...

Наш суетливый век! Он тянет наши жилы,
Толкает, сбив в толпу, на скользкий мост,
И нет у нас ни мужества, ни силы,
Чтоб выпрямиться гордо в полный рост.

И гонит нас быстрее неистовая вера,
Звездой притягательной маня.
Но время выигранное, может быть - химера?
И, торопясь, мы не теряем ли себя?

ДРУГ

*Где настоящие друзья -
Там дружба не видна.
К. Симонов*

Есть друг старинный у меня,
Нас с юных лет свели дороги,
Когда душа полна огня
И нет в ней смуты и тревоги,
Когда для лёгкого ума
Жизнь - как привольная равнина,
И незнакома ей ни тьма,
Ни боль, ни горесть, ни рутина,
Когда светла твоя стезя,
Безбрежны сказочные дали,
И рядом первые друзья
В часы отрады и печали...
Теперь уж нет былого сна.
Другие - мы. Другое - время.
Привычной стала седина,
Привычным стало жизни бремя.
Любимый труд. Семейный круг.
Усадный час уединений.

Нет ни ревнивых жгучих мук,
Ни пылких страстных увлечений.
Давно узнали боль потерь,
Смирились с собственным недугом,
И стало редкостью теперь
Когда мы видимся друг с другом.
Туманны прихоти судьбы,
Капризны лики её нрава:
Кому-то - слава без борьбы,
Кому-то - без причины кара.
Бывает, что фортуны суд
Вершит другие испытанья:
Чужие - в близости живут,
А близкие - на расстояньи.
Как нет у чувств уместных слов,
Так и у дружбы нету сроков,
И тихий бескорыстный зов
Превыше клятвенных зарок.
Притворна близость, коль в цене
Лишь искушение обрядом...
А друг мой - здесь. Живёт во мне,
И, значит, мы повсюду рядом.

СНОВИДЕНИЕ

...Небо тучами злобится, хмурится,
Расползается дымная марь...
Вижу - мечется кто-то по улице,
Озирается нервно, в руке - фонарь.

Рыскает всюду, как зверь потревоженный,
Что-то высматривает: то - там, то - тут,
Везде заглядывает - куда только можно:
В окна, в проходы, в любой закут.

«Где же он, где же? - вопит истошно. -
Куда он исчез? Не канул ли в згу?
Ищу человека - и денно, и ночью,
Найти всё никак не могу!»

Дивится народ, толпою сбивается,
Окружает беднягу - потешиться властью.
Кто-то смеётся, кто-то ругается:
Экая невидаль вдруг обрелась!

«Горе! Погибель! Свершилось несчастье!
Чума разразилась, жестокий мор!
Солнечный диск развалился на части!
Лава скатилась с бунтующих гор!

Убийцы! Преступники! Что вы с ним сделали?
Знайте, развратники, сбудется рок:
Небо разверзнется адскими стрелами,
И неизбежный настигнет вас рок!»

Толпа разбухает, шумит, шевелится.
«Безумный! - слышу. - Какой-то маньяк!»
А тот грозно тычет фонарь во все лица,
Будто в руке не фонарь, а стяг.

«Трепещите, убогие! Будет вам мало,
Когда карою грянет оглушительный гром...
Нет нигде его! Был - и не стало!
Одни лишь собаки кругом!...»

Тучи сползли, чуть земли не касаясь,
Стало темно - ничего не видать.
Крики затихли. Я просыпаюсь...
Неужто и мне предстоит так искать?!

* * *

Где ж станет обитать моя душа,
Когда закончив странствия земные,
В томленьях гордый ум свой иссуша,
Я отойду в миры иные?

Что ждёт её: погибель иль приют?
Пучина тьмы? Стихия света?
Иль предстоит ей грозный суд
С неотвратимостью ответа?

Какая чаша на весах -
С грехами иль с благотвореньем,
Судьбу в божественных руках
Решит одним своим движеньем?

Неужто Неба благодать
Моей душе не станет сенью
И обречёт её блуждать
В земной неволе вечной тенью?

А может - без суда она,
Под взмах карающей десницы,
Рассыпаться обречена,
Как пыль, на мелкие частицы?

Иль уготовил ей Судья,
Когда она покинет тело,
В объятьях адского огня
Сгореть бесследно и всецело?

Чем встретит мир меня иной,
Какое ждёт предназначенье,
Что я сыщу: свет, тьму, покой?
Что я оставлю: память иль забвенье?

МЫСЛЬ

Постучалась - не проснулся,
И в другой, и в третий раз,
А очнулся - отвернулся,
Мол, нет времени сейчас.

Знак давала - не ответил,
Осветила - веки сжал,
Промелькнула - не заметил,
Иль не ждал, иль не признал.

Упустил - к себе укоры,
Прозевал - твоя беда,
Упорхнула на просторы,
Может статься - навсегда.

Где теперь она, чьей доле
Шлёт божественный посыл?
Ищи ветра в чистом поле,
Просвистел - и след простыл.

Осознаешь - слишком поздно,
Хоть ругайся, хоть молись,
Пролегли дороги рóзно,
А могли б они сойтись.

Будешь звать, да всё напрасно,
Не слышна́ и не видна,
Потому как своевластна
И причудлива она.

Как огонь - неукротима,
Будто молния - быстра,

Словно тень - неуловима,
И как лезвие - остра.

Как бы сердце ни томилось,
Ни влачилось изнывать,
На её одну лишь милость
Можно только уповать.

Где захочет - там витает,
Где изволит - там блеснёт,
Будто жребий всем бросает:
Повезёт - не повезёт.

И уж коль порой неожиданной
Вдруг забрезжит её нить,
Стереги тот миг желанный,
Чтоб опять не упустить.

Жди, как стражник, ночью, денно,
С тихой верою в груди,
Терпеливо и смиренно
Жди всегда и очень жди!

ЛЕРМОНТОВ

Последний вздох... Последний стон...
Упал с поникшей головою,
Как нераскрывшийся бутон,
Подрезанный слепой рукою.
Недосказал. Недотворил.
Недошутил. Недосмеялся.
Недодружил. Недолюбил,
И даже славы не дождался...

Чужой средь пиршеств и балов,
В любом кругу, под каждым кровом,
Он наживал себе врагов
Одним неосторожным словом.
В нём кровь кипела как у всех,
Но чуткою душой поэта
Он, чуждый ветреных утех,
Мрак отличать умел от света.
Как часто в лоне тишины,
Вдали от мишуры угрюмой,
Ему чредой являлись сны,
Навеянные сладкой думой.
Томимый тайною мечтой,
Он с ранних лет душой мятежной
Узрел высокий жребий свой,
И роковой, и неизбежный.
Как демон, усмирив мечты,
Взлетел он над земным простором,
Чтобы оттуда, с высоты,
Окинуть мир пытливым взором.
Летал он над жнивьём полей,
Над разноцветными лугами,
Над ширью дремлющих степей
И над кавказскими хребтами.
Под ним лежали города,
Поместья, крепости, станицы,
Паслись отары и стада,
Сбивались в стаи с криком птицы.
И он увидел край родной
Во всём немыслимом просторе,
Во всей его красе земной,
Во всём чарующем уборе.
И он слетел к земле чуть-чуть,
Паря над властной тишиною,

Чтоб зорче, пристальней взглянуть
На жизнь людскую под луною.
Ему увиделись с небес
И избы в сёлах, и палаты,
Чертоги, полные чудес,
И покосившиеся хаты.
Увидел он усердный труд,
Плоды искусства и познания,
И нечестивый гнусный суд,
И нестерпимые страдания.
Услышал он парадов звон
Под сенью роскоши и славы,
И безутешный, горький стон
От злополучья и расправы.
Он разглядел безумство снов
Рабов утех, услад и злата,
И беззастенчивость чинов,
И грязь бесстыдного разврата.
Узнал он подлость и обман
Всех лицемеров хладнокровных,
И низменных страстей дурман,
И табель тайных дел греховных.
Узрел он ложь среди людей,
Их злые козни и наветы,
И даже в верности друзей
Нашёл коварные приметы.
И содрогнулся он! Пред ним
Горел восток денницей алой,
В голубизне, почти незрим,
Печально таял месяц старый.
Беспечно плыли облака
На встречу с новою зарёю,
Гонимые издалека
Зефира лёгкою игрою.

Под ним рождался новый день,
Весь мир земной преображая,
С лесов и нив сползала тень,
Наряд узорный обнажая.
Играя нежною волной,
Река змеилась сквозь долины,
Сверкали пышной сединой
Гор недоступные вершины.
В полях тумана пелена
Стелилась бледной дымкой млечной,
Мир пробуждался ото сна,
Такой загадочный и вечный.
И он спустился! Так на зов,
На Голос неприкосновенный,
Покинув свой пустынный кров,
Сходил пророк в сей мир растленный.
Вот так Поэт из выси грёз,
Себя дум сладостных лишая,
Нисходит в бездну мук и слёз,
Любовь и правду возглашая.
Так ставит рок свою печать:
Сжать сердце мёртвою петлёю,
Чтобы безжалостно распять
Себя меж Небом и землёю...
Недосказал. Недотворил.
Недошутил. Недосмеялся.
Недодружил. Недолюбил,
И блеска славы не дождался...

МОЁ ПОКОЛЕНИЕ

Уходит поколение моё,
В небытие уходит, исчезает,
И за собой пустынное жнивье
С одной стернёю оставляет.

Ещё как будто лишь вчера
Мы высь окидывали взором,
И не хватало лишь крыла,
Чтоб воспарить над всем простором.

А ныне - лишь глухая даль,
Одни лишь призраки без счёта,
И - неотвязная печаль
От не свершённого полёта...

Нам, не познавшим боль войны,
Внушали под венцом победы,
Что дети лучше жить должны,
Чем их родители и деды.

И мы внимали. Усыпив
Себя дурманным эликсиром,
Шагнули с детства прямо в миф,
Который стал для нас и миром.

И так душой привыкли спать,
Что, заступив в иные годы,
Уж не хотели отдавать
Своей обманчивой свободы.

Казалось нам: придёт пора,
И будет создан всем на счастье
Негленный двигатель добра,
Причём без нашего участия.

И принимали эту ложь,
И поклонялись ей постыло,
И хоть не верили, а всё ж
Хотели, чтобы так и было.

Боясь переступить за круг,
Мы заглушали стыд признаний,
Ища виновников вокруг
Для наших самооправданий.

Привычками сменив мечты,
Оберегать покой мы стали,
А наши души мхом тщеты
Меж тем незримо зарастали.

Придав расчётливым умом
Себе пристойную личину,
Мы, замороженные сном,
Сползали в мрачную пучину.

И вовлеклись в круговорот
Бесплодных действий и желаний,
И понеслись из года в год
В потоке несуществований...

Мы мало думали. В благих
Хотелось нам мирах ютиться,
Где всё решат за нас самих,
Где всё само собой решится.

Мы плохо делали. Не раз,
Сдружившись с низостью и лестью,
Мы торговали без прикрас
Своим достоинством и честью.

Мы подло верили. Верней,
Мы изменили светлой вере,
Что нас из сонмища теней
Зовёт взрасти к высокой мере.

Мы получили всё сполна.
У снов иного нет исхода.
И там, где грех есть и вина,
Напрасно годного ждать плода.

Мы жизнь сожгли в пустой борьбе,
Став поколеньем бесхребетным,
И в исторической судьбе
Пятном отметились бесцветным.

И как бы ни скулил иной,
Что жили мы не худо-бедно,
Мы все прошли... Но стороной.
Как в пустоте. Как тень. Бесследно.

* * *

Мне не нужно ковра-самолёта,
Чтоб унёс на край света меня,
Мне довольно на зóре намёга
Под собой вороного коня.

Мне не нужно сапог-скороходов,
Чтобы вёрсты смирать на пути,
Мне довольно весной среди восходов,
Не спеша, краем поля пройти.

Мне не нужно парчи-самобранки,
Её лакомств и всяких сластей,
Мне довольно под пенью овсянки
У костра посидеть среди друзей,

Мне не нужно в сетях чуда-рыбки,
Чтоб утешиться блажью любой,
Мне довольно любимой улыбки,
Коль тепло в шалаше ей со мной.

Мне не нужно волшебной свирели
Для блаженного сладкого сна,
Мне довольно и звона капли,
Чтоб в душе пробудилась весна.

Мне не нужно цветка-семицвета,
Чтоб соблазнам своим угождать,
Мне довольно и солнца привета
Для отрады любить и дышать.

Мне не нужно ни птицы-синицы,
Ни лихого конька-горбунка,
Ни живой, и ни мёртвой водицы,
Ни ключа потайного замка.

Мне не нужно меча-кладенца
И с сокровищем царского блюда,
Мне не нужно победы венца,
Коль причастно к нему чудо-юдо.

Никаких мне не нужно чудес,
Я не рвусь в колдовское объятье,
Пусть резвится пронырливый бес -
У меня на него есть заклятье.

* * *

По дорогам счастье бродит,
За собою вдаль зовёт,
Игры с путниками водит -
То покличет, то замрёт.
Только не было покуда
Его зримого следа,
На дороге - ниоткуда,
На дороге - в никуда.

Есть преграды и помехи
На любой из всех дорог,
Есть и видимые вехи,
Чтоб сверяться каждый мог.
Но лишь там бывает худо
И случается беда,
Где дорога - ниоткуда,
Где дорога - в никуда.

У дороги всякой - тайна,
Назначение своё,
По призванию или случайно
Попадают на неё.
Если ж верят только в чудо,
Ждут, когда взойдёт звезда,
Та дорога - ниоткуда,
Та дорога - в никуда.

По дорогам счастье бродит,
Носит радужный фиал,
Только тот его находит,
Кто себя не предавал.
А где властвует причуда,
Блажи вздорной череда,
Там дорога - ниоткуда,
Там дорога - в никуда.

* * *

Кто победит: те или эти?
Кто водрузит свой победный флаг?
Эти, которые властвуют в свете?
Те ли, которые - в зеркалах?

Эти держали тех долго в темнице,
Не выпускали из плотных кулис.
Вырвались всё же! Взлетели, как птицы,
И с высоты грозно ринулись вниз.

Сколько же можно томить себя в клетях,
Жить, не снимая позорных вериг,
Чтоб быть лишь тенью жалкими этих,
Вечно скрывая свой образ и лик?!

Хватит быть в отблесках, жить будто вчуже,
Должен быть выстрадан правый ответ.
Кто они - эти? Чем те их хуже?
В тех или этих истинный свет?

Обе дружины - в полном убранстве,
Ближе и ближе решительный срок.
Нету им места в общем пространстве,
Те или эти - пусть судит рок...

Кто ж протрубит о победном рассвете?
Чей разнесёт ветер дымчатый прах?
Кто всемогущим окажется: эти?
Иль всё же те, что живут в зеркалах?!

* * *

Рифмы порой - словно свора собачья:
Кусают, преследуют, лают, снуют,
Привяжутся так, что доводят до плача -
Ни остыть, ни забыться, ни спать не дают.

Голова как гудящая звонница,
В ней сумятица броунова и одна кутерьма,
Так и ждёшь, что там что-то вдруг стронется,
Может - так вот и сходят с ума...

А когда всё проходит, и будничной мерою
Начинаешь, как прежде, свои дни отмерять,
Ходишь будто потерянный, лишь томишь себя
верую,
Чтобы всё повторилось поскорее опять.

ТАЙНА

Я когда-нибудь, знаю: только выдастся срок,
Заберу, что имею, и шагну за порог.
Сяду в поезд случайный, что стоит на пути,
И уеду в край дальний, где меня не найти.
На глухом полустанке, непривычно-пустом,
Выйду я из вагона со своим багажом.
Осмотрюсь сторонами: тут - бурьян, там - стада,
И пойду по дороге, сам не зная куда.
Буду долго идти я, не считая часов:
По крутым косогорам, среди полей и лесов,
Меж лугов разноцветных, вдоль застойных болот,
И внизу под обрывом я найду черный грот.
Там, над гротом, увижу сонный брошенный сад
И в нём тайно зарю драгоценный свой клад.

Будет солнце, сияя, меня нежно ласкать,
Будут вольные птицы надо мною летать,
И никто не увидит, не узнает потом,
Кто же тайну упрятал в том саду под кустом...
Отойдёт в тень былое, промелькнёт много лет,
Будут новые люди населять белый свет,
И однажды под осень, в вихревой листопад,
Раскорчуют и срежут тот заброшенный сад.
Разворошат, изроют, всё снесут напролом,
И на клад натолкнутся под засохшим кустом.
Удивятся, заспорят, охладят первый пыл,
Скажут: надо же, кто-то клад тайком здесь зарыл,
Скажут: быть же такому - кто-то издавна жил
И, скрывая, на сердце свою тайну носил,
Охранял её свято каждый день, каждый час
От всесущего уха, от завистливых глаз,
От любимого друга, от злодея-врага,
Не обмолвившись словом никому никогда.
И подумают люди: есть всему свой отсчёт,
Может, каждый из нас тоже с тайной живёт?
Может, каждый, не зная, тоже носит в себе
То, чего нет важнее в его доле-судьбе?
Может, каждое сердце носит тайный обет,
Чтоб оттуда лучился его собственный свет?
Может быть, и страдает каждый лишь от того,
Что нет полного мира без него самого?
Может быть, каждый призван, чтоб себя обрести,
Не страшась горной кручи над собой возрасти?
Может, тем лишь и будет озарён его лик,
Если видит сквозь тени он живой свой родник,
Если носит в себе он сокровенный закон,
Если жизнь вся не долгий и обманчивый сон?
Нету звёзд путеводных, нет заветных ключей,
Нету зелий чудесных для незрячих очей,

Нет предзаданных истин, нету правил простых,
Нет готовых ответов для сомнений своих,
Нет надёжной опоры, нет гарантий вовек,
Чтобы тот, кто родился, прожил как человек...
И умолкнут тут люди, взор вокруг устрелят,
И другими глазами на других поглядят.
По-другому увидят свод небес голубой,
По-другому услышат пенье птиц над собой,
Повернутся друг к другу, всё вокруг возлюбя,
И как будто откроют новый мир для себя.
И в согласье едином, не сказав лишних слов,
Норовя не оставить ни примет, ни следов,
Оглядев тот пустырь, где когда-то был сад,
Снова в землю заруют тот таинственный клад.
Чтобы было кому-то не заманчиво впредь
На чужие святыни с праздной спесью глазеть,
Чтобы каждый был чуток к чьей-то тайне живой,
Чтоб других не судил бы скороспелой молвой,
Чтоб не вяли сады без крылатых надежд,
Чтобы все не носили одноцветных одежд,
Чтобы всё не померкло в душевной мертвенной мгле,
Потому что без тайны жизни нет на земле...

ПЕСНЯ

По-над степью глухой дым лохматый жмётся,
Застилает туман дремлющую гладь,
Меж костров стон да храп всюду раздаётся,
После лютой борьбы почивает рать.

За холмами вдали замерли дозоры,
Бродят кони вокруг, щиплют мураву,
Лишь ковыль шевелит сонные просторы,
Да ручей чуть звенит во глубоком рву.

Не тревожит никто тёмной мёртвой ночи,
Спит в холодной земле витязь удалой,
Молодая жена иссушила очи,
Став, не зная ещё, раннею вдовой.

За змеистой рекой ворогу неймётся,
Насылает во тьме нечисть всю и гнусь,
Скоро, видно, опять ала кровь прольётся,
А покуда, сомлев, спит святая Русь.

9 МАЯ 1945

Мне тогда было только четыре,
Но я помню тот жгучий миг,
Когда в нашей большой коммунальной квартире
О Победе разнёсся крик.

Наша кухня, которая все эти годы
Была капищем общим для молитв и вестей,
Превратилась вдруг в площадь любви и свободы,
Стала домом открытым для случайных гостей.

Всё смешалось в пылу долгожданной победы:
Смех и слёзы, рыдания и вопли «ура»,
Инвалиды и вдовы, малолетки и деды,
Две соседки в обнимку, ещё в ссоре вчера.

Будто тяжкая кладь с душ придавленных спала,
Когда веришь в спасенье и томительно ждёшь,
И, от страха визжа, малышня подлетала
С одних рук на другие под всеобщий галдёж.

Мы носились, резвясь, вдоль всего коридора,
Под ногами звенел и скрипел стёртый пол,
А на кухне уж крылся для общего сбора
Невыскательный, в складчину, праздничный стол.

И был дружеский круг. Может, первый раз в жизни,
Подчинившись порыву, претерпев столько бед,
Они вместе сошлись на пиру и на тризне,
Этих схожих застолий всех кровавых побед.

Говорили не громко, и всё больше в печали,
В каждой радости тихой скрыты боли черты,
И на лицах усталых плотно тени лежали
От тяжёлой невзгоды, от глухой маяты.

Вспоминали о тех, кто уже не вернётся,
Кто обрёл свой покой в чужедальних краях,
И о тех, с кем, дай Бог, может, выпить придётся,
И о тех, кто пропал ещё в первых боях.

А потом, захмелев, обнимались по-братски,
Тихо пели, дуря от желанной весны,
И лежал на окне треугольник солдатский,
Словно памятный оттиск отгремевшей войны...

Мне четвёртый шёл год, и за детской игрою
Я был мало отличен от других сорванцов,
Я не мог осознать той весенней порою
Все страдания наших матерей и отцов.

Но мне грезятся те утомлённые лица,
И наш дом коммунальный, и открытая дверь,
Я не мог им тогда за их боль поклониться,
Я им всем поклоняюсь теперь...

ТОЛПА

Толпа - многоногое чудо-страшилище,
Шипит, изрыгает палящий огонь,
Могучая, грозная, тёмная силища,
Попробуй такую уйми или тронь!

Нависает как туча, растекается лавою,
Бурлит словно пенный свирепый поток,
Наползает гидрой тысячеглавою,
Носит чумой всех сплетённых в клубок.

Жаждет простора, ристалищ, арены,
Всасывает праздных окрест рекой,
Изливает анафемы на чьи-то измены,
Требует жертвы, не зная какой.

К плахе взывает. Рычит, колобродит,
Демоны рвутся из хрупких цепей...
Кто-то, незримый, постромками водит,
Где-то шутов обряжают в вождей...

* * *

Возбудились порывом,
Воскипели умом:
Над высоким обрывом
Возвести новый дом.

Будет дивной громадой
Он над кручей стоять,
Будут звёзды лампадой
Там на башнях мерцать.

Вдоль него - колоннады,
Вкруг него - фонари,
И лицом на фасады
Анфилады внутри.

Всё - в узорах лепнины,
Всё - в созвучьи цветов,
А вверху - мезонины
И террасы садов.

Чтоб с обрыва безбрежный
Открывался простор,
Чтобы вид безмятежный
Восхищал всякий взор.

Только вот наказание,
Что при этом при всём
Заложить основание
Позабыли под дом.

И, сплотясь в дружном хоре,
С птицей бойкой в виске,
Стали строить в задоре
На зыбучем песке.

Чтоб от бури порыва,
В первый яростный гром,
Сполз иль рухнул с обрыва
Тот диковинный дом.

* * *

Жизнь наносит удары
Всё больней и больней,
Шлёт уже свои кары
За неверность друзей.

Будто сердце неволит
Пить всю чашу до дна,
Чтоб понять, что в той боли
И моя есть вина.

В том вина, что когда-то
Принял чуждых в родство,
Что считал за собрата
Неизвестно кого.

Что беспечно годами
Пропускал мимо глаз,
Как дела со словами
Расходились подчас.

В том вина, что упорно
Не хотел замечать,
Как цветна и узорна
У коварства печать.

Что так долго вслепую
Верил в чей-то удел,
А вот душу пустую
Разглядеть не сумел...

Что ж: цена по товару,
И товар по цене,

Кто стяжал в дружбе кару -
Отвечает вдвойне.

Где, угрозы не чая,
Всё спускают, любя,
Там, других приручая,
Приручают себя.

За уловки собрата,
За любой его блуд,
Ждёт когда-то расплата,
Ждет придирчивый суд.

Не спасёт ни наивность,
Ни раскаянья бред,
Ведь чужая провинность
Выдаёт и твой след.

Каждый с кем-то повязан
Той иль этой виной,
Каждый чем-то обязан
Перед жизнью иной.

И как не было б больно
От измен иногда,
Ты и сам, хоть невольно,
К ним причастен всегда.

ВОЗДУШНЫЙ ЗАМОК

Придёт ли время золотое,
Наступит ли тот светлый год,
Когда в согласие и покое
Жить будет весь наш смутный род?

Где вместо боевых ристалищ
Звучать оркестров будет медь,
Где вместо пламени пожарищ
Лишь солнца будет луч гореть.

Где вместо пошлости вульгарной
Живой глагол начнёт звучать,
Где заурядность и бездарность
Не будут лавры пожинать.

Где трусость трон отдаст отваге,
Где лень отступит пред трудом,
Где на дуэли вместо шпаги
Сражаться будут лишь умом.

Где будут все обетам верны,
Где будет милость вместо плах,
Где вместо ругани и скверны
Улыбки будут на устах.

Где будут лишь творений муки,
Музейным дивом станет меч,
А неутешный плач разлуки
Заменят слезы нежных встреч.

Где будут властвовать Поэты,
Взамен придворных и дельцов,
Где будут в почести заветы
Всех благодетельных мудрецов.

Где всяк в уборе будет белом,
Где воцарится праздник Муз,
Где меж душой и бранным телом
Наступит братственный союз...

Удастся ли какому взору
Увидеть будущее то?
Кто доживёт по эту пору?
И доживёт вообще ли кто?

ЛЕСНАЯ БЫЛЬ

Однажды в ясный летний зной,
В густом лесу под рыжею сосной,
В тот час, когда природа вся благоухала
И силой жизненной играла,
Произошёл невероятный случай.
На старой муравьиной куче
Возник вдруг форменный скандал:
Какой-то муравей собратьев всех созвал
И, взгромоздясь на листик чальный,
К ним обратился с речью величавой:
«Сородичи! - воскликнул он. - Друзья!
Мы все, как водится, одна семья,
Единый род из поколения в поколение.
Живём, верша своё предназначенье,
Свой исполняя долг, призвание своё,
Не помышляя на иное бытие,
Не сетуя на происки погоды,
Себя отдав на милости природы.
Живём всегда в труде, в борьбе,
По доброй воле повязав себя цепями,
И благодарны небу и судьбе,
Что родились мы в этой жизни муравьями.
Но посмотрите, как мы все живём!
Каков наш дом, где век свой коротаем!
Каков наш кров, где вместе обитаем
И ночью тихой и шумливым днём!

Живём как будто в темени дремучей,
В какой-то неказистой куче.
Вокруг всё заросло: кусты, трава,
Везде навалена листва,
Везде то шишки, то иголки,
То ветки, то камней осколки.
И здесь, и там - труха, помёт,
Весной - вода, зимою - лёд.
Где - гниль, где - плесень. Даже прах.
Зараза так и липнет на усах.
Шаг ни ступи - на что-нибудь наткнёшься,
Порой и до гнезда не доберёшься.
А как проточены у нас ходы!
Всё вкривь и вкось. Без плана, без проекта,
Без всякого ума и интеллекта,
А каковы ж от этого плоды?
Где целые туннели под размер слизня,
А где вообще пролезть нельзя.
А это ж всё наш дом, покой наш, дети,
Которые милей всего на свете.
Доколе ж жить среди всякой гнили?
Неужто мы себе не заслужили
Другого жребия? Неужто так и впредь
Терпеть нам суждено убогость и невзгоды,
И жить лишь для того, чтоб умереть,
Не ведая ни счастья, ни свободы?
Ведь есть другая жизнь, что и не снится нам.
Взглянуть хотя б по сторонам,
На наших же сородичей в стволах и пнях.
А что мы ведаем об этих муравьях?
Конечно, там свои обычаи и нравы,
Другие вкусы, правила, уставы.
Зато порядок там! Живут как короли:
Ведь как-никак - они повыше от земли.

Иль взять других собратьев. Тех, что рядом,
Кто в ближней роще заселил всё кряду,
Тех, кто нашёл приют внутри стеблей:
И там у них всё чище и светлей.
Вот я и говорю: а мы-то что ж?
Или наш род совсем негож?
Иль так и будем прозябать все лета
Без роздыха и без просвета,
И тяготиться толчеёю бестолковой?
Пришла пора для мысли новой!
А, стало быть, по-новому и жить:
И думать, и трудиться, и творить.
Взглянуть на нашу жизнь под небесами,
Как говорится, новыми глазами.
Ну и, конечно, дом благоустроить:
Кой-что перекроить, подчистить, перестроить.
Дать всем права. И всякую свободу.
Законы подновить - на пользу роду.
Устроить выборы: и гласно, и открыто
(Что, кстати, уж давно у нас забыто),
Чтоб знали все мы без обиняков
Всех наших лучших земляков.
К соседним муравьям посланцев отрядить,
Чтоб связи с братьями другими возродить.
И главное - ещё раз подчеркну по ходу -
Дать новой мысли полную свободу».
Тут муравей замолк. Повёл вокруг глазами,
Пошевелил слегка усами,
Свой листик оглядел для пущего удобства
И замер с гордым чувством превосходства.
И что тут началось?! Незрелое перо
Дерзать не смеет описать, что там случилось,
Как будто раскалённое ядро
На муравейник вдруг свалилось.

Как от огня, пришел в движенье рой,
И куча старая под рыжею сосной
Зашевелилась, закипела, забурлила,
Заверещала, завопила,
Возник ужасный гам и шум:
Кто норовил явить свой ум,
Кто - свои знания, кто - чувства,
Кто голосил про роль искусства,
Любой стремился что-то доказать,
Чтоб никому не уступить и не отстать.
Все говорили разом, дружно, хором,
И дикий гвалт стоял над бором,
И было ясно муравьям из всех колен,
Что жаждут все они скорейших перемен.
И лишь один почтенный обитатель кучи,
Кто был далёк от всей возни кипучей,
Взошед на тот же листик чалый,
Где восседал оратор величавый,
И, улучив минуту некоего затишья,
Сказал: «Я, думаю, нелишне
Напомнить всем о том,
Что худо-бедно, но у нас есть дом.
И, чтоб в нём не было раздора и печали,
Беречь его должны, как деда завещали.
Беречь от всех врагов, от холода и зноя,
От посягательств чуждого нам роя,
От пламени беречь, от наводнения,
А также от любого неразумного сужденья.
Я хоть и стар, а всё ж хотелось бы спросить:
Что значит - мыслью новой жить?
Я слышал аж с времён древнейших
От самых мудрых из мудрейших
(Ещё когда мы жили в рощице кленовой),
Что не бывает мысли - старой, новой,

Она иль есть, иль нет её.
И никакие новые воззренья
Не опровергнут утверждение сиё
До самого до светопреставленья.
И тот, кто вам сулит красивый рай небесный,
Не знает этой истины известной.
И уповая лишь на свой порыв и Бога,
Не ведает, куда ведёт дорога.
А потому, чтоб вас вниманьем не томить,
Скажу одно: мозгами надо шевелить.
Хотя бы муравьиными. Иначе
Вам не дожидаться ни согласия, ни удачи».
И муравей, окинув взором кучу,
Потом взглянув на набегающую тучу,
С листочка чалого сошёл не без труда
И муравейник свой покинул. Навсегда.
И сделал правильно. Поскольку вскоре,
Всем легковёрным муравьям на горе,
На муравейник опустилась злая тьма,
И началась такая кутерьма,
Что всё пересказать не только нету сил,
Но и не хватит ни бумаги, ни чернил,
На что подробнейший ответ
Дать сможет лишь выносливый поэт.
А вот итог всей катавасии таков:
Ни гнёзд не стало, ни ходов,
Ни коконов, ни паутинки,
Ни листьев, ни сухой травинки,
Ни шишки ни одной сосновой,
Да и самой и мысли новой.
Всё смыло будто варварским теченьем,
Как баснословным дуновеньем.
От кучи не остался даже след:
Был муравейник, да и нет.

ВРАЗБРОС

О, мой неведомый читатель!
Поэт лишь тем и может труд свой оправдать,
Чтоб то, что нашептал ему Создатель
Суметь другим без искажений передать!

* * *

Змею погибель ждёт в страданиях глухих,
Коль кожный свой покров не поменяет.
Так дух, застывший в убеждениях своих,
Изнемогает без борьбы и угасает.

* * *

Кто мнит, что он владеет истиной как Бог,
Тот гордый нрав её ничуть не знает.
Ведь истина - из той породы женщин-
недотрог,
Кто к обладанию собой не допускает.

* * *

Зло подлежит лишь одному ответу:
За око - око, зуб - за зуб.
Закон предельно прост и скуп,
Но справедливей и разумней его нету.

* * *

Кто опалён огнём духовной жажды,
Кому познания стрелой пронзило грудь,
Тот обречён, хотя б однажды,
В лик смерти, не робея, заглянуть.

* * *

Поэт не учит, не корит,
Не обвиняет, не пугает,
Он только жаждущих поит
И души спящих пробуждает.

* * *

Средь множества людей,
Кого на жизнь благословил Создатель,
Страшнее всех безжалостный злодей,
Но страшен и спесивый обыватель.

* * *

Свеча от верхнего конца горит
До основания, покуда не истает.
Вот так и дух: себя сначала воспалит,
Потом и тело поджигает.

* * *

Злом отвечать на зло -
 рождать, по сути, зло иное.
Премного страшных бед
 на этой формуле воинственной взросло.
Но и потворствовать ему -
 не создавать ли вдвое
Иль втрое большее
 в своей разнузданности зло?!

* * *

Бог всемогущ. Нет ничего,
Над чем не властен Он от колыбели века.
За исключением, пожалуй, одного:
Спасти от безрассудства человека.

* * *

Коль принял мир - прими и зло его.
Зло - смерть, конец всему живому неотменный.
Но смерть есть зло лишь только для того,
Кто жизнь свою не посчитал за дар бесценный.

* * *

Мыслитель - как охотник неустанный:
Преследует, блуждает, верит, ждёт,
И, овладев добычею желанной,
Вновь устремляется на поиски вперёд.

* * *

Как ни считать, что есть религия: спасенье,
Верование, надежда иль обман,
Одно смущает недоразуменье -
Есть христианство, только нету христиан.

* * *

Кто хочет свой расширить кругозор
И оглядеть безбрежные равнины,
Что скрыты за хребтами гор, -
Подняться должен на вершины.

* * *

Наука изучает мир и познаёт,
На все вопросы и загадки отвечает.
А философия - та только вопрошает,
Но никаких ответов не даёт.

* * *

Где - власть, там завсегда одно и тож:
Обман, лукавство, подлость, ложь,
Предательство, противоборство,
Интриги, ловкость и притворство.

* * *

Если сvezти на пустынный остров
Всех доброхотов и добродеев,
Там появится стадо монстров
И самых суших злодеев.

* * *

В России действует всегда один устав,
Не различая ни эпох, ни обстоятельств:
Внизу - обязанности безо всяких прав,
Вверху - права без всяких обязательств.

* * *

Политики иные - как упрямые ослы:
Навьючат на себя тяжёлые узлы,
И чуть стоят, надсаживая жилы,
А ни тащить, ни сбросить нету силы.

Придти в движение... Тогда,
Коль в сердце пламень возгорится,
Быть может, что-нибудь родится
Из мук душевного труда.

* * *

Всё есть в мгновении одном,
Оно лишь миг и длится,
И то, что есть сейчас, потом
Не сможет повториться.

* * *

Нет истины начальной и конечной,
Она - в единой сущности Творца.
И нет начала и конца в стихии вечной,
Как нет у совести начала и конца.

СОН НА СКАМЕЙКЕ

(Сказка)

Хоть сказка - ложь, в ней есть намёк...
Однажды в солнечный денёк,
На тихой даче, в час досуга,
В тени развесистого дуба
Сидела на скамье, вздыхая,
Одна девица молодая.
Лениво кудри теребила,
Туда-сюда главой крутила,

В носочке ножкою махала
И часто глазками моргала.
Короче, если глянуть сбоку,
Сидела просто так. Без проку.
Но прок там был. И глаз бывалый
Сказал бы даже, что не малый.
Поскольку дева не скучала,
А упоительно мечтала.

И чудился ей всадник бравый
В туманной золотистой мгле,
Под ним гарцует конь удалый
И бьёт копытом по земле.
Его победный взор пылает,
Рукой он крепко меч сжимает,
И выются кудри на ветру,
И тихо в поле поутру.
И чудились ещё свиданья,
Потом - горячая любовь,
Измена, страсти, обещанья,
И всё, что так волнует кровь.
Сидела дева так, мечтала,
В каких-то облаках витала,
И не заметила сама
Как погрузилась в сон она.

И вдруг: раздался шум могучий,
Весь двор накрылся грозной тучей,
По небу молнии сверкнули,
Ветра свирепые задули,
Земля со стоном задрожала,
Сосна со скрежетом упала,
Дом завертелся колесом,
Как будто стал он невесом,
Всё закачалось, всё забилося,

Всё завихрилось, закружилось...
И также вдруг остановилось.
Глядь, а пред девой молодой -
Старуха с толстою клюкой.

На вид - лет сто. А может - боле.
Седая вся. Белее соли.
Нос как крючок. В морщинах руки.
Видать, не маялись от скуки.
Щетинкой брови. Аж дугой.
Усы над верхней над губой.
Сидит, губами шевелит,
И зуб один, как пень, торчит.
Но что всего пугало боле,
Так то глаза. В них, как уголья,
Огонь светился. Он порой
То вспыхивал, то гас волной,
И пламя гневно бушевало,
И жар волшебный излучало.
Старуха тихо посидела,
Повоздыхала, побряхтела,
Клюкою спину поскребла,
Мохнатой бровью повела,
Огонь в глазах слегка задула,
Потом, поморщившись, зевнула
И молвила: «Тебе, девица,
Как я гляжу - не шибко спится.
Уж кои разы, примечаю,
Тебя на лавке я встречаю.
Всё, милка, маешься, страдаешь,
И всё мечтаешь да мечтаешь.
Какая ж мучает кручина?
Аль есть особая причина?
Аль горе в чём? Али беда?

Тебе я не хочу вреда.
Я ведь, милаха, слава богу
На свете прожила немного
И повидала белый свет:
Чего на нём уж только нет!
Есть и такое, и сякое,
И, бог весть, всякое какое.
Всё не упомнишь и не скажешь,
Да и на пальцах не покажешь.
Меня ты, милка, не пужайся,
А лучше, не таясь, признайся:
Что сердце мучает и жжёт
И что покоя не даёт?
А я попробую помочь,
Чтоб спать тебе спокойно ночь.
Пойду, стал быть, тебе навстречу
И на больной вопрос отвечу.
Но на один. На самый важный.
На тот, чем мучается каждый.
На тот, что больше всех тревожит,
И душу неустанно гложет.
Давай-ка, милка, выбирай,
И всё, что хочешь, задавай.
Я на вопрос отвечу твоей.
Но на один. Зато - любой».
Тут бабка сразу замолчала,
Глаза закрыла. Знать, устала.
Куда-то носом поводила,
Губами чуть пошевелила,
Клюкой в затылке почесала,
Да и затихла. Задремала.

А дева, после как недуга,
Меж тем, очнулась от испуга.

Порозовела, отошла,
В себя, как водится, пришла.
Глядит на гостью. Всё ей странно,
И любопытно, и обманно.
И жутко тоже. И тревожно.
Во всё поверить невозможно.
И хочется вопрос задать,
Да только вот с чего начать?
Вопросов много. Всё так мучит,
Так непонятны и дремучи
Все чувства девы молодой.
Так хочется узнать порой
О всём на свете. Есть ли тайны?
И что такое «сладкий грех»?
И неизбежны иль случайны
Судьбы удары и успех?
А что такое - провиденье?
А что за «божья благодать»?
И есть ли «чудное мгновенье»
И как его предугадать?
А как понять страданий муки,
Когда как огонь сердца горят?
И почему же без разлуки
Не обойтись, как говорят?
А про любовь? Чего же боле?
Или про верность навсегда?
И почему же поневоле
Она уходит иногда?
Всё так неясно и туманно,
Всё будит чувства беспрестанно...
Какой же всё ж вопрос задать?
Как самый главный угадать?

Ну, а старуха между тем
Уже очнулася совсем.

Глядит на деву, выжидает
И головою лишь кивает.
Что ж делать? Надо выбирать.
Вопрос свой надо задавать.
«Скажи мне, бабушка родная, -
Решилась дева молодая. -
Что значит: счастье обрести?
Куда его искать идти?
Пошла б за ним я на край света.
Поведай мне дорогу эту.
Пусть путь ни близок, ни далёк,
Ты укажи мне огонёк.
Пускай мерцает он в пути
И помогает мне дойти.
А коль ты знаешь наперёд
Куда дорожка приведёт,
То дай мне, бабушка, ответ:
Мне счастье будет или нет?»
Тут дева речь остановила
И враз дыханье затаила.
Старуха тихо шевельнулась,
Затем немного потянулась,
Куда-то взглядом повела,
Клюкой по травке провела,
На деву глянула. Зевнула,
С губы усатой муху сдула
И молвила: «Уже немало
Годков мне, милка, настучало.
А как ни глянь, ни плюнь куды,
Одни и те же всё мечты:
Все головой вокруг вертят
И огонёк найти хотят.
Так дни проходят и года,
Его ан нету и следа.

И хоть глазастый ты, аль слеп,
На всё про всё - один ответ.
Вот и смекни теперь: доколе
Ловить жар-птицу в чистом поле?
Чего главой-то неумело
Туды-сюды крутить без дела?
Быть может, все эти года
Глядеть-то надо не туда?
Ведь огонёк-то с нами слит:
Внутри тебя, милок, горит.
Его лишь надобно разжечь
И постараться уберечь.
А с ним - поверь на слово мне -
Не заплутаешь и во тьме.
Тогда, куды ни забредёшь,
Везде дорогу ты найдёшь.
Вот и гадай теперь ответ:
Найдёшь ты счастье али нет?»

Старуха тут вдруг оживилась,
Задёргалась, засуетилась,
Потом на миг один застыла,
Глаза безумные раскрыла,
Из них вдруг молния сверкнула,
У девы сильно грудь кольнуло,
Она зажмурилась, забилась,
Потом куда-то провалилась,
Настала вечность, тишина...
А как опомнилась она
Старухи уж пропал и след,
Была как будто, да и нет.

Младая дева потянулась,
Глаза раскрыла, оглянулась.

Была то явь? Или во сне
Всё приключилось на скамье?
Вокруг всё так же. Как и было.
И лишь в груди как будто ныло
И чем-то жгло. Среди ветвей
Пел голосистый соловей.
В зените солнце бушевало,
И всё вокруг благоухало.
Девуца, утомясь без дела,
Ещё немного посидела,
Потом цветочек сорвала
И в дом задумчиво пошла.

Ну, вот и всё. Что ж тут добавить,
Коль не учить и не лукавить?
Прекрасна жизнь. И наши сны
На что-то тоже нам даны.
А коль ещё и сновиденья,
Неужто могут быть сомненья?
Не важно, где они: хоть в зале,
Хоть на пахучем сеновале,
В траве кудрявой под плетнём
Иль на скамейке летним днём!

НЕОКОНЧЕННАЯ СТРОКА...

Издается впервые

2006 год

СТРАННЫЕ ЛЮДИ

*Я странен, а не странен кто ж?
Тот, кто на всех глупцов похож...*

А.С. Грибоедов

Жизнь скудеет иль случай причина?
Но в гряде отлетающих дней,
Как-то мало, и в том вся кручина,
Попадаетя странных людей.

Как-то редко совсем в наше время,
Где в почете к успеху лишь прыть,
Обнажает себя это племя,
Что решается странным прослыть.

Стало словом почти даже бранным,
Коль услышишь порой, как вослед
Назовут вдруг кого-нибудь странным
И гримасой дополняют портрет.

По заслугам ли эта немилость,
Иль все дело здесь в том, что, увы,
Не вмещается их особливость
В круг привычной расхожей молвы?

Странность - это как в пустоши дикой
Изумрудный загадочный знак.
Странность - будто в траве безликой
Несравненный и личный знак.

Не представить, какая б утрата
Мир ждала наш, а с ней и беда,
Если б вдруг он лишился когда-то
Этих странных людей навсегда.

Непохожая в рое порода!
Видно, свыше дан тайный обет,
Чтоб порой посылала природа
Тех, кто дарит надежду и свет.

* * *

Удачу отдай собрату,
Ум свой отдай мудрецу,
Зависть - врагу-супостату,
Тщеславие - гордецу.

Сердце отдай любимой,
Страсти отдай игроку,
Силу - земле родимой,
Кровь - удальцу-смельчаку.

Душу отдай Богу,
Злато для храма отдай,
Страннику дай в дорогу
Хлеба большой каравай.

Веру страдальцу забитому
Отдай, ни о чем не скорбя,
Надежду дай горем убитому,
А честь сохрани для себя.

* * *

Мне не взрасти до мудрости ученой
Ни по упорству своему, ни по уму
И громкой веской истины, в резоны облаченной,
Я никогда, должно быть, не приму.

Мне только то доступно, без сомненья,
Что озаряет очевидностью мой путь,
Когда волною мимолежного прозренья
Переполняется восторженная грудь.

Что можно уподобить воле тайной,
Неведомым стихиям бытия,
Которые игрой своей случайной
Священный пламень высекают из себя?!

И в этом пламени неотвратимой доли,
Загадочный обряд торжественно верша,
Свободная от пут земной неволи,
Рождаясь, выплавляется душа.

* * *

Нас Бог сподобил ахиллесовой пятой:
Превознося себя в тщеславном умиленьи
И по одной лишь скромности святой
Молчим кокетливо о собственном значеньи.

И пребывая в горделивом забытьи беспечных снов,
Не замечаем меж собой смешного сходства:
Что наши мысли часто вовсе не свои,
Что пустоту не скрыть под маской благородства.

Разгоряченные житейскою борьбой,
Мы мним, зажатые в тиски земного круга,
Что на пути, нам предназначенном судьбой,
Достигнут и успех, и почесть, и заслуга.

Но там, где блага все сумели обрести,
Величию души найдется трон едва ли,
Ведь только Бог всегда в конце пути,
А мы всегда еще в его начале.

* * *

Нет воздуха! Один лишь смрад вокруг:
Разносится удушливый зловонный дух
От всякой гнили, плесени и хлама,
От суррогатов, от невежества и срама.

От пошлого веселья,
От рокового одуряющего зелья.
И там, и тут - то свалки, то руины,
Помойки, пустоши, болотные трясины.

Следы забвения, приметы запустенья
Нет освежающего ветра дуновенья.

Где теплится еще чуть трепетный огонь,
Вьет гнезда нечисть, испуская газ и вонь.
Мы задыхаемся, томимся, изнываем
И от душевного удушья умираем.

* * *

*«Что такое любовь? Что такое
творчество? Что такое тоска?
Что такое звезда?» - так
спрашивает последний человек.*

Ф. Ницше

Кто они - эти последние люди:
Злодеи, лентяи, убийцы, ханжи?
То ли погрязли в бесчинстве и блуде,
То ль закоснели во лжи?

Как обличить их? По виду, по речи,
Иль по манерам каким?
Или особой приметой отмечен
Лик их в угоду другим?

Уж не наивной ли будет догадкой
Понять, что увидишь порой
Или уroda со скотской повадкой,
Иль дикаря пред собой.

Голос другой - повелительный, вящий,
Шлет мне правдивый ответ:
Если последний, то значит - пропащий,
Как бы его и нет.

Нет их! Ни в цели своей, ни в причуде,
В жажде ли светлых идей,
Ну, а коль встретишь их - это не люди,
Одни только тени людей.

Так и ползут по земле тени эти,
Иная - так лет до ста,
Вроде б и люди живут на свете.
Да только душа пуста.

* * *

Все гуще, мрачней и мятежней
Тень рокового заката,
Все властней и неизбежней
Сжимает кольцо расплата.

Молкнут искусные звоны,
Коптит обессиленный пламень,
Безумствуют всюду хироны,
Руша священный камень.

Уже зародились тайфуны,
Уже правосудный Зевес
Выводит зловещие руны:
МЕНЕ, ТЕКЕЛ, ПЕРЕС...

СОВЕСТЬ

Незримое зеркало всем открытого лица!
Наш неразменный капитал, единственное благо,
Ей наделен по тайной прихоти Творца
И самый знатный муж, и жалкий бедолага.

Бесценный дар! Всегда при нас - как кровь и плоть.
Высокой поступи фатальное начало.
Неодолима, неотлучна, неотступна. Вплоть
До самого конца, до смертного причала.

Она - наш космос, наш особый мир,
Наполненный величием и животворной силой.
Пока там боли нет, пока не осквернен эфир
Какой-нибудь заразною бациллой.

Наш щит и кров, твердыня и оплот,
Обязанность святая и дозволенное право,
Хотя порой слывет безумцем тот,
Кто с ней живет в ладу, не мудрствуя лукаво.

Что пересуды? - Едкий, смрадный дым.
Ужель бояться сонной мглы пристойно?
Не лучше ли, смирясь с безумием земным,
Свой разум неземной хранить достойно?!

* * *

Есть тайное брожение ума,
Где в хаосе разрозненных течений
Вдруг расступается мучительная мгла
Для мимолетных озарений.

Когда из непроглядной глубины
В созвучности душевному настрою,
Всплывают на просвет видения и сны,
Искрящиеся страстною игрою.

Тогда темницы гнет преодолев,
Разносится над чуткой тишиною
Певучий, удивительный напев
Отрадной девственной волною.

Тогда, смилив волнение едва,
Вверяешься тем звукам без оглядки,
И, как к магниту, в строчку тянутся слова
И строятся в единственном порядке.

* * *

У души нету выше искусства,
Нет для жизни ценней ничего,
Быть открытой для светлого чувства
В полноте бытия своего.

Только чаще иное бывает:
Мы в беспечности глушим его,
Ну, а если огонь в нас пылает,
Он не греет вокруг никого.

То не собраны мы зачастую,
То закрыты глухою стеной,
То себя распыляем впустую,
В суете прокисая земной.

Иль желаньем горим, да некстати,
Иль не там мы, где быть суждено,
Иль счета предъявляем к оплате,
Когда милость стучится в окно.

Иль увлекшись никчемной борьбою,
Слепим взор, потеряв верный путь,
И лишь множим свой долг пред судьбою
Без надежды когда-то вернуть.

Будто с ней дерзновенно играем,
Вжившись в чуждую вздорную роль,
И не видим, как мы отвыкаем
Откликаться на радость и боль.

Откликаться на сердца движенья,
На таинственный блеск милых глаз,
На живые любые знаменья,
На любой пробуждающий глас.

И скудеют, молчат наши чувства,
Хоронясь средь фальшивых кулис,
Ибо жизнь наша все же искусство,
А не просто природы каприз.

* * *

С тех пор, как Бог Андрогина
Рассек на две равные части,
Ищут его половины
Свое нареченное счастье.

Бродит, томимая роком,
Кличет, внимает ответу,
Вдруг углядит ненароком
Родственную примету.

Верит, надеется свято,
Грезит о встрече случайной,
Трепетно ждет, что когда-то
Выпадет жребий ей тайный.

Чтобы живительным светом
Душу спасти от страданья,
Чтоб обрести в даре этом
Цельность существованья.

* * *

Листья в саду серебрятся
В матовом блеске луны.
Милая, пусть тебе снятся
Только спокойные сны.

В небе мерцают лампы,
В чаще кустов - светляки.
Веет дыханьем прохлады
С черной безмолвной реки.

Всюду безмолвные тени
Гладко скользят по земле,
Шепчутся листья сирени
В сизой таинственной мгле.

До́ма и ле́са границы
Смыты чернильною згой,
Крик потревоженной птицы
Вспыхнул на миг за рекой.

За городьбой затаился
Скромный горбатый стожок,
Сквозь тишину вдруг пробился
Поезда дальний гудок.

Травы рососою слезятся,
Что-то шуршит у сосны.
Милая, пусть тебе снятся
Только счастливые сны.

ИСТИНА

У истины нет основанья,
Не вскрыть ее двери ключом,
Она, как звезда в мирозданьи,
Покоится ни на чем.

У ней - ни примет, ни личины,
Ее мир - стихия Творца,
Она как добро - без причины,
Без всяких начал и конца.

Бесплодно с толкучего входа
Пытаться войти в ее храм:
К ней нет подходящего брода,
Внимая лишь чуждым словам.

Она там свой след оставляет,
Лишь той воздается судьбе,
Кто сам ее щедро впускает
С надеждою тайной к себе.

Есть только один предтеча:
Неистовый голос в нас,
Чтоб состоялась встреча
С истиной в светлый час.

Есть только одна дорога:
Кто жаждет ее открыть,
Нужно ни мало, ни много -
Просто уже в ней быть.

Быть, словно стойкий дозорный,
В связке всех внутренних сил,
Чтоб хитрый демон проворный
Счеты с душой не сводил.

Чтобы, в ладу пребывая,
Достойно нести свой обет,
Чтобы, сомнений не зная,
От тьмы отличать чистый свет.

* * *

*Не позволяй душе лениться,
Чтоб воду в ступе не толочь,
Душа обязана трудиться
И день, и ночь, и день, и ночь.
Н. Заболоцкий*

В черед пестрых дней,
В гуле их и в тиши,
Нет работы трудней,
Чем работа души.

Нет заботы важней,
Нету выше всех благ,
Как на ниве своей
Добрый взращивать злак.

Ни доверить кому,
Ни с другим разделить
То, что лишь самому
Надлежит совершить.

Как без влаги живой
Каменеет земля
И без вспашки - травой
Зарастают поля,

Так, не зная труда,
Чахнет в сонной глуши
Без зерна и плода
Нива нашей души.

Нет напрасных дорог
Чтоб к вершинам взойти,
Лишь идущему Бог
Помогает в пути.

Лишь тому, кто несет
Своей веры скрижаль,
Кого сердце ведет -
Раздвигается даль.

Кто узнал неба зов
И обрел его сень,
Кто трудиться готов
День и ночь, ночь и день!

* * *

Одно и то ж: искусство жить и умирать!
Принявшему весь этот мир - чужда граница:
Любить, мечтать, сочувствовать, страдать -
Одна наука для того, кто знает жизни цену,
Не подвергая честь позорному размену.

Одна наука на весь путь: владеть судьбою,
Не взysкивать с нее, терзаясь, должного оброка,
Чтоб не изведать холод тела над собою,
Коварного меча завистливого рока.

Чтоб не вовлечь себя в слепую круговерть,
В игру, в которой нет сердечного ответа,
Где жизнь всегда случайна, как и смерть,
Где маски вместо лиц и тени вместо света.

Один единственный незыблемый завет:
В душевной глубине, сокрытой мраком,
Суметь сыскать неуловимый след
Начертанных сакральной волей тайных знаков.

И в мир ступив, в его бушующий поток,
Сверять свой путь по ним без права на измену,
Покуда смерть не подведет всему итог,
Назначив жизни подлинную цену.

РУССКИЕ МАЛЬЧИКИ

Кулаки как тугие мячики,
Бычи шеи да плечи широкие.
Ах вы, мальчики, русские мальчики,
Отчего ж вы такие жестокие?!

Ведь недавно носили вы ранчики,
Были с виду довольно приличные.
Ах вы, мальчики, русские мальчики,
Что ж вы стали такие циничные?!

Вас теперь тянет в залы-подвальчики,
Набивать свои руки чугунные,
Ах вы, мальчики, русские мальчики,
Что ж такие вы все скудоумные?!

Вам по вкусу цветные журнальчики,
Где у женщин наряды воздушные.
Ах вы, мальчики, русские мальчики,
Отчего ж вы такие бездушные?!

Липнут жадно к куркам ваши пальчики.
Ловит глаз цели в прорези узкие.
Ах вы, мальчики, русские мальчики,
Вы как будто совсем и не русские!

КРУГОВАЯ ПОРУКА

Неприступная крепь,
Роковая излука.
Близ - то яма, то клепь:
Круговая порука!

Не пройти, не пролезть
Без условного стука.
Бережет свою честь
Круговая порука.

А пойдешь напролом -
Сломит сердце доука.
Горло стянет узлом
Круговая порука.

Не услышишь в ответ
Ни единого звука.
Заметет пылью след
Круговая порука.

Лишь навек обретешь
Ядовитую скуку,
Что ничем не проймешь
Круговую поруку!

МЫ И ОНИ

Вот, наконец, их тайны лики свои открыли:
Чтоб мы все разом сдохли, они - чтобы вечно жили.
Мыслят и быстро, и смело, чтоб не сказать - убого:
Если нас будет мало - их, значит, будет много.
Тычут прожекты друг другу, чтоб доказать точнее:
Чем мы слабей в неволе, тем они все сильнее.
Розданы роли в конвертах - кому и за что награда:
Нам нужно встать у бездны, им - подтолкнуть в нее надо.

Плетут краснобай резоны, главное - больше тумана:
Чем меньше мы верим их слову, тем больше нас кормят обманом.

Там, где закон не писан, лишь сила одна непреложна:
То, что нельзя плебеям - им, властелинам, можно.

* * *

Где Бога идола сменили,
Где расплодилось упыри,
Где бесы всюду гнезда свили,
Сходясь на шабаш в алтари,

Где отслужили панихиду
Над прахом сверженных святынь,
Где, въяве предвестив планиду,
Взросла без удержу полынь,

Где о величии державы
Кричат безумцы и лгуны,
Где только призрак бывшей славы
Тревожит тягостные сны,

Где покупаются идеи,
Чины, награды и посты,
Где нечестивцы и злодеи
На шею вешают кресты,

Где самый громкий звон - от злости,
Где самый чистый - пули свист,
Где не боится каземата
Лишь тот, кто на руку нечист,

Где не от старости дряхлеют,
А от смятений и тревог,
Где ветры чуждые довлеют,
Вторгаясь за любой порог,

Где самозванцы лезут к власти,
Где нет аркана для хапуг,
Где подбирается по масти
Табун угодников и слуг,

Где ироничная ухмылка
Сменила чистый, звонкий смех,
Где беззастенчиво и пылко
Переиначен всякий грех,

Там все давно уже случилось,
Там светоч пламенный угас
И месть лишь где-то затаилась,
Урочный поджидая час.

Там не уйти от воздаянья,
Там кара счет итожит свой,
Без всяких льгот и оправданья,
Безжалостный и роковой.

* * *

Нам даруются знаки судьбы,
Непонятные бледные тени.
В них следы неземной ворожбы
И земные к высотам ступени.

В них есть путь свой для каждой души -
Одинокий, особый, несхожий.
Как несхоже в отрадной тиши
Проявляется голос Божий.

В тех следах - провиденья печать,
Луч надежды для дерзкой попытки:
Попытаться суметь разгадать
Эти знаки без всякой ошибки.

Постараться нигде не свернуть,
Не сманиться приманкой любовью,
Чтобы даже мучительный путь
Не чужой, а своей стал судьбою.

Чтоб на этом пути устоять,
Избежать пустоты круговерти,
Не рискуя себя потерять
Понапрасну задолго до смерти.

ЧЕРНЫЙ АНГЕЛ

Над страной мук и слез
Черный ангел летал,
В край блаженства и грез
За собой всех он звал.

Обещал, сладко пел:
Кто туда попадет,
Тот счастливый удел
Для себя обретет.

Убеждал, устрашал
Здесьним горем и злом,
Зазывая, махал
Черно-синим крылом.

И толпа, где был всяк
В ней невзгодой томим,
Как на яркий маяк
Устремилась за ним.

Предвкушая успех,
Мня земной идеал,
Увлекая всех тех,
Кто идти не желал,

Уповаю на свет,
На волшебную новь,
Оставляя вослед
Недоверчивых кровь.

А над скопищем всем
Полон спеси и сил
Черный ангел, меж тем,
Все кружил и кружил.

Вдруг он взмыл в высоту,
Крылья крепко прижал
И, пронзив пустоту,
Камнем наземь упал.

Прокричать не успел
Свой заветный девиз.
Думал: ввысь он летел,
Оказалось, что вниз.

* * *

Не влетит счастья птица
Вдруг нечаянно в дом,
Коль туманна граница
Между злом и добром.

Где, сомкнув свои веки,
Дарят теням уют,
Там пустые надежды
Обретают приют,

Там химеры стеною
Застят радужный свет,
Под глухой пеленою
Пряча жизненный след...

Я оставил надежду,
Указав ей на дверь,
И в другую одежду
Облачился теперь.

Чтоб не ведать сомненья
Средь стихий и личин,
Чтоб прервать наважденье
Бесконечных причин.

ПРОВОДЫ НАДЕЖДЫ

Я оставил надежду,
Дал присягу судьбе,
И другую одежду
Твердо выбрал себе.

Щекотливое бремя:
Смыв приметы с лица,
Множить бездною время,
Не предвидя конца,

Жить в надежде, привычно
Сердце сладью томить,
Будто что было прежде,
Есть случайностей нить,

Утешать себя вечно
Сладким сном ворожбы,
Уповая беспечно
На причуды судьбы.

Жизнь не ждет. Неотменно
Ее тает свеча,
Рок и ночью, и денно
Точит жало меча.

Жизнь не ждет, не прощает,
Целит в глаз, а не в бровь,
И надежда питает
Только вялую кровь.

Велика слишком ставка,
Чтоб не сверзиться в тьму,
Ведь она, как удавка
И душе, и уму.

Всюду правды резоны,
Всюду спеси покров,
И вокруг бастионы
Ублажающих слов.

Тут - силки, там - ловушки
Для слепых и глухих,
Каждый словно на мушке
У мечтаний благих.

* * *

Я смотрел на нее, а она - на меня,
Не хватало лишь искры для вспышки огня.
Будто луч своевольный метнулся стремглав,
Тонкой нитью незримой наши взоры связав.
И, казалось, вот-вот - и настигнет нас рок,
И вдоль нити сверкнет обжигающий ток.
Так два встречных луча безо всяких причин
Вдруг находят друг друга, сливаясь в один...
Я смотрел на нее, а она - на меня,
Мчался поезд в туннеле, дрожа и звеня.
И под натиском вспыхнувшей в сердце волны
Выплывали из прошлого смутные сны.
Там вскипали мечты! Там в горячей крови
Оживали предчувствия вечной любви.
Звали нежной зарею с окраин земли
Голубые дороги в туманной дали.
Тихий ангел парил, оставляя вослед
В кружевных облаках лучезарный просвет.

Доносился с небес звезд торжественный хор,
Раздувая в груди тайный пылкий костер.
Там неслась в бездну тройка сквозь ночь и метель,
Пела томные песни печально свирель.
Там, сквозь дрожь, рисовался на сочных лугах
Гибкий девичий стебель в прозрачных шелках.
И скользила, дразня, тень под шорох куста,
И шептали молитвы вожаденно уста...
Я смотрел на нее, а она - на меня.
Два загадочных взгляда, и одна западня.
Может ей, как и мне, тот же виделся сон
Под наплывом весны, под колес перезвон?
Может в алых туманах ей сейчас, как и мне,
Те же чудились зори в колдовской тишине?
Когда сердце томилось в узах страстной мольбы
Ожиданием встречи под покровом судьбы.
Может быть, в ее сне в блеске лунных одежд
Лишь мелькала улыбка запоздалых надежд?
Может наши пути, не сойдясь меж собой,
Где-то рядом прошли и со схожей судьбой?
На которых, внимая зов певучий вдали,
Мы искали друг друга, но найти не смогли?!...
Я смотрел на нее, а она - на меня.
Две отдельных судьбы, два сторевших огня.
Вот туннель позади, оживился вагон,
Три минуты был сон - лишь один перегон...

* * *

Нельзя невинно рассуждать,
У рассуждения - свои законы,
И кто не знает их, тому не сдобровать,
Какие б ни были резоны.

Придет возмездие. Хоть поздно, но придет,
Когда от слов дойдет черед до дела,
И все бы ничего, коль пострадает тот,
В ком своевольству мысли нет предела.

А если кто другой? К тому же - не один?
Прельщенных призрачным манящим светом?
Не всякий ум ловушки скрытых мин
Способен различить по их приметам.

Опасна мысль, когда ей вторит блажь.
Вдвойне опасна, когда мнит себя святою,
Когда в ее защите входят в раж,
И в ослеплении кичатся правотою.

Тогда вражда ползет повсюду как чума,
Разит из всех углов тяжелым смрадом,
И все затеи норовистого ума
Кончаются для многих сущим адом.

* * *

Ты хранить себя не научилась
Моя жалкая, униженная Русь,
И куда теперь ты устремилась -
Предсказать совсем я не берусь.

В тот ли край - стремительно и бойко,
Не стесняя никакой себя уздой,
Понеслась ты, словно птица-тройка,
За мерцающей заманчивой звездой?

Сколько раз она тебя манила,
Обещая светлый мирный кров,
Сколько ты за долгий век сменила
Своевольных прытких кучеров!

Не щадили никогда тебя. То гнали
Вскачь куда-то по беспечности ума,
То надолго в грязном стойле запирали,
Не пуская на подножные корма.

Все терпела ты. И зной, и лютый холод,
Запах крови, пули свист и блеск штыка,
Даже грозные лишения и голод
Ты сносила, поджимая лишь бока.

Сколько раз в потемках ты металась,
Заплутав по воле вздорных вожakov,
Сколько на теле рубцов осталось
От хлыстов, нагаек и кнутов!

Русь моя! Что ж ты судьбой играешь?
Потакаешь всяким бесам и врагам?
Почему же так покорно позволяешь
Запрягать себя бесчувственным рукам?

Распрягись, взмахни косматой гривой,
Покажи свой нор и лихую статью,
Не пугаясь чьей-то злобности ревнивой,
Не страшась врагов возмездия снискать!

СТАРЫЙ ДОМ

Тусклый в комнате свет,
Шум дождя за окном,
Он, спустя много лет,
Вновь пришел в этот дом.

Сердца трепетный стук
Не сдержать, не унять,
Когда в прошлое вдруг
Попадаешь опять.

Здесь все так, как тогда:
Тот же двор, тот же сад,
Будто он в те года
Возвратился назад.

Та ж калитка и дверь,
И крылечко с угла,
Только нету теперь
Здесь бывшего тепла.

Где звенели в раскат
На заре соловьи,
Там сегодня лежат
Лишь руины любви.

Только тени одни
Бродят в грустной тиши,
Воскрешая те дни
Смутной болью души...

Беззаботна мечта
В своем праве святом,
Неприметна черта
Между быльёю и сном.

Незаметен рубеж
Всем словам и делам,
Когда тонкая брешь
Рвет все напополам.

Непригляден итог,
Неприютен удел,
Если кто-то не смог
Уберечь, что имел.

Кто, узнав теплый кров,
Не сумел осознать,
Что у сказочных снов
Роковая печать,

Что порой пелена
Может очи затмить,
Что хрупка и нежна
Счастья тонкая нить,

Что глухая тоска
Дань взимает сполна,
И не жизнь коротка,
А разлука длинна...

ОДИНОЧЕСТВО

У одиночества нет броского лица.
У одиночества нет пышного убора.
Не поколеблет меч косога взора,
Холодный яд надменного укора
Его венчального с душой кольца.

У одиночества нет бархатных дорог.
У одиночества нет верного конвоя.
Нести венец презренного изгоя
На паперти священного покоя -
Его единственный незыблемый залог.

У одиночества нет призрачных побед.
У одиночества нет мнительной невзгоды.
Оно под сенью обольстительной свободы,
Любви взыскующей оберегая всходы,
На сердце оставляет тайный след.

У одиночества нет звезд и орденов.
У одиночества нет праздных наваждений.
Лишь светлый дух, крылатый гений,
Кружит в тиши уединений,
Спасая от безумных снов.

ПАМЯТНИК ГЮГО

Я никогда в краях тех дальних не бывал,
Не жаждал приключений Одиссея,
И не видал гранитных мрачных скал
Неведомого острова Джерсея.

Но мне мерещится порой в наплывах грез
Сквозь пелену седого зыбкого тумана
Высокий пепельный утес,
Затерянный в просторах океана.

Там, на его краю, над пропастью крутой,
Открытый натискам безжалостной природы,
Воздвигнут памятник простой
Глашатаю и рыцарю свободы.

Под рев кипящих волн, под ветра свист,
В трепещущем плаще, объятый нетерпеньем,
Шагает пламенный романтик-романист,
Навстречу грозным бурям и сраженьям.

Да, это он - неистовый поэт,
Один из тех, кто искусенною рукою
Оставил с детства в наших душах след,
Их окропив водой живую.

Какие имена: Дюма, Жюль Верн, Марк Твен,
Джек Лондон, Вальтер Скотт, Майн Рид!.. А сколько боле!
И он - Виктор Гюго, чьим книгам страстно в плен
Спешили сдаться мы по доброй воле.

Он нас провел по площадям всем и мостам,
Сквозь все окраины Парижа и кварталы,
И мы узнали Тюильри и Нотр Дам,
Увидели церквей изящные порталы.

Мы вместе с Анжольрасом, дав обет,
Дрались в защите баррикад Сент Антуана,
Переживая за героев давних лет
И восхищаясь благородством Жан Вольжана.

Впервые, может быть, отвергнув ложь,
Мы осознали, что такое есть свобода,
И услышали, как бесстрашно пел Гаврош,
И как рыдал над Эсмеральдой Квазимодо.

Он приоткрыл нам щедро в мир окно,
Свет книг из детства не теряется бесследно,
Так может окрылять бургундское вино:
Оно и вкусно, и игриво, и целебно...

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

*Наверно тот, кто создал нас с понятием
О будущем и прошлом, дивный дар
Вложил не с тем, чтоб разум гнил без пользы.
В. Шекспир*

Где исчезает, распадаясь, связь времен,
Там близок час для рокового приговора.
Там меч судьбы уже для кары занесен
Над пропастью забвенья и позора...

В любую пустоту без спроса входит ложь,
Зло расплзается как гнойная проказа,
И суррогат любой и годен, и пригож,
Когда услада он для вкуса и для глаза.

Вокруг - разгул страстей, безумцев пир,
Иконы идолов, треножники Ваала,
Не мир людей, а привидений антимир,
Где нет ни памяти, ни грез, ни идеала.

Загоптаны следы к прозрачным родникам,
Разрушен храм любви игрой бесплодной,
Роятся тени, засты свет живым росткам,
Томиться обреченным в тьме холодной.

В темнице - мысль, на воле - лишь порок:
Лукавство вторит барышу, обман - гордыне,
Из раны бытия сочится жизни сок,
И дикий ветер веет прах в глухой пустыне...

Но только там рок может отступить,
Предотвратить жестокою расправу,
Где не обрывна поколений нить,
Чтоб возродить достоинство и славу.

Лишь там, перекликаясь меж собой,
Все голоса из всех времен в едином хоре
Звучат торжественно созвучною волной
В безбрежном историческом просторе!

РУССКИЕ ДУШИ

Ну, наконец-то мир разгадкой ублажила,
Всех удивляя, устрашая и смеша,
И всю себя, сумнясь ничтоже, обнажила
Загадочная русская душа.

Уж сколько было всяких взглядов, споров, мнений,
А сколько стрел рассечь пытались тайны тьму,
Чтоб осознать, что ж значит русский гений,
Непостижимый чужеземному уму.

По-разному ценили: предлагали
От слитка золота до медного гроша,
Со всех сторон ее пристрастно разбирали,
Чем хороша она, а чем не хороша?

Кто верил ей, тот славил и пленялся,
Тот, кто не верил - укорял и осуждал.
Из века в век их строгий суд сменялся,
Но никому никак покоя не давал.

И вправду, как ценить ее, какую мерой,
С чем слит прямой ответ, что так недостижим:
С капризною судьбой, с иною верой,
С пространствами иль с норовом таким?

Во всем иная статья: и в мирную годину,
И в лихолетье, будь там зной или снега,
То прозябает в сне, то вдруг, схватив дубину,
Идет без страха на смертельного врага.

То припадает ниц, молясь пред алтарями,
То лезет к дьяволу с хмельною головой,
То разрастается лесами и морями,
То раздает назад их щедрою рукой.

Вся нынче на виду: от славы до позора,
От величавости до страсти барыша.
Во что ж теперь, так обнаженная для взора,
Оценится славянская душа?!

ЦЫГАНКА

Память нежданно порою,
Храня неприступный секрет,
Являет своею игрою
Призраки давних лет...

Был молод тогда. В угоду
Влечениям пылкой души
На стройке вкушал свободу
В степной казахстанской глуши.

Пыль. Духота. Зной восточный.
Сладок любой холодок...
Однажды по крайности срочной
В районный попал городок.

Стою у какой-то базы,
Смекаю, куда тут войти:
«Ай, какой черноглазый,
Ручку позолоти!»

Вижу - цыганка сбоку,
Жар пышет с голых плеч,
Хочет хоть малость проку
От встречи со мной извлечь.

Взгляд, будто жгучий буравчик,
Точит лазок к судьбе:
«Ай, не скупись, красавчик,
Дай погадаю тебе!»

Не знаю, куда и скрыться,
Спасаясь и этак, и так,
Не просто бывает отбиться
От рьяных внезапных атак.

«Постой, погоди немного,
Иль екнуло сердце в груди?
Узнаешь, какие дороги
Тебе предстоят впереди.

Всю правду скажу без обмана:
Что было и что наперед,
Есть ли на сердце рана
И где тебя счастье ждет.

Все расскажу, смазливый,
Кого будешь сильно любить...
Студент, а такой пугливый,
Дай хоть тогда закурить!»

Пачка была и уплыла.
Наука - не будешь зевать.
А та ко мне сразу остыла:
Тут нечего больше взять.

Пошла. Обернулась: «А все же
Зря отказался гадать.
Столичный ты парень, похоже,
А я б все могла рассказать.

Ладно, потешу игрою.
Не веришь опять, гляжу?
Три карты сейчас открою,
Потом кое-что и скажу.

Ну-ка, сними для порядка.
Вот ты тут... Теперь по одной...
Семерка червей... Десятка...
Очко у тебя, дорогой!

Сам видишь - нет перебора.
Вот тут тебе весь и урок:
Праздник отметишь скоро
Точно под этот срок.

Когда соберешься для встречи
С друзьями к исходу дня,
Смотри, не забудь в тот вечер,
Вспомнить, кудрявый, меня!»

И больше ни взгляда, ни слова,
Куда-то пошла, семена,
Увидев, должно быть, другого,
Сговорчивей больше, чем я.

Стоял я, застыв, без ответа,
Не в силах понять ничего:
Три карты... Очко... Встреча где-то...
Какое-то торжество...?

И вдруг обожгло меня словно.
О, боже! Она, ведь, права:
Пройдет три недели ровно,
И стукнет мне двадцать два!

ГОРДЕЦЫ

Не нужно гневаться на тех, кто слишком горд,
Кто болен гонором своим неизлечимо.
Мы ж не браним товар за разный его сорт -
Иль покупаем, иль проходим мимо!

Их нужно пожалеть! Несчастен человек,
Кого недуг сковал безжалостным покровом.
Он проживет весь свой печальный век,
Так и не зная, что такое быть здоровым.

Но гордецов суды вельможны и вольны,
Считают все вразнос, ведя свой счет превратный,
Что вовсе не они, а все вокруг больны,
Что только им под силу подвиг ратный.

Бессмыслен спор! Как не ужиться двум врагам,
Как не сомкнуться полюсам вовек друг с другом,
Так вместе не сойтись различным берегам,
К каким бы им ни прибегать потугам.

Их разделяют океаны и моря,
Меж ними омут роковой, глухое днище,
И где зажжет вдруг грудь вишневая заря,
Там гордецы одно увидят пепелище.

Что им до чувств живых в других мирах?
Пронзит ли кто-то их своим душевным стоном?
Они катурны скрытно носят на ногах
И прикрываются пустым ретивым звоном.

Самолюбивый нрав, холодный ум -
Они не ведают молитвенных волнений,
Им не знаком полет крылатых дум
И не доступна сладость тайных откровений.

Они, кичась во всем своею правотой,
Глядят поверх голов брезгливыми глазами,
Их не смутят алмазы звезд в тиши ночной,
И не облитесь им над вымыслом слезами...

Таков сей род: и краснобаев, и дельцов,
Господь их обделил своим почтительным вниманьем,
Пройдя, как видно, в стороне от этих прытких гордецов,
Чтоб все другие к ним прониклись состраданьем.

ВРАЗБРОС

Быть палачом - и низко, и позорно.
Но также гнусно, хоть под лезвием меча,
Склонивши голову покорно,
Назначить себя жертвой палача.

В наш просвещенный век не удивить ничем,
Но много ль тех, кто ум, терзая, вопрошает:
Кто он? Откуда он? Зачем?!
Где он теперь? Куда шагает?

Мир создан так, чтоб, развиваясь, усложняться,
Себя являя в многогранной полноте,
А человеку, чтобы в нем не затеряться,
Стремиться нужно к неподдельной простоте.

Не нужно трепанаций и рентгеновских лучей,
Не нужно ни гадалки, ни провидца,
Довольно лишь послушать разговоров и речей,
Чтобы понять, что в головах творится.

Не помешает знать тому, кто вдруг «из грязи»
Сумел попасть уловками «во князи»,
Что мало фрак себе отменный шить:
Его, ведь, надобно еще уметь носить!

Спросили мудреца: «Где обитает Бог?»
Мудрец ответил: «Где любовь есть и свобода.
Он там, где ждут его на свой порог,
Куда ему открыта дверь для входа!»

Карета мчится с косогора,
Звонят бубенчики вослед,
Природа из окна пленительна для взора...
Вот только кучера на козлах нет!

* * *

Тот, кто велик - не защищен от клеветы,
Не огражден от лжи и разных сплетен.
Невозмогу снести величия черты
Тем, кто ничтожен, слаб и неприметен.

Невыносима им уверенная статья,
Высокий лик, свободы тайной гений:
Унизить, очернить или в грязь втоптать -
Вот цель их всех потуг и рвений.

Послы безликие бесчисленной плеяды
Холопов низких всех мастей и всех веков,
Они в своей возне как чужады,
Сосущие живой целебный сок.

Им, ускользящим от справедливой кары,
Всегда привыкшим прятаться в тени,
Тем слаще, чем больше их удары,
И чем коварней и язвительней они.

Как ум пытливый, озаренный светом,
Ликует звонко в радости мирской,
Так злобный тешится хулою и наветом,
Кривясь своей усмешкой плутовской.

О, гнусный род хулителей презренных!
Куда б направлен был их волчий взор,
Когда б не подвиги тех редких дерзновенных,
Кто осветил собой пленительный простор?!

Чем промышлял бы так проворно и ретиво
Убогий ум завистливых борцов,
Когда б не зеленела пышно нива
Благими всходами всех доблестных творцов?!

Отвратны все плебейские потуги,
Их омерзительная подлая молва,
Ведь у невежества нет места для заслуги,
Там распложается лишь сорная трава.

Смешон и жалок закоснелый неимуший,
Их весь бессильный и бесплодный род.
А кто велик - стоит как дуб могущий,
Под сенью чьей всегда ютится всякий сброд.

* * *

Словно гнусная гля, словно едкая соль,
Поселилась в душе неутешная боль.
Поселилась давно, вольно выбрав закут,
И не хочет никак покидать свой приют.

Приютилась, обжилась, осмелела вконец,
Как непрошенный гость, как докучный жилец.
Не стыдясь, не таясь, не стесняясь ничуть,
Отравляет покой, бередит мою грудь.

То ужалит огнем, то уколёт иглой,
То скрести вдруг начнет как тупою пилой.
И в раздумьях, и в снах, и совсем невпопад
Ей не стоит труда брызнуть дьявольский яд.

Истязает, томит, знать дает о себе,
Выбрав роль палача в моей тайной судьбе,
Став крестом моих дней, с коим должен идти,
Став попутчиком вечным на житейском пути...

Есть у всякой причины фатальный исход:
Из подгнивших семян выйдет немощный плод,
От костра, что угас, остается зола,
А на теле - рубец, если рана была.

Остается вот также невидимый шрам
И в душе, если был осквернен ее храм,
Если ложь и измену познала она,
Если с нею водилась когда-то вина,

Если к ней был причастен бесстыдный навет -
Все уликой своей оставляет в ней след.
И тогда - рано ль, поздно ль - нехстати подчас
Наступает расплаты неминуемый час.

И тогда, вопрекор горделивым мечтам,
Нужно долг отдавать по забытым счетам:
По печальным ошибкам, по призрачным снам,
По глухим предрассудкам и глупым шагам,
По любым проявлениям порока и зла,
Если только душа не совсем умерла.

Вот тогда-то тайком, разъедая как соль,
Подселается к ней затаенная боль,
Чтоб отныне в смиренности и помня Творца
С этой спутницей жизни вместе быть до конца.

* * *

По стану огненный катится шар,
Летит колесница Феба.
Всюду бушует нещадный пожар,
Застя дымами небо.

Не видно земли - только пепел и тлен,
Мечутся молний стрелы,
Гул сотрясает крепости стен,
Во все разносясь пределы.

С гор извергается вниз камнепад,
Кровь застывает от звона,
Над станом плумится не злой супостат,
Лютует меч Гедеона!

* * *

*Мы истину, похожую на ложь,
Должны хранить сомкнутыми устами...*

Данте «Божественная комедия»

Молчат уста. Язык заточен в плен.
В бесплодных муках изнывает он веками...
Два мира: там - живая жизнь, здесь - жалкий тлен,
И - ни мостов, ни переправ между двумя материками.

Не выразить ему, не передать
Ни чувств безумных, ни желаний, ни влечений,
Так моря изумрудная торжественная гладь
Скрывает в бездне под собой игру стремительных течений.

Но стоит лишь устам нарушить свой обет,
Чтобы излить восторг душевных откровений,
Как сразу захлестнет и поглотит их след
Волна привычных слов и смутных привидений.

БАРАНЬЕ ЧЕСТОЛЮБИЕ

(Басня)

Баран стал мясо есть!
Однажды (дней тому не счесть)
Случайно он близ бойни оказался:
Щипал себе траву, немного замечтался,
Куда-то в сторону побрел, забыв о стаде,
Потом очнулся - никого ни спереди, ни сзади.
Враз осознал, что заблудился
(А день уж к вечеру клонился),
Стал блеять громко, братьев звать в тревоге,
Что делать, сбился он с дороги,
Туда-сюда подался, чтобы что-то предпринять,
И глядь - перед ним чужой загонный двор,
Есть и ворота, и забор,
Сарай какой-то из бревенчатых теснин,
Ни на конюшню не похож, ни на овин,
Да и никак уж не привычная овчарня,
И, слава богу, что не псарня.
Ни пастухов не видно, ни какой другой души,
Ну, словом, стан неведомый в глуши,
Загадочный, пустынный, нелюдимый.
Вот наш баран, пытливостью томимый,
Туда и заглянул. И что ж он увидел? -
Причудливый огромный зал:
Столбы с жердями, переборки и мостки,
Повсюду кровь, мясные туши, тел куски,
Повсюду горы шкур, копыт с рогами,
Коробки, ящики с мослами,
И там, и тут - где шерсть, где пух,
И странный, соблазнительный, неизъяснимый дух
Над всем витает легкою волною,
Туманя взор коварной пеленою...
Барана, видно, он-то и сгубил:
Смутил, встревожил, опьянил,
Себя не помня, по стихийной страсти больше,
Баран щипнул кусок, затем другой - потолще,
Вошел во вкус... и с этих самых пор

Частенько стал захаживать во двор.
Как только солнце на закат - он боком,
Как бы случайно, ненароком,
От стада отобьется, чуть побродит, выжидая,
Да и окольными путями - до сарая!
Немного времени прошло, как тем делам случиться,
Стал на глазах баран расти, лосниться,
Обрел вальяжную походку, хищный взор,
Рогами пышными дополнил свой убор,
Налился телом, распушился мехом
И среди ярок стал грешить своим успехом.
Но как ни бередил своих он братьев раны,
Дознались вскоре старые бараны,
В чем был преображения секрет.
И, удосужившись, однажды на совет
Отступника призвали для огласки приговора
И, наложив печать презренья и позора,
Решили, что не только тот унизил честь их рода
И заслужил ярлык морального уroda,
Не только недостоин быть внутри их клана,
Но недостоин даже звания барана.
Последний приговор привел отступника во гнев:
«Нет, я - баран! - настаивал он, вовсе озверев. -
Да мне и самому в отаре вашей тесно».
(Бараны все упрямы, как известно).
«И чтоб вы тут ни бляели, как нужно жить в миру,
Бараном был я, им же и умру!».

Вот так порой его сознательный двойник,
Совсем утратив человеческий лик,
Погрызши в праздности, разврате и пороке,
Забывши все свои начала и истоки,
Вознесшись в своеволии над временем и веком,
Все ж хочет называться только человеком...

* * *

История наша - подмостки оказий,
Чего только в ней не найти!
В зарослях мифов, легенд и фантазий
Скрыты ее пути.

Она будто призрак, бродящий по свету,
Она как волшебный ларец:
Можно фальшивую вынуть монету,
А можно - жемчужный венец.

То ли улов связан просто с везеньем,
Иль помудреней ответ:
Где та рука и с каким назначеньем
Тянет на счастье билет?

В нашей истории властвуют тени,
Играясь, чинят суды,
Истерты, засалены, сбиты ступени,
Где были ее следы.

К нашей истории липнет потрава,
И ржавь пристаёт, и гнилье,
Белое с черным бьются за право
Поверенным быть у нее.

Можно снести крест обид и позора,
Можно взрасти на крови,
Лишь бы история наша без сора
Вступила в права свои.

XXX

Г.С.

Если нас в иные дни
Вдруг накроет тень раздора,
Ты в глаза мои взгляни
Без обиды и укора.

Может быть, увидишь там
Не одну глухую стену,
А мятежный океан
И валов седую пену.

Там, сквозь яростный поток,
Разглядишь в застывшем взоре
Углый крохотный челнок
На бушующем просторе.

Ветер бьет его шальной,
Клонит мачту, завывает,
И безжалостной волной
Во все стороны бросает.

Веселится ураган,
Гром рокочет в общем хоре,
Не стихает океан,
Челноку тому на горе.

Его тянет в бездну дна
Силой злой неукротимо,
Вот еще одна волна,
И беда неотвратима.

Близок гибельный конец,
Грозны натиски потока,
Незадачливый пловец
Обречён на волю рока.

И когда, взглядевшись в лик,
Ты постигнешь его муку,
То протянешь в тот же миг
Мне спасительную руку.

ПАМЯТИ В.М. ШУКШИНА

Как приладить к жизни ум?
Идеалы - к тайнам света?
Никаких не хватит дум,
Никакого нет ответа.

Приспособишься порой,
Глядь - опять не так все вышло,
Вновь - ни цели никакой,
Ни значения, ни смысла.

Налистаешь сотни книг,
Подберешься к самой круче,
Вдруг блеснет просвет на миг,
И сойдутся снова тучи.

Поглядишь по сторонам,
Может, где найдется щелка?
Суета вокруг да гам,
И ни в чем не видно толка.

Устремишься взором вдаль,
Поприщуришься изрядно,
Но и там тоска-печаль:
Так же смутно и неладно.

Бросишь мучиться, искать,
Подбодришь себя улыбкой,
Перестанешь допекать
Душу тягостною пыткой.

Там не так, и тут не так,
Все несвязно, несуразно,
А кто знает, нужно как,
Коли жизнь многообразна?

Не связать одним узлом,
Не объять единой мерой
Ни добро со скрытым злом,
Ни познание с чистой верой.

Не постичь мудреный мир
По божественным заветам,
Не расставить всех в ранжир
По разборчивым приметам.

Где - начало, где - конец,
Есть ли соль у вечных правил?
Не найдется тот мудрец,
Кто б на все печать поставил.

Может, в том-то и резон,
И в нем нет уму урона,
В том и главный весь закон,
Что нет общего закона.

Кто пытлив, а кто умен,
Тот ретив, а тот без воли, -
Каждый, видимо, рожден
Для какой-то своей доли.

Каждый пишет свой завет,
Кто-то лучше, кто-то хуже,
И уж коль искать ответ,
То внутри, а не снаружи.

Нет усерднее борьбы,
Нету громче того зова,
Как для собственной судьбы,
Так и для суда любого.

ТРИ АКТА ДРАМЫ

Три акта беспримерной драмы -
В страстях, в иллюзиях, в крови -
От жизнерадостной эпиталамы
До панихиды по угаснувшей любви.

-1-

Акт первый: светлый храм, торжественный обряд:
Венчаются народ и юная свобода,
На белом плате новобрачные стоят,
Витают ангелы под куполами свода.

Певцы на клиросе. Священник. Дьякон. Чтец.
Молитва, свечи, крест, благословенье.
Блеск золотых колец. Над головой венец.
Вино из чаши. Рук соединенье.

Парадный выход. Легкий гул со всех сторон.
Цветы на паперти, цветы вдоль плит ступеней.
И поезд свадебный под колокольный звон
Уносится в клубах надежд и умилений.

-2-

Акт номер два: больничный коридор.
Безмолвие. Слышны порой лишь стонущие звуки.
В углу сидит народ: пуст и тревожен взор,
Опущены безжизненные руки.

За дверью перед ним - консилиум светил,
Своих и званных. Каждый лекарь - креатура.
Доносятся слова: «Наркоз! Резекция! Упадок сил!
Кровопускание! Акупунктура!»

За сумрачным окном играет листопад,
Мелькнула тень в конце пустого коридора,
А там, за сценою, в какой-то из палат
Лежит свобода, ожидая приговора.

-3-

Акт третий: желтый дом, загадочный притон,
Уродливый чертог глухих окраин.
Здесь - свой Наполеон, свой мудрый Соломон,
У Цезаря - свой Брут, у Авеля - свой Каин.

У лордов - свой конвой, у полководцев - рать,
При аргамаках - свиты карликов и гномов.
Вокруг ватаги на любую статью
Марионеток, манекенов и фантомов.

Минуло много лет с той памятной весны,
Почили в Бозе и Народ, и хилая Свобода,
А дети их, сыскав приют, утоплены во сны,
Не зная своего ни племени, ни рода.

* * *

Живу в вечном страхе с недавних пор:
Вдруг некто, представ в оный час,
Мне скажет: «Я вашей души ревизор,
Пожалте нутро напоказ».

От мысли одной - холодный пот,
От дрожи в теле разлом,
Будто привычный и прочный оплот
Рухнул, как карточный дом.

Взгляд - ледяной, и голос - сталь,
И милость не жди с небес,
И жизнь в этот миг отдать не жаль,
Только чтоб он исчез.

Только б не дать посторонним глазам
Увидеть священный свой храм,
Когда ты, к тому же, не знаешь и сам,
Что может открыться там.

Что может храниться в его тайниках,
Во мраке запретных зон,
Что скрыто в его недоступных углах
За плотной завесой икон...

Капризна судьба, будто в море волна,
И мы, примирившись с ней,
Считаем, что знаем себя сполна,
Кому ж еще знать верней?

И верим себе, и уверены в том,
Что суд непохожий - навет,
До тех пор, пока вдруг не грянет гром:
«Ну-тка, нутро на просвет!»

* * *

*Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И роищет мыслящий тростник?*

Ф.И.Тютчев

Так кто ж он, этот мыслящий тростник,
Вступивший с замыслом Творца в единоборство?
Каков же сущий, настоящий его лик
Без маски, без парада, без притворства?

Зачем он нарушает общий хор,
Вторгаясь в тайную гармонию природы!?
Зачем, вплетая в совершенство свой узор,
Он посягает на божественные своды?

Кто он, явившийся на жизни пир:
Частица мира в оболочке тленной,
Или вместившийся в частицу мир,
Отъединенный ото всей Вселенной?

Творения урод он иль венец?
Избранник или зверь? Сор или перл в породе?
Что предвещает: свет иль тьму, начало иль конец
Надменный властелин, рассевшийся на троне?

Где получить ответ? И есть ли он вообще?
Да и пристало ль тростнику быть праведным судьбою?
Так камень в раскрутившейся праще
И сам не ведает, где встретится с землею.

Уж коли быть судьей - себе лишь одному,
Своей лишь доли, своего предназначенья,
Где выбирает дух - свободу иль тюрьму,
Без выгод и наград, без торга и сомненья.

Какой нектар вошьет он в пылкие меха,
Каким одарит век живительным приплодом,
Сумеет ли отмыть печать Адамова греха,
Что тяготеет тяжким бременем над родом?

Чей выберет он жезл: добра иль зла?
С волшебным жалом или с горьким ядом?
Блеснет ли пламенем, чтоб сжечь себя дотла,
Иль будет тлеть зловонным смрадным чадом?

А что такое зло? Стихийных сил игра?
Проказы дьявола? Иль брэнной жизни мета?
А, может, попросту отсутствие добра
Там, где вzywало бытие, прося ответа?!

Где отклик был. Где тайный голос звал,
Сулил душе неведомые дали,
Где шанс даримый воплощением не стал
И промелькнул без упоенья и печали.

И в ту холодную, немую пустоту
Отвсюду поползло, как будто поджидая,
Все, что питает многоцветную тщету,
Ее всеядности проворно угождая.

Не оттого ли ропщет мыслящий тростник,
Томится под непрочным смутным кровом,
Что он не властен воскресить крылатый блик,
Подобно молнии, блеснувший перед взором?

И ропщет на себя! И ропщет оттого,
Что слаб для подвига принять щедроты зова:
Спуститься в ад души, пройти круги его,
Чтобы, очистившись, подняться к свету снова,

Что не хватает сил, решимости ему
Сорвать вуаль с привычных сновидений,
И, сбросив пелену, раздвинув тьму,
Впустить отраду светлых откровений!

НА КЛАДБИЩЕ

Во дни золотые осени печальной,
Когда природа всей красой прощальной,
Одев деревья в праздничный убор,
Ласкает восхищенный взор,
И солнце томное бросает луч укромный,
А в воздухе кружится лист бездомный,
Ища, к какому лучше лечь подножью,
Я прихожу сюда, на ниву божью.
Здесь вечным сном былое спит:
Кругом безмолвие царит,
И там, и тут - кресты седые,
Могил смотрители немые,
Стоят бессменно на посту.

Блестя, чернеют на свету
В суровой строгости граниты -
Надгробий памятные плиты,
И лики прошлого в овале
Глядят в тоскующей печали
На всех живых, кто их сюда
Почтить приходит иногда.
Но я иду туда, где ждет
Меня урочное свиданье,
Куда сердечный зов влечет
Отдать сыновнее признание,
Туда, где в стороне глухой,
В соседстве с липой вековой,
Совсем вблизи тропинки торной
За скромною оградой черной,
Сочтя свои земные дни
Лежат родители мои.
Здесь вековая тишина,
Лишь память властвует одна
Над чередой минувших лет:
Оттуда льется щедрый свет,
Из самых светлых, лучших дней -
Из детства, юности моей,
Из самого издалека,
Где материнская рука
Меня ласкала в горький час
И утешала всякий раз
От огорчений и досад,
Где помогал любимый взгляд
Превозмогать и боль, и страх,
Когда в сочувственных глазах
Читал я нежность и любовь,
И уж не стыла в жилах кровь,
И был не страшен мир большой,
Такой неясный и чужой.
Тех лет счастливая пора!

Она как тайная игра:
Где ты невольник и творец,
И соучастник, и боец,
Где ты свидетель и судья
В стихии смутной бытия.
Как знать, каким бы вышел я
Из коммунального жилья,
Из переулков и дворов,
Из мрака пыльных чердаков,
Из голубятен, пустырей,
Из номерных очередей,
Из подворотен, детских драк,
Из пыла уличных ватаг,
Из той нужды и разных бед,
Послевоенных трудных лет,
Когда б не ведал я всегда
Тепло родного очага!..
Давно их нет. Как в жизни - тут
У них опять один приют.
И ночь, и день, и в дождь, и в снег -
Неразлучимые вовек.
Покой двоих. А для меня -
Одна печальная семья...
Мы все из детства держим путь,
И там впервые наша грудь
Вдыхает в тайне упованья
Весь аромат существованья.
Внимает жадно откровенью,
Рождает пылкие влеченья,
Волнуясь, чует в сердце всполох,
Робея, ловит каждый шорох,
Вбирает радугой следов
Весь мир напевов и цветов.
Нас всех из детства путь ведет,
Там наш разбег, там первый взлет,
Взлетим мы низко иль высоко,

Мучительно или легко,
Взор острый или звездный свет? -
На всем печать из детских лет.
И счастлив тот, кому везло
Иметь защитное крыло,
Кому судьба его дала
Беречь от покушений зла,
Кого в утробе пробужденья
Любви касалось дуновенье,
Кого спасал и грел в пути
Хранитель-ангел во плоти...
Моя семья. Уж много лет
Она хранит свиданий след.
И каждый раз мысль об одном
Томит меня немым судом,
Томит, не хочет отпустить:
А что я им сумел отдать?
Что отдал я взамен щедрот,
Тепла, волнений и забот,
Переживаний их и слез,
Надежд неясных, смутных грез,
Взамен терпенья, нежных слов,
Ночных в бессоннице часов,
Их боли, страхов за меня,
Что отдал им в отплату я?
Ответа нет. Они молчат,
Лишь голоса во мне звучат,
Их дорогие голоса.
И равнодушно небеса,
Свидетели страстей земных,
Взирают сверху на живых,
Скрывая тайны вечных снов
Всех душ, обретших их покров...
Ответа нет. Лишь боль одна.
Тут лица их и имена,
Тут память открывает мне

Свою пучину в тишине.
В той бездне, в разных уголках
Вся жизнь прочерчена в следах,
И каждый след - как часть судьбы:
И мук, и счастья, и борьбы,
И постижений, и утрат,
И огорчений, и услад,
И сколь ни длился б век земной,
Они нетленны в бездне той!...
Ложится лист на камень холодный.
Блестит сквозь кроны луч отрадный,
И тень от липы вековой
Оберегает их покой...

НАСМЕШНИКИ

*Я не люблю иронии твоей,
Оставь ее отжившим и не жившим.*

Н. Некрасов

Чему смеетесь? Над собой смеетесь!..

Н. Гоголь

Нас разъедает глупый, пошлый смех.
Ползучей язвой в неустройстве вечном,
Как будто среди веселья и утех
Хотим забыться в сне беспечном.

Притворно радуясь фантазии пустой,
Глумясь над бестолковщиной любовью,
Взираем в зеркало с наивной простотой,
Его не замечая пред собою.

И видя в нем самолюбивый лик,
Будь безымянный тот иль с именем вельможи,
Дивимся, напустив визгливый крик:
Что ж там за пакостная рожа?!

И тешимся в лукавом торжестве,
Не брезгуя ни сплетней, ни наветом,
Не признаваясь ни в каком родстве
С язвительно-осмеянным портретом.

И ставим враз под приговором сим,
Без всякого суда, хоть кстати, хоть некстати.
Ужель насмешки над убожеством своим
Сильней достоинства и величавой стати?

Над кем смеемся? Может ли слепой
Кощунствовать над мутными глазами?
Пристало ль скалиться над собственной судьбой? -
Пусть боги насмеются над нами.

* * *

Алхимиков во власти химики сменили!
Разворошив в печах чуть тлевшие угли,
Своей науке фимиам в экстазе воскурили
И жертвенники всюду возвели.

Священствуя в обрядах новой веры,
Открыв «материи первичной» закрома,
Они явили небывалые примеры
Ученой прыти и сметливого ума.

И своим подвигом, раздув трескучий пламень,
Сумели скептиков-ученых обличить,
Что пресловутый философский камень
По воле божьей можно только получить

* * *

Подвержен русский человек тиранству непогоды:
Дождь затяжной ли, хмарь, сырая ль тьма -
Сильней сжимает грудь, острей невзгоды,
Большней несобранность и воли, и ума.

И слово нежное не радует, не греет,
И раздражает ветра плач, и всякий звук,
И от любимых дел теплом не веет,
И, как назло, к тому ж, все валится из рук.

Мечта забрезжит ли - нет пламени, за нею,
Мысль промелькнет ли - сразу в тень уйдет,
И все вокруг томит ненужностью своею,
И сам не знает он, зачем сейчас живет.

* * *

И возродился раб земной, не зная меры,
И чуть возросши из ничтожного птенца
Возжаждал заступить, отпав от веры,
На место Вседержавного Творца.

И заступил! И стал творить себе в угоду,
Низвергнув благодетеля с одра,
Восславив разум и всеильную свободу
В самозабвенном царстве света и добра.

Но, узурпировав верховные ступени,
Лишь в том и преуспел, забыв святой завет,
Что мир повсюду наводнили тени,
Затмив собою бытия сакральный свет.

И в тех тенях, облюбовав их как притоны,
Создав пригодный для себя вольер,
Устроились Ехидны и Тифоны,
Плодя бесчисленных уродов и химер.

А что Творец? Иль, вправду, отступился
И отворотил свой взор от вязнувших во тьму?
Нет: Он лишь скрыл свой лик, Он просто затаился
И ждет, что блудный сын воротится к Нему.

* * *

Над Россией - черный снег.
Засыпает пути вековые,
Застылает колючий мех
Купола и кресты золотые.

Над Россией - черная клочья.
Слепит завью мутные взоры,
Поглотила зловещая ночь
Звонкописанные просторы.

Поглотила огни маяков,
Стерла лики, следы и приметы,
Пошатнулся устой очагов,
Где хранились святые заветы.

Над Россией - черный закат.
Приближаются дни роковые
Всё виднее грядущий распад,
Что печати сорвет родовые.

Уже узится прежняя ширь,
Содрогается древнее древо,
Уже лезет огромный упырь
Из палящего адского чрева.

РУССКИЙ КОНЬ

Конь привередливый: и смиренный, и строптивый,
Для брани гожий и для борозды,
То в стойле мается, подергивая гривой,
То, насладившись волей, требует узды.

Упрямый конь с повадкой удалою,
Коль не по нраву что ему - так на века.
Когда захочет - полетит в огонь стрелою,
А нет - так сбросит наземь седока.

Иль вдруг, презрев тепло родного крова,
Поддавшись пыли, дерзновенно, напролом,
Из Гостомысла дней махнет в окно Петрово,
И задрожит земля, и пыль взлетит столбом.

А нарезвившись, заболает враз тоскою,
Развалится, размякнет в тишине,
И покорится благодушному покою,
Забывшись в долгом и ленивом сне.

Иль без причины - сумасбродный и раздольный, -
Пустых забав не отделяя от причуд,
Начнет топтать свой выпас травопольный,
Над собственной судьбой верша стихийный суд...

Славянский конь! Беспечный, одинокий,
Сам по себе, чужой для табуна.
Какой мерещится ему простор широкий?
Какая взор его прельщает сторона?

Опять он на бегу. В седле наездник новый.
Плеть жжет бока. Туманит, слепит глаз.
Рвут губы удила. Горит закат багровый.
Разбег к прыжку? Куда ж на этот раз?

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Слово о друге	3
Чтобы помнили.....	5
Предисловие	7
Из сборника «Круги», 2002 год	11
От автора	13
Круги	14
Ночь	15
Когда рожденья наступает час	16
Когда бы мы в минуту откровенья	16
Еще ликует пир, еще вино искрится	17
Странник	18
Свобода и честь	19
Я - маленькая капля, послушная волнам	21
Мой двойник	22
Люблю свой дом, где я родился	23
Лишь утро чуть забрезжит за окном	24
Незамысловатая песня	25
Обнажение	27
Есть тайна бытия. Постигнуть не дано	30
Поэт	31
Как жить на этом берегу	32
Мы каждый день, хоть понемногу	33
Средь ритмов будничных радений	34
Я иду в толпе гудящей среди бела дня	35
Лжепророки	36
Когда Господь, слепив творенье	39
Мои стихи - моя молитва	40
Заколдованный круг сопряжений	41
Ни предсказать, ни угадать	41

Возрождение	43
Перед зеркалом	45
Потомки Пилата	47
Слушая Баха	49
Романс	51
Порой, когда слепой тоскою	51
Последняя речь Сократа	52
Бывают редкие мгновенья	56
Есть на всем роковая печать	57
Ода спонтанности	59
Мы в двух мирах живём	60
Христос	61
Если б разом все люди умолкли	63
Прощальный луч в сирени туч мелькнул	64
Девичий распев	64
Не вернуться к родному порогу	66
Как мы обидчивы порою	67
Когда подступит час, отмеренный судьбиной ...	68
Мыслить задним умом - это свойство у нас родовое	69
Когда порою в час заветный	70
Завещание	70
Не отклоняйте рук любимой	72
Россия	73
Уходят невозвратно дни	76
Сменился век. Неотвратимо	77
Триптих	78
Когда утихнут и умолкнут звуки дня	80
В приметах времени есть роковой урок	80
Шереметьево	81
Есть в жизни грустный и сомнительный закон	84
Живая вера	85
Благоговение	87
Гигиена	88

Ницше	89
Мне в судьбе не перепало	91

Из сборника «И путь неизведан...»,	
2004 год	93
От автора	94
Грехопадение	95
Метель	97
Что-то случилось	99
Так уж есть: не прервать злополучного круга ..	100
За гордыней побед	101
Малюет грубая рука узоры	102
Совсем не тем я удивлен	103
И пошатнулись древние Афины	104
Пророк	105
Зависть	107
Приидите	108
Не утонул бы в тех глазах смиренно	109
Артист	110
Уроки истории	113
К судьбе	115
Привидение	116
Противостояние	117
К поэту	118
Новый Вавилон	120
Над кем кружится чёрный ворон?	121
Памяти Фета	122
Утерянная обитель	123
Диалог	124
Слова	126
По нашим кладбищам гуляет смех	128
Человеческое достоинство	128
Мой собеседник	130

Без человека мир - и пуст, и нем, и глух	132
Эльсинор	132
Мог любить - не любил	134
Пасха	135
Прощание	140
Успех	142
Друг	144
Сновидение	145
Где ж станет обитать моя душа	147
Мысль	148
Лермонтов	149
Моё поколение	153
Мне не нужно ковра-самолёта	155
По дорогам счастье бродит	157
Кто победит: те или эти?	158
Рифмы порой - словно свора собачья	159
Тайна	159
Песня	161
9 мая 1945	162
Толпа	164
Возбудились порывом	164
Жизнь наносит удары	166
Воздушный замок	167
Лесная быль	169
Вразброс	174
Сон на скамейке	178
«Неоконченная строка», 2006 год	187
Странные люди	188
Удачу отдай собрату	189
Мне не взрасти до мудрости учёной	189
Нас Бог сподобил ахиллесовой пятой	190
Нет воздуха! Один лишь смрад вокруг	191

Кто они - эти последние люди	191
Все гуще, мрачней и мятежней	192
Совесьть	193
Есть тайное брожение ума	193
У души нету выше искусства	194
С тех пор, как Бог Андрогина	195
Листья в саду серебрятся	196
Истина	197
В чередe пестрых дней	198
Одно и то ж: искусство жить и умирать!	199
Русские мальчики	200
Круговая порука	200
Мы и они	201
Где Бога идола сменили	202
Нам даруются знаки судьбы	203
Черный ангел	204
Не влетит счастья птица	205
Проводы надежды	206
Я смотрел на нее, а она - на меня	207
Нельзья невинно рассуждать	208
Ты хранить себя не научилась	209
Старый дом	210
Одиночество	212
Памятник Гюго	213
Преемственность	214
Русские души	215
Цыганка	216
Гордецы	219
Вразброс	220
Тот, кто велик - не защищен от клеветы	221
Словно гнусная тля, словно едкая соль	222
По стану огненный катится шар	224
Молчат уста. Язык заточен в плен	224

Баранье честолюбие	225
История наша - подмостки okazji	227
Если нас в иные дни	228
Памяти В.М. Шукшина	229
Три акта драмы	231
Живу в вечном страхе с недавних пор	232
Так кто ж он, этот мыслящий тростник	233
На кладбище	235
Насмешники	239
Алхимиков во власти химики сменили!	240
Подвержен русский человек тиранству непогоды	240
И возродится раб земной не зная меры	241
Над Россиею - черный снег	242
Русский конь	243

Абрамов Владимир Леонидович

И ПУТЬ НЕИЗВЕДАН...
Сборник стихотворений

Компьютерная верстка Щевьева Т.Н.

Редактор, корректор Цымбалист Ю.И.

